

91 (57)

Д 50

Книга должна быть

Книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

341 ²⁴/_{III}
205 ¹²/_{VII}

Коллч. предыд. выдач. _____

91(57)

Q. 50.

305 25/12

1/2
1/2

1/2
1/2

1/2
1/2

Діонео.

91 (57)
D. 50

НА КРАЙНЕМЪ СЪВЕРО-ВОСТОКЪ СИБИРИ.

«Здѣсь жизнь есть лишь го-
рестное бореиіе со всеми ужа-
сами холода и голода, съ недо-
статкомъ первыхъ, самыхъ обы-
кновенныхъ потребностей и на-
слаждений».

Баронъ Врангелъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. Пантелѣва.

1895.

Handwritten notes and scribbles on the left side of the page, including the number '91' and various symbols.

1985

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., 8.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Колымскій округъ.

Алазейскій хребеть.—Бадараны.—Оторванный край. Купцы.—Анюйская крѣпость.—Средневы и низовики.— Вырожденіе.—Какъ колымчане коптели рыбу.—Уду-тоёвъ.— Сказочный край.—Гжигинскій трактъ.	1
Приложеніе.	35

ГЛАВА II.

На якутской свадьбѣ.

Спиридонъ.—Бырдахъ-ые.—Каменные люди.—Легенда о происхожденіи бодотной травы.—Въ лѣтнемъ чумѣ.—Яку- ты.—Тоёвы, итминить и хамначить.—Нравственныя ка- чества якутовъ.—Свадьба.—Сватанье.—Введеніе жены въ домъ мужа.—Банкетъ у Моксогола.	36
---	----

ГЛАВА III.

Внизъ по Колымѣ.

Приглашеніе чукчей.—Сборы.—Дорожныя невзгоды.— Кресты.—Казакъ Дуловцевъ.—Хайлаги.—Омолонъ.—Крѣ- пость.	65
--	----

ГЛАВА IV.

Нижне-Колымскъ и Сухарное.

Опустѣвшая крѣпость.—Сельдядка.—Промыслы низовиковъ.—Пріѣздъ Петрухи.—Вечерка.—Къ устью Колымы.—Сухарное.—Эмирячки.—Маякъ лейтенанта Лаптева.—Солонникъ.	93
--	----

ГЛАВА V.

Къ чукчамъ.

Пріѣздъ новыхъ гостей.—Козель.—Хѣлун.—Погода на морокѣ.—Въ чукотскомъ лагерѣ.—«Natio ferocissimae et bellicosa».—Онкилоны и чукчи.—Чукотскія похороны.—Игры.	129
--	-----

ГЛАВА VI.

Конецъ Кангѣниси.	164
---------------------------	-----

ГЛАВА VII.

Отъ Средне-Колымска до Якутска.

Послѣднія минуты въ Средне-Колымскѣ.—Поварня.—У якутовъ.—Полярные французы.—Удивительная честность ламутовъ.—На берегахъ Индигирки.—Встрѣча Рождества.—Хребетъ Тасъ.—Хаята.—Тарыны.—Метисъ Мартыанъ.—Якутское лѣченіе.—Верхоянскъ.—Мѣстное творчество.—Переваль черезъ Верхоянскій хребетъ.—Новый Робинзонъ въ долину Тумуркана.—Гмелинъ о жителяхъ Якутска.	179
--	-----

ГЛАВА VIII.

По Ленѣ.

Якутскъ.—Первые дни въ *большомъ* городѣ.—При какихъ обстоятельствахъ мы бывали вегетеріанцами въ

Средне-Колымскъ.—Якутское реальное училище.—Лена.— Легенда о происхожденіи горъ.—Загрудненія туриста.—Въч- наа мерзлота и Гмелинъ.—Кабакіе короли.—Величіе и упадокъ «Дворянской волости». — Золотые пріиски. — Ки- ренскій округъ.—«Бѣлые якуты». — Поселенцы. — Первая встрѣча съ новоселами. — Усть—Куть.—Хабаровъ.—Брат- ская степь.—Буряты.—Шаманство и ламаизмъ	221
Приложенія	282

ГЛАВА I.

Колымскій округъ.

Алазейскій хребетъ. — Бадараны. — Оторванный край. — Купцы. — Анюйская крѣпость. — Среднецы и низовики. — Вырожденіе. — Какъ колымчане коптели рыбу. — Улу-гоёнъ. — Сказочный край. — Гижигинскій трактъ.

I.

— Вотъ колымская сторона *калябасничаетъ* (мелькаетъ)! *Мольч* веселое мѣсто!

Такъ съ гордостью, смѣшанной съ умиленіемъ, скажетъ вамъ колымчанинъ, когда вы, по пути изъ Якутска въ Средне-Колымскъ, взберетесь на вершину Алазейскаго хребта, составляющаго естественную границу двухъ округовъ Верхоянскаго и Колымскаго.

Какъ бы сильно ни было въ васъ желаніе скорѣе добраться до Средне-Колымска, вы, однако, должны будете согласиться, что обыватель въ своемъ патриотизмѣ хватилъ нѣсколько черезъ край.

Трудно представить что-нибудь болѣе печальное, чѣмъ видъ «колымской стороны» съ Алазейскаго хребта.

Сами горы не высоки (около 3-хъ тысячъ футовъ); но лютые холода пресѣкаютъ растительность далеко ниже вершинъ. При подъемѣ вамъ каждый разъ встрѣчаются тонкія, чахлая лиственницы, странно скрученная спиралью. Это все дѣйствіе стужи, достигающей здѣсь страшной цифры:—60° и даже нѣсколько ниже по Ц. Вершина хребта—обнаженная. Одинокъ вырѣзывается на сѣромъ небѣ покачнувшійся крестъ, обвѣшанный крылышками куропадокъ, пучками конского волоса, тряпочками и т. д. Это—все жертвы «хозяину мѣста», духу горы — Дайды-Ичите. Сбейте рукавомъ вашей мѣховой кухлянки толстый слой инея, покрывшій крестъ. Вы прочтете тогда рядъ грустныхъ надписей, сдѣланныхъ невольными туристами, посылающими послѣдній привѣтъ дорогой далекой родинѣ. Бѣлесые сумерки полярнаго зимняго безсолнечнаго «дня» скралываютъ горизонтъ, сгущая такимъ образомъ и безъ того уже мрачныя краски. Куда глазомъ ни кинешь — безконечная снѣжная равнина. Легкой волной убѣгаетъ лишь на сѣверъ, къ берегу Ледовитаго океана, гряда невысокихъ холмовъ.

Лѣтомъ край врядъ ли веселѣе. На вершинѣ хребта, какъ на всѣхъ горахъ крайняго сѣверовостока, вы находите болото. Такое же болото у подножья горы. Ближайшее жильѣ — въ разстояніи трехсотъ верствъ. Лѣсъ крайне рѣдокъ. Всюду—безконечныя «бадараны». Нужно себѣ представить безконечную равнину, на которой, на общемъ ровномъ мшистомъ фонѣ, наляпаны громадныя бѣлесыя пятна ягеля. Нога, какъ въ губку, уходитъ въ толстый слой моха. Слѣдъ тотчасъ же на-

полняется водою. Въ началѣ конь (единственное возможное здѣсь сообщеніе лѣтомъ—верхомъ) ступаетъ по сравнительно твердому грунту, затѣмъ нога лошади все глубже и глубже уходитъ въ толстый слой моха. На рыжемъ фонѣ бѣлѣютъ въ изобиліи олени рога. Но вотъ все чаще и чаще слышится глухое чвоканье и хлопанье подъ ногами. Въмѣсто почвы, теперь уже какая-то каша изъ грязи и моха, въ которой конь вязнетъ по брюхо. Почва еще болѣе понизилась. Мохъ исчезъ. Всюду, куда глазомъ ни окинете, ярко-зеленый лугъ. Вы рады, что кони, наконецъ, пойдутъ по твердому грунту. Разочарованіе наступаетъ быстро. Ступивъ на этотъ лугъ, кони уходятъ выше брюха въ ржавую воду, подъ которой чвокаетъ та же грязь. Проводникъ васъ предупреждаетъ, чтобы вы слѣдовали шагъ за шагомъ за его конемъ, иначе вы рискуете попасть въ какую-нибудь болотистую рѣчку и окунуться съ головою. Кони тяжело дышатъ и съ трудомъ выволакиваютъ ноги; вотъ одинъ зашатался и валится на бокъ. Скорѣе высвобождайте ноги изъ стремянъ. Въ лучшемъ случаѣ, отдѣляетесь тѣмъ, что съ полчаса продрогнете по поясъ въ болотѣ, пока спѣшившіяся проводники не поднимутъ коня...

Чѣмъ жарче лѣто, тѣмъ глубже оттаиваютъ *бадараны*, тѣмъ мучительнѣе и опаснѣе переѣзды.

Только отъ Андылаха начинаютъ встрѣчаться рѣдкія одинокія юрты. Характеръ мѣстности мѣняется. По мѣрѣ приближенія къ извилистой «земляной» (т. е. болотистой) рѣкѣ Алазея, впадающей въ океанъ, почвы становится холмистѣе, встрѣчаются многочисленныя

озера, изъ которыхъ на иныхъ ледъ держится круглый годъ. Въ жаркое лѣто образуются на нихъ лишь «забереги», на которыя выплываютъ поиграть на солнцѣ «сардонки» (щуки).

Такъ до самаго берега Колымы, составляющей боевую артерію огромнаго края, территорія котораго равна 604,756 кв. в., т. е. въ нѣсколько разъ больше Франціи.

Десять мѣсяцевъ почти въ году край скованъ холодомъ. Близъ Средне-Колымска рѣка вскрывается въ срединѣ мая, а становится въ концѣ сентября; у устьевъ же, подъ 70° с. ш., часто въ срединѣ августа можно уже ѣздить по льду.

Амплитуда температуры лѣтней и зимней около 100 градусовъ (—62,8+28). Вслѣдствіе жестокихъ холодовъ, почва промерзла значительно глубже, чѣмъ на 100 саж. Лѣтомъ она оттаиваетъ, близъ Средне-Колымска, вершковъ на 6, близъ Нижне Колымска же—вершка на два, на три.

Вѣчная мерзлота не позволяетъ корнямъ деревьевъ углубляться: они стелятся почти на поверхности земли. Вслѣдствіе этого, жестокіе осенніе и весенніе вѣтры вырываютъ съ корнями массу деревьевъ и дѣлаютъ тайгу непроходимой. Рѣдкимъ проѣзжимъ приходится часто подвигаться впередъ съ топоромъ въ рукахъ.

Жестокіе холода дѣлаютъ немислимою какою бы то ни было культуру растеній.

Большинство жителей должны вести ту же жизнь, какою вели таинственные кангяниси, быть можетъ, современники мамонта: рыба, да иногда оленина, вотъ единственные продукты. Рогатый скотъ разводится лишь

близь Средне-Колымска, да близь Верхне-Колымска. Его очень мало. На 6,060 жителей (т. е.) 1 человекъ на 99,79 кв. в.) округа имѣется всего 597 головъ рогатаго скота.

Здѣсь «жизнь есть лишь горестное бореніе со всѣми ужасами холода и голода, съ недостаткомъ первыхъ, самыхъ обыкновенныхъ потребностей и наслажденій» *).

Въ концѣ XIX вѣка тысячи людей ведутъ жизнь троглодитовъ: не знаютъ хлѣба, вынуждены обходиться безъ соли, добываютъ огонь первобытнымъ способомъ, треніемъ, не знаютъ употребленія мыла, обходятся безъ бѣлья, надѣвая мѣховую одежду прямо на голое тѣло.

И такъ живутъ не только дикари, но и русскіе. Всѣ живутъ въ вѣчномъ трепетѣ, что поздно вскроется рѣка или же затопитъ вода тони, и тогда наступитъ голодь, со всѣми ужасами его, не исключая смерти.

А впереди что? Неизбѣжное угасаніе. Всѣхъ ждетъ участь племени кангѣниси. Полное исчезновеніе людей въ округѣ лишь вопросъ времени.

По даннымъ 1889 г., въ округѣ родилось 194 ч., а умерло 456 чел. Черезъ 50 лѣтъ въ округѣ не останется ни одного человекъ, если положеніе вещей останется то же. Тогда край будетъ напоминать страшную картину, нарисованную Байрономъ въ его поэмѣ «Darkness»:

«Herbless, treeless, manless, lifeless
A lump of death».

*) *Вранель*, «Путешеств. по сѣвер. бер. Сибири», т. I, стр. 234.

Русскіе занесли сюда двѣ страшныя болѣзни: оспу и сифились. Оспа выкосила въ 1889 г. въ Колымскомъ округѣ *до одного* человѣка племя коряковъ, которые до сихъ поръ еще существуютъ... въ курсахъ антропологии и этнографіи; отъ племени чуванцевъ остался лишь *одинъ* человѣкъ. Въ ноябрѣ 1891 г. я видѣлъ этого послѣдняго изъ могиканъ на Сухарномъ, въ поселкѣ, лежащемъ въ устьѣ Колымы, въ 130 верстахъ сѣвернѣе Нижне-Колымска. Отъ племени юкагирь, которыхъ въ прошломъ столѣтіи было нѣсколько тысячъ человѣкъ, теперь осталось лишь нѣсколько человѣкъ. Еще Врангель рассказываетъ о трехъ большихъ юкагирскихъ деревняхъ, лежащихъ на р. Омолонѣ. Въ іюлѣ 1891 г. я посѣтилъ эти *деревни*: одна исчезла безслѣдно, въ другой—*одинъ дымъ*, въ третьей—*два*. Вотъ что осталось отъ этихъ аборигеновъ р. Колымы. Обыватели далеко объѣзжаютъ теперь юкагирскія «деревни», потому что все населеніе ихъ буквально заживо сгнило отъ сифилиса и цынги, составившихъ страшную смѣсь. Въ оспенную эпидемію 1885 г. погибло около 1000 носовыхъ чукчей, т. е. почти половина этого живучаго, энергичнаго племени.

Край оторванъ отъ остальнаго міра безконечнымъ кольцомъ болотъ и горныхъ хребтовъ. До ближайшаго «культурнаго» центра, до Якутска, около трехъ тысячъ верстъ. И какихъ! Приходится перевалить черезъ два горныхъ хребта, переправиться черезъ двѣ громадныя рѣки и безчисленное количество мелкихъ. Дороги нѣтъ. Въ этой пустынѣ можетъ лишь ориентироваться проводникъ дикарь. Въ лучшемъ случаѣ, путь отъ Якут-

ска до Средне-Колымска продолжается 50 дней, въ худшемъ—4 мѣсяца и даже болѣе.

Поддерживаютъ связь между Колымскимъ краемъ и Якутскимъ рѣдкія почты (разъ въ четыре мѣсяца), да купцы.

Колымскій купецъ — это особое существо, всю свою жизнь проводящій въ полярной пустынѣ. Въ началѣ октября, какъ только замерзнуть «бадараны» (болота),—изъ Якутска отправляются въючнымъ порядкомъ транспорты купеческой клади. Главный грузъ состоитъ изъ кирпичнаго чая, листового табаку, бракованныхъ ситцевъ и водки. Якутскіе кони очень выносливы; во все время пути они довольствуются подножнымъ кормомъ, который выбиваютъ изъ подъ снѣга. Въ мартѣ кладъ прибываетъ въ Колымскъ. Часть ея продается тутъ же, но большая часть на собакахъ отправляется на Анюй, на чукотскую ярмарку. Она происходитъ въ Анюйской «крѣпости», въ 250 верстахъ на востокъ отъ Нижне-Колымска, на нейтральной почвѣ между землями русскихъ и независимыхъ чукчей. Пусть грозное слово «крѣпость» не введетъ никого въ заблужденіе.

«Крѣпость»—нѣсколько пустыхъ срубовъ, обнесенныхъ рубленнымъ заборомъ изъ «плавника». Когда какой-то проказникъ-чукча, напившись пьянымъ, вздумалъ перелѣзть черезъ крѣпостную стѣну,—она рухнула. Сюду-то въ апрѣлѣ съѣзжаются чукчи, русскіе и ламуты, которымъ поручается держать посты въ крѣпости. Въ данномъ случаѣ исправникъ пользуется въ-ковую ненавистью, которая существуетъ между чук-

чами и ламутами. Купцы вымѣниваютъ пушнину и мамонтовые клыки на чай, табакъ и, самое главное, на *акаммель* (водку), которая, хотя официально запрещена для привоза, но доставляется пѣлыми флягами. За полторы бутылки разведенной водой водки, настоящей для крѣпости на махоркѣ и на мѣдномъ купоросѣ,—купецъ беретъ у чукчи бобровую шкуру. Обыкновенный способъ торговли такой. Какъ только открывается ярмарка, чукчи бросаются разыскивать своихъ «друзей»-купцовъ и требуютъ водки. Купецъ говоритъ, что водка у него есть, но не для продажи; друга, пожалуй, онъ угоститъ, но даромъ. Тутъ онъ подноситъ чукчѣ чашку «сладкой», т. е. не настоящей на купоросѣ водки. Чукча начинаетъ умолять дать ему столько «акаммель», чтобы свалиться на землю (единственная мѣра, признаваемая чукчами при покупкѣ спиртныхъ напитковъ); купецъ отказывается, прогоняетъ дикаря, который чмокаетъ губами, шелкаетъ языкомъ и качается, какъ мертвецки пьяный, чтобы нагляднѣе объяснить, сколько «веселой воды» ему нужно. А тутъ еще купецъ, какъ бы нечаянно, толкнетъ флягу, такъ что въ ней начинается хлопать жидкость. Въ эту минуту чукча готовъ отдать все, что у него имѣется, лишь бы напиться. И купецъ пользуется моментомъ...

Въ началѣ мая купцы отправляются изъ Средне-Колымска въ Якутскъ съ грузомъ пушнины и клыковъ, да еще нѣсколькихъ красивыхъ дикарокъ, которыхъ покупаютъ у клана. Цѣна дѣвушки на крайнемъ сѣверо-востокѣ—кирпичъ чая и чашка водки, т. е. нѣ-

сколько меньше, чѣмъ стоитъ олень. Въ дорогѣ дѣвушки составляютъ гаремъ купца, а въ Якутскѣ онъ ихъ сбываетъ либо въ мѣстные публичныя дома, либо въ Витимъ и Киренскъ, гдѣ женское тѣло въ цѣнѣ, такъ какъ это первые этапы золотоприскаателей при выходѣ изъ тайги. Если путь въ Средне-Колымскъ труденъ, за то барыши, получаемые купцами,—громадны. Одна поѣздка на крайній сѣверо-востокъ приносить тысячъ 10—15 чистыхъ. Все населеніе береговъ Колымы—вѣковѣчные рабы купцовъ; обыватели и дикари въ вѣчныхъ долгахъ, которые, какъ мертвая петля, все болѣе и болѣе захватываютъ шею. Купцы подряжаются доставлять въ Средне-Колымскъ муку для казеннаго магазина и соль; за доставку они берутъ отъ казны по 12 р. за пудъ; но вмѣсто муки, въ магазинъ доставляются *квитанціи*, которыя купцы покупаютъ за гроши у казаковъ. Купцу квитанція стоитъ 3 р., а въ магазинѣ онъ беретъ за нее 12 р. Соль доставляется въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ берется подрядъ. Вслѣдствіе этого, все населеніе низовьевъ рѣки почти круглый годъ сидитъ безъ соли. Такъ какъ мука въ казенномъ магазинѣ стоитъ 14 р. за пудъ, то ее никто не покупаетъ. Со времени существованія магазина въ Средне-Колымскѣ не продано *ни одного фунта*. Въ низовьяхъ Колымы кирпичъ чая стоитъ до 8 руб., 1 ф. табаку-махорки до 3 руб., аршинъ самаго плохаго ситца—до 1 р.; такихъ денегъ обывателю, а тѣмъ болѣе дикарю, взять негдѣ; вслѣдствіе этого, населеніе живетъ лишь сырою, мерзлою рыбою (строганиной), безъ соли; вмѣсто чая, пьютъ брусничныя листья и

курить крошеную ровдугу (замшу). Бѣлья не носятъ, а мѣховое платье одѣваютъ прямо на голое тѣло.

Таково вліяніе «связи», соединяющей заброшенный край съ культурнымъ міромъ.

Посмотримъ же на населеніе округа.

«Когда-то, — говоритъ легенда, на берегахъ Колымы было огней болѣе, чѣмъ звѣздъ на ясномъ небѣ». Это было, вѣроятно, очень давно. Съ XVI в. округъ сталъ ареной борьбы. Вначалѣ явились ламуты, затѣмъ приближали остатки разбитыхъ якутовъ, возставшихъ подъ предводительствомъ Дженника (см. дальше). Они принесли вѣсть о новыхъ страшныхъ завоевателяхъ. Скоро явились и послѣдніе. Въ главѣ «конецъ кангѣениси» я прилагаю легенду, рисующую тревожное состояніе края наканунѣ появленія русскихъ.

II.

Завоеваніе Сибири не даромъ признается фактомъ, не имѣющимъ себѣ подобнаго въ исторіи: 23-го октября 1581 г. былъ взятъ Ермакомъ Искеръ, а въ 1648 г. казакъ Семень Дешневъ, да промышленники Ѳедотъ Колмогорецъ и Анкудиновъ огибали уже Чукотскій носъ. Въ 60 лѣтъ русскіе прошли весь громадный материкъ отъ Урала до Бернигова или, точнѣе, до *Дежневскаго* пролива по діагонали слишкомъ въ 10 тысячъ верстъ; въ сѣверной Америкѣ же въ 2¹/₂ вѣка завоеватели едва изслѣдовали окраины. Мы знаемъ, что гнало русскихъ на крайній сѣверо-востокъ: соболю и смутные толки о «*кильбяиряхъ юряхъ*» (буквально: бле-

стяжія рѣчки), о которыхъ разсказываютъ столь много чудесъ полярные дикари. Промышленники принимали эти «блестяшіе рѣчки» за золотыя россыпи, и немало жизней погублено въ поискахъ за ними. Въ общемъ, покореніе Сибири была затянувшаяся на 60 лѣтъ охота на соболя. Въ погонѣ за нимъ, охотники не щадили ни себя, ни тѣмъ болѣе инородцевъ, съ которыми приходилось сталкиваться. Эти шестьдесятъ лѣтъ — страницы, писанныя кровью и слезами. Каждый шагъ на сѣверо-востокъ вель за собою отчаянье и мученическую смерть побѣжденныхъ. Чѣмъ меньше сопротивленія встрѣчали завоеватели, тѣмъ большія мученія переносили побѣжденные *). Но въ то же время насъ поражаетъ этотъ удивительный походъ горсти людей. Крайній сѣверъ и востокъ Сибири былъ пораженъ не сплоченнымъ отрядомъ войскъ, а десяткомъ промышленниковъ, этими «*sourreurs des bois*» и «*beaver trappers*» Сибири. Въ 1628 г. казакъ Василій Бугоръ съ шестью товарищами на лыжахъ перебрался съ Енисея на Лену и утвердился на этой исполинской рѣкѣ. Черезъ 10 лѣтъ казакъ Василій Бузыгъ (пьяница?) съ десятию товарищами пробрался на *кочь* (лодкѣ) Ледовитымъ океаномъ въ устьѣ Яны и заложилъ тамъ острожекъ Усть-Янскъ. Въ то же время 11 казаковъ подъ предводительствомъ Михаила Стадухина свершили Ледовитымъ океаномъ, въ небольшой лодкѣ, около 2-хъ тысячъ верстъ и появились въ устьяхъ р. Колымы.

*) Стоитъ лишь вспомнить участь якутовъ, ламуговъ, юкагировъ и др. инородцевъ, почти не сопротивлявшихся русскимъ.

Безъ карты, безъ компаса, на неукложей *кочь*, почти безъ запасовъ, горсть людей свершила подвигъ, который 250 лѣтъ потомъ напрасно старался повторить рядъ прекрасно снаряженныхъ полярныхъ экспедицій въ поискахъ за такъ называемымъ сѣверо-восточнымъ проходомъ, пока задача не была разрѣшена Норденшильдомъ. Какъ видите, въ личной храбрости и въ нечеловѣческой энергіи завоевателямъ крайняго сѣверо-востока отказать ни въ коемъ случаѣ нельзя.

Посмотримъ же на потомковъ этихъ завоевателей теперь; во что они превратились на крайнемъ сѣверо-востока черезъ 2½ вѣка? Они выродились совершенно. Наблюдателя прежде всего поразить явленіе, которое можно формулировать такъ: чѣмъ меньше сопротивленія встрѣтили русскіе со стороны инородцевъ, тѣмъ больше они потеряли свою національность. Въ самомъ дѣлѣ въ Якутскѣ, въ Верхоянскѣ и въ Средне-Колымскѣ, гдѣ противниками завоевателей были якуты, которые почти не сопротивлялись,—русскіе обьякутились совершенно, какъ увидимъ дальше; въ Нижне-Колымскѣ, дальше къ сѣверу на 550 верстъ, гдѣ русскіе встѣтились съ мужественнымъ врагомъ, съ чукчами, которые всего только нѣскольکو десятковъ лѣтъ какъ перестали тревожить русскіе поселки,—потомки завоевателей сохранили въ полной чистотѣ русскій языкъ. Въ устьяхъ Колымы вы услышите вышедшія уже изъ употребленія русскія слова, былины, которыя поются *на юлогъ*. Тамъ вы можете слышать варианты, забытые уже въ Европейской Россіи, слова и выраженія, которыя встрѣтите развѣ въ «Словѣ о полку Игоревѣ»

По берегамъ Колымы русскіе живутъ въ трехъ «городахъ»: Верхне-Колымскѣ, Средне-Колымскѣ и Нижне-Колымскѣ, да въ нѣсколькихъ поселкахъ, лежащихъ между послѣднимъ «городомъ» и Ледовитымъ океаномъ. Врядъ ли ошибусь, сказавъ, что каждое изъ этихъ поселеній составляетъ какъ бы особый кланъ, со своими обычаями и своимъ особымъ говоромъ, иногда даже языкомъ (въ Средне-Колымскѣ, напримѣръ, обыватели плохо понимаютъ по-русски и всегда говорятъ между собою по-якутски, а низовики не понимаютъ ни слова по-якутски). О Верхне-Колымскѣ мнѣ долго говорить не приходится: тамъ всего девять жителей. Около сотни якутовъ и ламутовъ живутъ разбросанно верстахъ въ 20—180 отъ этого «города». Здѣсь официально числится русское мѣщанское общество въ 40 чело-вѣкъ; но его давнымъ давно нѣтъ уже. Скажу невѣроятную вещь: это общество совсѣмъ одичало и ушло «въ ламуты», т. е., какъ и эти дикари, бродятъ съ оленями въ гольцахъ. Повторенія этого явленія мы увидимъ еще въ Нижне-Колымскѣ, хотя въ нѣсколько другой формѣ.

Средне-Колымскъ или «Средно», какъ говорятъ здѣсь,—царица края. Тутъ цѣлыхъ два три десятка избышекъ, безъ крышъ, разбросанныхъ безъ всякаго порядка на лѣвомъ берегу Колымы, по обѣимъ сторонамъ узкой, но глубокой рѣчки Анкудинъ. Въ Средне-Колымскѣ вся администрація края: исправникъ, который въ тоже время высшій судья, комендантъ Анюйской «крѣпости», начальникъ всего войска округа (послѣднее состоитъ изъ 11 казаковъ, не имѣю-

щихъ ни ружей, ни знаменъ, ни мундировъ) и т. д. и т. д.

Средневецъ очень гордится своимъ городомъ и пренебрежительно смотритъ на низовика, какъ губернской франтъ на жителя мѣстечка.

Населеніе Средне-Колымска состоитъ изъ мѣщанъ и казаковъ. Вторые составляютъ аристократическій элементъ города. Матеріальное положеніе ихъ, сравнительно, должно было бы быть недурно. Каждый казакъ съ самаго рожденія получаетъ «поль-пайка», т. е. 1 п. ржаной муки въ мѣсяць, а съ семи лѣтъ—2 п., т. е. полный паекъ. Къ сожалѣнію, на муку эту является много охотниковъ, въ лицѣ купцовъ. Пользуясь страстью колымчанъ къ водкѣ и тою дѣтскою чертою беззаботности, которою отличаются всѣ дикари,—кушмы закупаютъ впередъ за цѣлый годъ пайки по 3 руб. за пудъ (уплата—водкою, по 3 руб. за бутылку, или кирпичнымъ чаемъ и табакомъ) и сдаютъ пайки въ казенный магазинъ по 12 рублей за пудъ.

Рожденіе каждаго казаченка—ведетъ за собою увеличеніе благосостоянія семьи. Вслѣдствіе этого «паекъ» породилъ въ Средне-Колымскѣ удивительное явленіе. Забеременѣвшая дѣвушка-казачка не имѣетъ отбоя отъ жениховъ; тутъ своего рода лотерея, до которой такъ падки колымчане: можетъ родиться *паекъ* *). Если супруги-казаки дѣтей не имѣютъ, мужъ отдаетъ свою жену казаку, у котораго родилось нѣсколько *пайковъ*.

*) По закону, незаконнорожденные приписываются тоже къ казачьему сословію, если къ нему принадлежитъ мать.

Въ случаѣ, если родится мальчикъ, счастливый мужъ отдастъ сотруднику полпайка за цѣлый годъ. Это явленіе до того заурядно на всей Колымѣ и, если не ошибаюсь, въ Верхоянскѣ, что на него смотрятъ какъ на подрядъ. Меня увѣряли, что иногда заключаются письменныя условія; говорилъ мнѣ это человѣкъ вполне компетентный; но подобнаго условія я ни разу не видаль.

Жизнь мѣщанъ вполне зависитъ отъ улова рыбы. Впрочемъ, какъ бы хорошъ послѣдній ни былъ, къ концу весны обыкновенно запасовъ не хватаетъ. Рѣка очищается совершенно отъ льда очень поздно,—лишь въ началѣ іюня. Неводить же начинаютъ около Петрова дня; до тѣхъ поръ тони залиты водою или попорчены кляпинами и корягами, принесенными въ изобиліи во время водополья. Въ мартѣ мѣсяцъ кончаются уже запасы рыбы. Жители начинаютъ ѣсть собачій кормъ: рыбы кости, потроха и прочую полусгнившую мерзость. Въ это время въ избу колымчанина нельзя войти: тяжелый одуряющій запахъ гнилой рыбы захватываетъ дыханіе и вызываетъ тошноту. Чѣмъ ближе къ веснѣ, тѣмъ положеніе дѣлъ становится все хуже, да хуже. Въ маѣ обыватели съѣдаютъ кожаные бутки, ремни, налимьи кожи, которыми лѣтомъ, вмѣсто стеколъ, затянуты рамы и т. д. Жить тогда въ Средне-Колымскѣ—пытка. Желтѣя, опухшія лица, горящія голоднымъ блескомъ глаза — буквально могутъ обезумить. Тошнѣ, едва живыя собаки, шатаясь, бродятъ по городу, разыскиваютъ трупы своихъ околѣвшихъ товарищей и жадно пожираютъ. Но вотъ конецъ мая. Ко-

лыма почернѣла. Зеленныя наледи разлились на ней повсюду. Наконецъ съ оглушительнымъ трескомъ ломается ледъ и рѣка трогается. Все населеніе Колымска высыпаетъ на берегъ.

— Пошья, пошья, матушка-Коима!—говорятъ обыватели. Рѣку они олицетворяютъ въ видѣ женщины. Такъ какъ за городомъ рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ, то огромныя $1\frac{1}{2}$ саженой толщины льдины спираются тамъ и образуютъ громадную запруду версты $1\frac{1}{2}$ въ длину. На рѣку тогда страшно взглянуть. Льдины напираютъ другъ на друга, становятся торцею, трещать; въ воздухѣ стоитъ глухой гулъ, заглушающій голоса. Выше ледяной плотины вода подымается и заливаешь городъ. Но обывателей нисколько не тревожитъ вода, залившая ихъ избы до самыхъ оконъ: это пустыки, *вольная вода*, которая только рыбу принесетъ. Колымчане только болѣютъ сердцемъ за свою рѣку.

— Мучится, Коима-матушка!—тоскливо говорятъ обыватели, какъ о женщинѣ, которая мучится въ по-тугахъ. Но вотъ съ оглушительнымъ трескомъ рухнулъ ледяной барьеръ. Льдины быстро несутся внизъ по рѣкѣ уже не сплошнымъ полемъ, видны уже «талыя мѣста».

Обыватели пляшутъ на берегу, стрѣляютъ изъ ружей и кричатъ:

— Пошья, пошья! (пошла!).

Беременные женщины и дѣвушки выходятъ на берегъ:

— Это шибко намъ помогать: легче рожать!—говорятъ онѣ.

Въ избахъ готовятся къ неводьбѣ: снаряжаютъ карбасы, сшитые тальникомъ, безъ единого гвоздя, ладять сѣти, невода. Скоро весь Средне-Колымскъ пустѣеть: обыватели разъѣзжаются по займамъ. Имущество оставляется въ незапертыхъ избахъ; двери приперты лишь палочкой, чтобы показать, что хозяевъ нѣтъ. Воровство въ Среднемъ Колымскѣ неизвѣстно. Необходимаго спутника культуры—тюрьмы въ этомъ городѣ еще нѣтъ. Язва Якутской области—*хайлаки* (уголовные ссыльно-поселенцы) здѣсь мало извѣстны. Уголовныхъ на крайній сѣверо-востокъ ссылаютъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; да и то поселенцы живутъ не въ Среднемъ Колымскѣ, а въ округѣ. А на крайнемъ сѣверѣ лишь *хайлаки* являются носителями острожной культуры.

1836. На неводьбѣ забываются въ одинъ день всѣ невзгоды зимы. Сыты люди, сыты собаки. Промышленники брезгаютъ плохой рыбою, какъ *сардонка* (щука) или же налима, отъ котораго берутъ лишь *максу* (печень); все же остальное выбрасывается. На неводьбѣ колымчанинъ щедръ, какъ дикарь. Если пріѣдетъ гость, онъ его безъ гостинца не опуститъ. Гостинецъ состоитъ изъ 3—4 пудовыхъ нельмъ. Этимъ обстоятельствомъ пользуются кулаки помельче. Лѣтомъ они объѣзжаютъ займки, угощаютъ промышленниковъ водкою и за это набираютъ полные карбасы рыбы и юкалы. Громадное количество рыбы подряжается по ничтожной цѣнѣ въ 50—65 копѣекъ за пудъ. Эту же самую рыбу кулакъ продаетъ весной промышленнику по 2—2¹/₂ руб. за пудъ. На неводьбѣ средневецъ совершенно пре-

образовывается. Обыкновенно флегматичный, вялый, молчаливый и напоминающий свою любимую рыбу — нельму, лѣтомъ обыватель становится другимъ. Тогда неводятъ «въ круговую» пѣлыя сутки. Каждый неводъ заметывается три раза. Круглыя сутки надъ пустынной рѣчкой раздаются смѣхъ, шутки, пѣсни. Правда, пѣсни средневеца совсѣмъ неудачныя; вотъ для примѣра одна:

Прошлогодня ачилинка *)
Ходить безъ *оборныхъ торбаса* **),
Совогодня ачилинка
Въ раскобыльихъ торбаса.
Про тебя-то, ачилинка,
Дурна славушка прошла.
Неужель ты, ачилинка,
До дурной славы дошла?
Измѣнила ачилинка
На послѣдняго якута.
Завладѣль-то ачилиной
Распослѣдній разъякутъ.

Чаще всего раздаются пѣсни на якутскомъ языкѣ. Рѣдкія русскія пѣсни и сказки сильно «околымились» и на нихъ легъ отпечатокъ мѣстнаго творчества ***).

На неводбѣ завязываются всѣ романы. Нужно сказать, что отношеніе колымчанъ къ женской невѣрности или къ дѣвичьей чести тоже, какъ у якутовъ или же у чукчей, т. е. безразличное. Дѣвушка, имѣющая дѣтей, выходитъ легко замужь; если же она

*) *ачилинка* — любовница.

***) *оборные торбаса* — горбаса (т. е. мокасины) съ ремнями, которыми обувь эта привязывается у ступни.

***) См. приложение, на стр. 35.

казачка, то дѣти—ся приданое. Помню такой фактъ. Обыватель жалуется, что у него дѣтей нѣтъ.

— Какъ,—говорю я,—развѣ Ванька не твой сынъ?

— Нѣтъ, женинъ: она его въ дѣвкахъ привела.

— Отъ кого?

Мой вопросъ сильно удивилъ обывателя. Онъ прожилъ съ женою 10 лѣтъ и до сихъ поръ не поинтересовался узнать, отъ кого она имѣла сына, который живетъ вмѣстѣ съ ними.

Къ Ильину дню уже на заимкахъ ночью зажигается «лейка», т. е. плошка, налитая рыбьимъ жиромъ. Солнце начинаетъ закатываться; лѣто близится къ концу; но уловъ становится все богаче да богаче. Колымчане знаютъ только два способа сохраненія рыбы въ прокъ: *юкалу* и соленье. Соль—въ рѣдкость; такъ-что на 1 п. рыбы кладутъ лишь 1 фун. соли. Вслѣдствіе этого, уже въ концѣ лѣта рыба начинаетъ портиться, *киснуть*, какъ говорятъ здѣсь. Чего не слѣдуетъ вѣковая привычка: колымчане такъ привыкли къ *кислой* рыбѣ, что предпочитаютъ ее свѣжей, находя, что послѣдняя «молчъ жидкая». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пробовали-было ввести копченіе рыбы, но это время напоминаетъ «войны за просвѣщеніе», воспѣтыя покойнымъ сатирикомъ.

Быль тогда въ Средне-Колымскѣ исправникомъ В. (онъ потомъ за лихоимство подъ судъ попалъ). О немъ обыватели говорятъ:

— Ужь если мы послѣ В. живы остались, такъ насъ теперъ хоть въ котлѣ вари.

Получилъ разъ В. изъ Якутска копченую рыбу и

бумагу: «въ виду недостатка въ соли, не найдеть ли возможнымъ исправникъ привить копченіе рыбы».

Сейчасъ же были собраны обыватели.

— Эй, вы, *ханъ ытэ хараха!* *) Не смѣть больше солить рыбу! Коптите ее,—объявилъ В.

Обыватели выдвинули самое вѣрное свое возраженіе:

— Наши дѣды рыбы не коптили, а живы были; почто же мы дѣлать станемъ?

В. прогналъ ихъ, пригрозивъ караульной и розгами.

Начался промыселъ. Весь уловъ сволокли на берегъ, гдѣ были устроены коптильни. Такъ какъ никто не зналъ, какъ приняться за дѣло, то рыбу *попекли*, но не прокоптили. Рыба испортилась; уже съ осени ѣли какую-то гниль. Чѣмъ дальше къ веснѣ, тѣмъ дѣла становились все хуже да хуже.

— Чуть мы не пропали тогда!—разсказываютъ обыватели.

А В. грозитъ, что и въ будущемъ году не позволить солить рыбу. Умыніе взяло средневцевъ. Къ счастью, В. былъ вытребованъ въ Якутскъ. Въмѣсто него прибылъ новый исправникъ. Не успѣлъ онъ еще выльзъ изъ нартъ, какъ къ нему явилась депутація.

— Ваше высокородіе, а мы рыбу коптить станемъ?—робко спросила она.

— Это ваше дѣло.

*) Самое жестокое якутское ругательство; буквально: «кровь черной собаки».

— Значить, можно солить?—еще не вѣря себѣ отъ радости крикнули депутаты.

— Какъ хотите! Это не дѣло исправника.

— Тусь, доготоръ! тусь! тусь! (т. е. солите! ребята, солите! солите!)—стала, какъ сумасшедшая, кричать депутація, размахивая руками. Это былъ, безъ сомнѣнія, самый радостный день въ Колымскѣ за все столѣтіе. Батюшку попросили отслужить благодарственный молебенъ. Цѣлый день звонили въ колокола и палили изъ ружей.

Коптильни остались, чтобы потомство знало, какія напасти бывали въ старыя годы. Теперь, когда колымчанинъ желаетъ датировать какое-нибудь событіе, онъ говоритъ: «это было столько-то лѣтъ *до* или *послѣ* того какъ мы рыбу коптили».

Въ первыхъ числахъ сентября кончается промысль, а вмѣстѣ съ нимъ и оживленіе среднеца.

III.

Средневецъ—средняго или маленькаго роста, съ плохо развитою мускулатурою. Голова у него якутскаго типа, съ сильно скошеннымъ лбомъ, косыми прорѣзами глазъ, большими скулами и такою же нижнею челюстью. Растительности на лицѣ почти нѣтъ. Пушокъ высыпаетъ лишь въ глубокой старости. Насъ за наши бороды иначе не называли, какъ «кырджагасъ», т. е. *старикш*, хотя самому старшему «кырджагасу» было лишь тридцать лѣтъ. Вообще, хотя, въ европейскомъ смыслѣ, нѣкоторые мои товарищи могли быть названы идеаломъ

мужеской красоты, по колымчанки считали ихъ уродами, во-первыхъ, за ихъ бороды («на лицѣ, волосы какъ у собаки»), во-вторыхъ, за то, что нѣкоторые имѣли «бусъ харахъ» (буквально, «ледяные глаза»), т. е. голубые или сѣрые глаза: въ-третьихъ, были великаны, хотя ни одинъ не былъ выше 2 арш. 9 верш. Красавецъ долженъ, по колымскимъ понятіямъ, непременно имѣть «глаза какъ у теленка» (карие).

Умственные способности среднеца очень невысоки. Памяти у него почти нѣтъ. Онъ съ трудомъ повторитъ три слова подъ-рядъ. Чтобы поучиться грамотѣ, онъ бѣется нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ и, въ концѣ-концовъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія ученія забываетъ рѣшительно все. Нѣкоторые взрослые колымчане безошибочно считают лишь до 39; дальше они говорятъ «тридцать десять, тридцать одиннадцать и т. д.». Кругозоръ обывателя очень узокъ. Сидятъ у меня два моихъ пріятели среднеца, изъ мѣстныхъ сливокъ. Я предлагаю одному пересчитать всѣ города, которые онъ знаетъ.

— Верхно, Средно, Нижно, Верхояншко *),—бойко сталъ онъ считать, потомъ остановился немного и прибавилъ: Якучко (Якутскъ),—и уже окончательно замолчалъ.

Вижу, другой смѣется.

— Чего это вы?—спрашиваю я.

— Анперія, — важно прибавилъ спрошенный, —

*) Верхне - Колымскъ, Средне - Колымскъ, Нижне - Колымскъ Верхоянскъ.

экъ ты, акары (дуралей), самый-то важный городъ забыль.

Колымчанинъ считаетъ, что за «Верхояншко» начинается *Россія*, т. е. Бѣлая Арапія. Себя средневцы не считаютъ русскими: «мы люди коимскіе» (т. е. колымскіе). Болѣе просвѣщенные, побывавшіе въ Якутскѣ, увѣрены, что «Россія» лежитъ за Иркутскомъ.

Я говорилъ уже, что средневцы по русски изъясняются совсѣмъ плохо. Ихъ обиходный языкъ—якутскій. Якутскій пантеонъ оставилъ сильное впечатлѣніе на религіи обывателя. Средневцы увѣрены, что боговъ четыре и что всѣ они живутъ въ четырехъ углахъ неба: св. Никола на югѣ, два Спаса на западѣ и на востокѣ и Матерь Божія—на сѣверѣ. Богоматерь смѣшивается иногда съ единственнымъ добрымъ божествомъ якутскаго пантеона Асынылахъ Аисытъ Хатынъ (т. е. соболѣзнующая мать создательница). Какъ и якуты, средневецъ убѣжденъ, что каждая болѣзнь происходитъ отъ того, что въ тѣло вселяется какой-нибудь *абаны* (злой духъ). Все лѣченіе должно состоять въ томъ, чтобы поставить правильный діагнозъ, т. е. опредѣлить, какой именно *абаны* сидитъ въ больномъ. Слѣловать можетъ это лишь шаманъ.

Можетъ быть, ни въ чемъ такъ сильно не видно вліяніе якутской міеологіи, какъ въ отношеніи къ бурому медвѣдю, который на Колымѣ водится въ громадномъ количествѣ. Якуты считаютъ, что этотъ звѣрь—олицетвореніе ихъ самаго страшнаго бога Улутойона. Идетъ, на примѣръ, длинный караванъ купеческой кледи лѣсомъ. Вдругъ остановка.

— Тугуй мана? (что такое?)—раздаются тревожные голоса.

— Улу-Тойонъ! (медвѣдь)—отвѣчают испуганно проводники. Дѣйствительно, громадный звѣрь вышелъ изъ лѣсу, сидитъ на тропѣ да шелкаетъ зубами. Нападать боится, потому что людей много, а уйдти тоже не хочется.

Всѣ спѣшиваются. Выходитъ самый рѣчистый якутъ, снимаетъ шапку и говоритъ:

— Улу-Тойонъ! мы знаемъ, что ты единственный владѣтель этихъ мѣстъ; но мы зашли въ твои владѣнія не потому, что желали нанести тебѣ оскорбленіе, а потому, что нашъ путь лежитъ черезъ нихъ. Уважь же намъ, о Улу-Тойонъ! ты же вѣдь знаешь, что у насъ нѣтъ дѣтей-промышленниковъ, которые бы тебя искали, почто же ты насъ ищешь?

Пока продолжается рѣчь, иные якуты лежатъ ничкомъ и голосятъ: Абра ани, Улу-Тойонъ, абра! (т. е. помилуй насъ, медвѣдь, помилуй); другіе же дрожащими руками разводять громадные костры. Случается, медвѣдь цѣлыя сутки держать проѣзжихъ.

Колымчане также «отчитываютъ» медвѣдя. Русскіе считаютъ даже грѣхомъ называть его по имени: о медвѣдѣ говорятъ «огонеръ» (т. е. дѣдушка) или же, еще чаще, просто «кини», онъ.

Среднецы не сохранили никакихъ преданій о старинѣ, о томъ, какъ появились ихъ предки на Колымѣ. Изъ завоевателей Сибири помнятъ лишь Ермака, да его эсаула Ивана Кольцо. Въ мѣстномъ архивѣ хранились драгоценные документы и договоры

съ княжцами, писанные на берестѣ. При исправникѣ В. большая часть архива была продана на вѣсь. Въ горницахъ мѣстныхъ обывателей можно часто видѣть, какъ въ переднемъ углу, изъ подъ куска грошевыхъ обоевъ, выглядываетъ писанный документъ начала XVIII вѣка. Всѣ же расписки и договоры на берестѣ, какъ негодные на оклейку стѣнъ, пошли на растопку камельковъ.

Отъ Средне-Колымска до Нижне-Колымска водой около 550 верстъ; зимою же около 500. Вы прѣзжаете туда и вамъ кажется, что очутились совсѣмъ въ другой сторонѣ. Нижне-Колымскъ—около 10 избышекъ, безъ крышъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу р. Колымы, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ около пяти верстъ въ ширину. На другомъ берегу, какъ разъ противъ «города» или, еще лучше, *крѣпости*, говорятъ здѣсь—бѣлѣютъ устья двухъ Анюевъ: Сухаго и Быстраго. На первомъ Анюѣ, какъ говорить преданіе, есть гора, а на ней—*аранасы* (особый видъ могилъ) исчезнушаго таинственнаго племени *каніениси*.

Въ Средне-Колымскѣ вы видите всюду смуглыя лица, тогда какъ въ Нижнемъ много свѣтловолосыхъ, бѣлокожихъ лицъ. Низовики всѣ маленькаго роста, безбородые; среди женщинъ встрѣчаются недурныя лица если не принять въ счетъ толстаго слоя грязи.

Это—прямые потомки спутниковъ Михаила Стадухина, въ память котораго названъ одинъ изъ рукавовъ рѣки. Чукчи не только храбро отстаивали свою территорию, но и сами переходили въ наступательное дѣйствіе. Вслѣдствіе этого почти два вѣка въ устьяхъ

Колымы лицомъ къ лицу постоянно стояли два военныхъ лагеря, всегда готовыхъ къ бою. На Корытовѣ, въ поселкѣ сѣвернѣе Нижне-Колымска, я видѣлъ 95-лѣтнюю старуху, которая помнила еще послѣднее чукотское нападеніе. Въ низовьяхъ Колымы мы встрѣчаемъ то же явленіе, что въ 50-хъ годахъ на Кавказѣ: русскіе относятся съ большимъ уваженіемъ къ своимъ недавнимъ врагамъ—чукчамъ. Нѣтъ того презрительнаго отношенія «къ распослѣдному разъякуту», какое мы видимъ у средневца. Во время праздниковъ въ чукотскомъ лагерѣ, когда дикари празднуютъ появленіе солнца или же обрядъ «вуегрыгинъ» *), устраиваются военныя игры: молодежь бѣгаетъ въ запуски, стрѣляетъ изъ ружей, борется и т. д. На эти игры всегда является русская молодежь съ низовьевъ рѣки. Русскіе участвуютъ вмѣстѣ съ чукчами во всѣхъ состязаніяхъ и очень гордятся, если получаютъ почетную кличку, какъ напримѣръ: Мундуканъ (силачъ), Амчатъ (царь тундры), Кеты (медвѣдь) и т. д. Клички эти, какъ гербы, передаются отъ отца къ сыну. Болѣе того. Очень часто русскій парень, которому надоѣстъ жить въ «крѣпости», запрягаетъ собакъ и уѣзжаетъ «въ чукчи», т. е. въ чукотскій лагерь. Иногда онъ забирается даже на чукотскую территорію. Дикари радушно встрѣчаютъ пришельца. Полярный Рене беретъ себѣ въ жены одну, двѣ и больше дикарокъ и заживаетъ первобытною жизнью. Иногда это продолжается годъ, два и больше.

*) У чукчей существуетъ до сихъ поръ обычай, по которому стариковъ, по ихъ просьбѣ, убиваютъ. Этотъ обрядъ называется *вуегрыгинъ*.

Извѣстно, что у чукчей существуетъ гостепріимная проституція. Дикари, пріѣзжая въ «крѣпость», требуютъ отъ своихъ «друзей» исполненія того же обряда. Такъ какъ взглядъ низовика на женскую вѣрность тотъ же (или, пожалуй, еще болѣе первобытный) какъ у средневеца, то чукчи рѣдко встрѣчаютъ отказъ. Низовики охотно отдаютъ своихъ дочерей чукчамъ въ жены. Русскія легко примиряются съ первобытною жизнью въ *навиѣ* и съ тѣмъ, что супружеское ложе имъ приходится дѣлить еще съ нѣсколькими женами. Черезъ годъ онѣ совершенно *очукочиваются* до такой степени, что, если имъ приходится быть въ «крѣпости», то, какъ заправскія дикарки, не могутъ ночевать болѣе въ избѣ: ихъ «давить крыша».

Низовики говорятъ другъ съ другомъ *только* по-русски; но этотъ языкъ—кокой-то дѣткій лепетъ. Они не выговариваютъ буквы *л* (вмѣсто нее произносятъ *я* или *и*), мѣшаютъ многія согласныя. Этика нижнеколымскихъ дамъ формулируется тезисомъ:

— Вѣнчаясь—не продаясь (т. е. вѣнчалась, а не продалась), а мужчинѣ:

— Баба не каяцъ (т. е. калачъ), одинъ не съѣсь.

Умственные способности низовика выше, чѣмъ у средневеца, по крайней мѣрѣ низовикъ энергичнѣе, бодрѣе, подвижнѣе увальня-колымчанина. Низовикъ чаще поетъ, у него есть даже мѣстные барды, произведенія которыхъ исключительно сатирическаго содержанія. Онъ создалъ своеобразную мелодію—«гондышину», слова для которой постоянно импровизируются. Низовикъ отличный охотникъ и, взглянувъ на слѣдъ,

сразу опредѣлить не только какой звѣрь ходилъ, но и зачѣмъ ходилъ: просто ли гулялъ, или же на добычу.

Матеріальныя условія жизни низовика невозможныя. Въ Средне-Колымскѣ есть еще рогатый скотъ, обыватель иногда ѣсть «бѣлое» (т. е. молочные продукты), тогда какъ въ Нижне-Колымскѣ единственное домашнее животное собака. Лѣто продолжается лишь два мѣсяца. Въ августѣ уже выпадаетъ снѣгъ, да и лѣтомъ земля оттаиваетъ лишь на 3—4 вершка. Въ началѣ ноября начинается безконечная полярная ночь. Единственная пища—рыба безъ соли. Жалкій край, жалкая природа, жалкіе люди!

Какъ и въ Средне-Колымскѣ, въ низовьяхъ Колымы русское населеніе быстро вымираетъ. Среди низовиковъ, кажется, нѣтъ семьи, гдѣ бы не было сифилитиковъ. Но есть врагъ еще болѣе опасный, чѣмъ сифилисъ,—оспа. Низовики говорятъ, что когда-то близъ «крѣпости» былъ убитъ русскими великій шаманъ и святой племени кангѣениси Елхалксикъ, который передъ смертью проклялъ край. Разъ въ пять лѣтъ разверзается земля, выходитъ шаманъ, взбирается на вершину колокольни. Тамъ онъ стоитъ, касаясь головой неба, и во всѣ стороны развѣваются сѣдые волосы, къ которымъ пристали мерзлые комки. У стирика только одна нога; во лбу горитъ, какъ уголь, красный глазъ. Елхалксикъ вытягиваетъ свою единственную руку, выросшую изъ середины груди. Куда махнетъ рукой, туда скачетъ оспа-старуха въ красной *паркѣ* (мѣховая одежда), въ нартахъ, запряженныхъ собаками съ кроваво-красной шерстью. Въ рукахъ оспы—головня. Кого она при-

палить, тотъ умираеть. То старикъ Елхалксикъ мститъ за смерть свою и всего своего рода.

Такова легенда низовиковъ объ оспѣ. Страшная старуха истребила въ 1889 г. цѣлыя русскіе поселки: Бодягино, Ямки, Кабачково, половину Сухарнаго. Нѣсколько поселковъ совершенно брошены; за недостаткомъ могиль, погребѣ тамъ биткомъ набиты мертвцами.

IV.

Чтобы продолжить жизнь несчастнаго края, требуется влить въ его жилы новую кровь: требуется найти такой путь, который далъ бы возможность ввозить въ округъ предметы первой необходимости и сбывать ихъ по дешевой цѣнѣ. Требуется связать Колымскій округъ съ Гижигинскимъ, который сравнительно еще недавно былъ сказочнымъ краемъ чудесъ.

Было время, когда гижигинцы еще не видали морскаго судна. Сообщеніе поддерживалось берегомъ моря, горными хребтами, черезъ Олы и Таяханъ, о существованіи которыхъ большинство читателей слышать, вѣроятно, въ первый разъ. Ближайшій «культурный центръ» отъ Гижигинска былъ Охотскъ, который тоже большую часть года совершенно изолированъ отъ всего міра. Сухопутное сообщеніе было такъ затруднительно, что почта въ Гижигинскъ отправлялась иногда разъ въ два—три года, благо и возить-то нечего было. Жители, состоящіе изъ русскихъ и ламутовъ, находились чуть-ли не въ каменномъ періодѣ развитія: мука была имъ неизвѣстна, звѣря били стрѣ-

лами или же брали въ «кляпсо» (самодѣльный капканъ), огонь добывали посредствомъ *туамули*, т. е. посредствомъ тренія о чурку особой палочки, приводимой въ движеніе лучкомъ. Даже столь популярная на крайнемъ сѣверо-востокѣ *акаммель* (водка) была почти неизвѣстна гижигинцамъ, а услаждали они себя, какъ до сихъ поръ чукчи, отваромъ мухомора. Единственная пища гижигинцевъ состояла изъ оленины да изъ рыбы *кыта* (изъ сем. семговыхъ), изъ которой обыватели стряпали юкалу для себя и юкалу для упряжныхъ собакъ *). Честь открытія этихъ троглодитовъ XIX столѣтія принадлежитъ извѣстному парходчику Филипеусу, имя котораго у дикарей сѣверо-востока Азіи стало синонимомъ богатства: «бай киси Билинеусъ» (богатырь, какъ Филипеусъ), говорятъ всѣ якуты береговъ Колымы. Можно представить ужасъ, а потомъ восторгъ обывателей, когда лѣтъ сорокъ тому назадъ на рейдѣ передъ Гижигинскомъ задымился первый пароходъ. Море у береговъ тамъ очень мелко, богато мелями и рифами, такъ что пароходу приходится останавливаться верстахъ въ 8 отъ берега и посылать карбасъ, что не всегда удобно. Нѣтъ сомнѣнія, основатели Гижигинскаго острожка (въ 1638 г.) не имѣли въ виду, что къ нимъ станутъ приходить большія суда, иначе для постройки города было бы выбрано мѣсто на 20 верстъ южнѣе, на берегу глубокой, прекрасно защищенной бухты.

*) *Юкала*—вяленая и продымленная распластанная рыба, изъ которой вынутъ весь костякъ, съ пригавшимъ къ нему мясомъ. Послѣдній сушится особо и называется *юхалой*.

Первый пароходъ привезъ, такъ сказать, культуру обывателямъ. Появилась мука по общедоступной цѣнѣ (около 1 р. 50 к. за пудъ); жители стали умываться иногда и мыломъ, а не на чукотскій ладъ—мочею; появилось бѣлье, тогда какъ прежде жители замѣняли рубашки, по ламутской модѣ, *налыкынг'омъ*, т. е. родомъ передника съ нагрудникомъ изъ *ровдун* (замши). Кирпичный чай и табакъ, которые прежде ламуты доставляли верхомъ на оленяхъ изъ Ср. Колымска,—сразу понизились въ цѣнѣ. Появилась и другая вѣрная спутница культуры—водка. Пароходъ приходилъ разъ въ году, снабжалъ жителей всѣмъ необходимымъ, забиралъ грузъ лисицъ, бѣлокъ, сиводушекъ и песцовъ и отправлялся на югъ. И тогда случились въ Гижигинскѣ удивительныя событія, которыя, если рассказывать о нихъ, покажутся фарсами, вырванными изъ «*La vie de Gargantua et de Pantagruel*». Расскажу объ одномъ. Въ Гижигинскѣ былъ посланъ исправникъ. Полное ли одиночество, оторванность ли отъ всего міра или какая другая причина, но исправникъ скоро сошелъ съ ума и провозгласилъ себя *Юрюнгъ-Аи-Тойонг'омъ* (главнымъ богомъ ламутскаго и якутскаго пантеона). Жители увѣровали въ него. Увѣровалъ и одичавшій диаконъ мѣстной церкви. Батюшка держался въ сторонѣ во все время, пока разыгрывалась эта удивительная исторія. Юрюнгъ-Тойону стали воздавать божескія почести. Каждый день его съ большою торжественностью носили по городу при непрерывномъ колокольномъ звонѣ. Прошолъ годъ. Во Владивостокъ не прибываютъ никакія вѣсти отъ гижигинскаго исправника, и капи-

тану парохода поручается узнать въ чемъ дѣло. Когда лѣтомъ «филипеусъ» прибылъ въ Гижигинскъ, спрошенъ былъ исправникъ. — *Тойонъ округа бардъ, манъ суохъ* (исправникъ уѣхалъ въ округъ; его здѣсь нѣтъ), — былъ отвѣтъ. Такъ какъ задерживаться на рейдѣ капитанъ не могъ долго, то пароходъ ушелъ. На слѣдующій годъ капитанъ получилъ тотъ же отвѣтъ, что исправникъ въ округѣ. На третій годъ капитанъ получилъ спеціальныя инструкции узнать во что бы то ни стало, что стало съ исправникомъ. — *Тойонъ округа бардъ, суохъ манъ*, — услышалъ капитанъ обычный отвѣтъ отъ обывателей. Онъ показалъ видъ, будто удовлетворился отвѣтомъ, и пароходъ ушелъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города онъ, однако, спрятался въ бухтѣ; ночью спустили баркасъ, въ который сѣли докторъ, морской офицеръ и нѣсколько матросовъ. Къ утру они тихо причалили къ городу. Еще издали до нихъ долетѣлъ гулъ колоколовъ, ружейные выстрѣлы, радостные крики обывателей и пронзительные звуки бубновъ *оюновъ* (шамановъ). Вдоль берега всюду пылали громадныя костры. Прибывшихъ встрѣтила удивительная процессія. На высокихъ носилкахъ, обвѣшанный крыльщиками куропатокъ, лентами, пучками волосъ, бубенчиками и т. д., важно возсѣдалъ гижигинскій богъ. Носилки таскали на плечахъ восемь разряженныхъ ламутовъ, а вокругъ носилокъ съ визгомъ вертѣлись всѣ обыватели города; впереди отплясывали *оюны* (шаманы), колотя изо всѣхъ силъ въ плоскіе, гулкіе бубны. То населеніе праздновало избавленіе своего бога отъ великой опасности. Нужно себѣ представить то оцѣпенѣніе,

которое охватило кортежъ, когда вдругъ передъ нимъ выросъ вооруженный экипажъ, о которомъ думали, что онъ далеко уже на морѣ. Бога забрали въ баркасъ, пересадили на пароходъ и отвезли во Владивостокъ... въ сумасшедшій домъ.

Это было, такъ сказать, на зарѣ «европейской» жизни Гижигинска. Теперь это городъ съ 200 жителей, 40 домами и 1 церковью.

Для Колымскаго края крайне важно найти путь на востокъ, къ Гижигинску.

Пространство между рѣками Коркодономъ (притокомъ Колымы) и Гижигой совершенно неизвѣстно. Обозначено оно на картѣ крайне произвольно. Тутъ-то и пролегаетъ путь, извѣстный лишь однимъ инородцамъ.

Ламуты прѣзжаютъ каждый годъ верхомъ на оленяхъ изъ Гижигинска въ Ср. Колымскъ. Такъ какъ у нихъ есть основанія относиться не съ особеннымъ довѣремъ къ русскимъ, то дикари упорно отказывались сообщить какія бы то ни было подробности объ этомъ пути. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ колымскій исправникъ Варрава первый сдѣлалъ попытку разслѣдовать этотъ путь на Гижигу; но попытка окончилась неудачно. Въ 1889 г. исправникъ Вл. Гав. Карзинъ, по порученію генерала Свѣтлицкаго, который, къ великому сожалѣнію всего края, въ февралѣ того же года былъ переведенъ губернаторомъ въ Иркутскъ, — г. Карзинъ повторилъ попытку. Онъ поднялся вверхъ по р. Колымѣ до притока Теплыя воды (*У Сыласъ* по якутски), а оттуда пошелъ волокомъ на востокъ. Къ сожалѣнію, г. Карзинъ дошелъ только до перевала,

составляющего границу Гижигинскаго округа. Волокъ очень невысокъ и удобенъ для перевозки клади. Тянется онъ верстъ на 400. Весь онъ покрытъ роскошною травою, а на гольцахъ въ изобиліи растутъ бѣлый мохъ; такимъ образомъ, кладь можно было бы везти лѣтомъ на коняхъ вьюками, а зимою—на оленяхъ. По дорогѣ г. Карзинъ открылъ два неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ клана якутовъ и стойбища ихъ окрестилъ Игнатьевской (въ честь тогдашняго иркутскаго генералъ-губернатора) и Константиновской (въ честь генерала Свѣтлицкаго). Такимъ образомъ, кладь, доставленная добровольнымъ флотомъ въ Гижигинскъ, черезъ 28 дней была бы въ Ср. Колымскѣ, причемъ только 400 верстъ кладь возилась бы волокомъ, а все остальное пространство—на карбасахъ, внизъ по Колымѣ. Если бы путь этотъ былъ открытъ, въ Колымскомъ округѣ мука стоила бы не дорожѣ 2 р. за пудъ; въ такой же пропорціи подешевѣли бы и всѣ другіе продукты. Нужно только, чтобы путь не былъ монополизированъ тѣми же купцами, какъ объ этомъ ведутся переговоры, потому что тогда всѣ выгоды достанутся не краю, а эксплуататорамъ, высосавшимъ уже всѣ здоровые соки изъ населенія.

Къ сожалѣнію, съ отъѣздомъ генерала Свѣтлицкаго, затормозилось дѣло о Гижигинскомъ пути.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(См. стр. 18).

Приведу одну *русскую* сказку колымчанъ.

«Жій—бій огонёръ (старикъ). Онъ рыбу промышьай. У него два ябазя (лабаза): шухари да каяци (калачи). Онъ говоритъ: «эмяксинъ! (старуха) поди, говоритъ, шухари да каяци на дворъ выброси. Теперь іѣто (лѣто) стайе: на што шухари да каяци?» Пошья эмяксинъ. Бросать. Рыбу букотынъ (совсѣмъ) не могутъ промышьить. «Поди, эмяксинъ, кайемъ (кайлой) греби ябазы: каяцикъ остайся-ду, нѣтъ-ду?» (остался-ли, нѣтъ-ли). Пошья эмяксинъ. Гребеть такъ. Шухарикъ да каяцикъ доспѣйся (добыла). Одинъ шухаръ съѣй; она каяцикъ съѣйя.

Говорить: «поди, эмяксинъ, греби другой ябазъ. Однако, тутко остайесь».

Оттуль перире шухаря доспѣйя. Суохъ (т. е. нѣтъ уже, съѣли). Мойчь сидятъ. Пошей огонёръ штанами неводитъ. Штанамъ чаво доспѣйетъ? Хайлака (т. е. поселенца; такъ колымчане презрительно называютъ налима) доспѣй. Стайи исти. Эмяксинъ стайя голову исти. Подавійясь. Огонёръ опять пошей штанами неводитъ. Опять доспѣй хайлака. Кайбыть (хорошо). Стай исти. Гоевой подавійся. Померъ. Тойки.

ГЛАВА П.

На якутской свадьбѣ.

Спиридовъ. — «Бырдахъ-ые». — «Каменные люди». — Легенда о происхожденіи болотной травы. — Въ лѣтнемъ чумѣ. — Якуты. — *Тоены, ытмынытэ и хамначытэ*. — Нравственныя качества якутовъ. — Свадьба. — Сватанье. — Введеніе жены въ домъ мужа. — Банкетъ у Моксогола.

I.

Въ Средне-Колымскѣ былъ лѣтній *мунняхъ* *). На сходку съѣхались якуты изъ самыхъ дальнихъ угловъ округа: изъ Верхне Колымска, съ Алазеи и т. д. На «улицѣ», если только это слово примѣнимо здѣсь, былолюдно и шумно. Якуты безпрестанно подѣзжали верхомъ къ дому улуснаго *суркусута* (писаря), гдѣ происходилъ *мунняхъ*. Князцы отдѣльныхъ наслеговъ (клановъ) важно глядѣли на своихъ не «чиновныхъ» родовичей, непрерывно поправляя бисерные пояса, на которыхъ висѣли старинные кортики, пожалованные ихъ предкамъ еще Екатериной II. У дома писаря возлѣ

*) *Мунняхъ* — съѣздъ якутовъ цѣлаго улуса для рѣшенія общественныхъ дѣлъ. Въ Колымскомъ округѣ «мунняхъ» бываетъ два раза въ году: лѣтомъ и зимою.

каждой коновязи было привязано по нѣскольку коней. Необыкновенно высокія сѣдла съ широчайшими подушками, украшенными мѣдными и даже серебряными бляхами, привели бы, безъ сомнѣнія, въ немалое изумленіе всякаго кавалериста, привыкшаго къ нашимъ казацкимъ или англійскимъ сѣдламъ. Подъ окнами слышался несмолкаемый гомонъ гортаннаго якутскаго языка, который Гильдеръ нашелъ такимъ же звучнымъ и мягкимъ, какъ «смѣсь итальянскаго съ ирландскимъ». Въ эти дни намъ жестоко надоѣдали. Якуты страшно любопытны, и каждый пріѣзжій считалъ своимъ долгомъ заглянуть къ намъ, чтобы посмотрѣть на «далекихъ людей». Потомъ долго еще въ отдаленныхъ наслестахъ (кланахъ) онъ станеть рассказывать про наши книги, про «каменные глаза» (очки), про «волосы, которые растутъ на лицѣ, какъ у собаки», и про другія чудеса, вызывая въ слушателяхъ восклицанія крайняго изумленія: «оксе, догорь!» Не говоря уже о томъ, что *такая* популярность нѣсколько двусмысленнаго характера,—принять въ день 10—12 визиотирующихъ якутовъ, одного за другимъ, дѣло нелегкое. Для каждого гостя нужно было взбираться на крышу, открывать трубу (несмотря на лѣто, она была заткнута, чтобы въ избу не забралась комары), потомъ затопить камелекъ и вскипятить чайникъ: якутъ не уйдетъ, пока вы не напоите его чаемъ. Зато занимать гостя не приходится: ваше дѣло наготовить ему чай, *хаякъ*, молоко; гость убереть все это, потомъ встанеть, перекрестится, поклонится, скажетъ: «*бабыхо*» (т. е. спасибо) и визиту конецъ.

Такъ какъ моя изба была какъ разъ напротивъ дома *суркуста*, то я не могъ пожаловаться, что визитеры забываютъ меня; якуты быстро провѣдали, что у насъ имъ никогда не скажутъ «бара туръ» (убирайся вонь!), потому дверь не успѣвала захлопнуться за однимъ, какъ являлся другой. Нѣкоторые придумали довольно остроумный способъ выпрашивать: явится совершенно незнакомый якутъ, станетъ у дверей и поклонится.

— *Тухъ надо, догоръ?* (что тебѣ нужно, пріятель?).

«Догоръ» вытаскиваетъ изъ-за пазухи обгрызанный кусокъ юкалы или же полусгнившую *хачирку* *). Это онъ гостинецъ привезъ. Выходило, что онъ пятьсотъ верстъ проѣздилъ, лишь бы эту *хачирку* вручить. Послеъ этого *догоръ* чувствуетъ уже себя не только какъ дома, но какъ у людей ему обязанныхъ; сниметъ малахай, распояшется, усядется и, когда вы ему даете чай, заявляетъ, что онъ очень любитъ хлѣбъ и *ары* (водку). Онъ молча подsunетъ вамъ кисеть, намекая, что его нужно наполнить; возьметъ вашъ ножъ и предлагаетъ обмѣняться (сдѣлка крайне выгодная... для *догора*); причешетъ свои жесткіе, крайне подозрительные волосы вашимъ гребешкомъ; выпроситъ двадцать мелочей и крайне неохотно уйдетъ, высматривая все, что можно было бы еще выпросить. Мы, какъ огня, боялись якутовъ, являвшихся съ подарками. Но что съ гостями подѣлаешь! Указать безъ церемоніи на дверь—духа не

---

*) *Хачирка*—вяленая мелкая рыба, изъ которой вынуть весь костякъ.

хватало. Я сидѣлъ и читалъ. Вдругъ, слышу, открывается дверь. Это было уже послѣ пятого или шестого визита въ тотъ день, поэтому я былъ не особенно въ духѣ и не спѣшилъ полюбопытствовать, кого мнѣ Богъ послалъ.

— Б-б-б-ы!—выпалилъ кто-то сзади меня, и грязный, корявый палецъ черезъ мою голову ткнулся въ сторону, въ букву б, затѣмъ раздалось самодовольное гоготанье.

Я быстро обернулся: широе, ухмыляющееся, жирное лицо, узкіе, косые глазки, теперь совсѣмъ исчезнувшіе въ блаженной улыбкѣ, крутые лоснящіеся скулы— все это не могло принадлежать никому другому, какъ Спиридону, знакомому якуту, съ которымъ мы завтра должны были вмѣстѣ уѣхать въ улусъ. Спиридона открылъ въ улусѣ одинъ изъ моихъ товарищей и ввелъ его къ намъ. Въ улусѣ онъ попробовалъ-было выучить Спиридона даже грамотѣ, но такъ какъ якутъ не понималъ ни слова по-русски, то дѣло ограничилось тѣмъ, что догоръ научился узнавать три — четыре буквы. Заставъ меня за книгой, Спиридонъ не могъ устоять противъ искушенія поискать знакомыхъ буквъ и страшно возликовалъ, найдя извѣстную ему букву б. Онъ частенько пріѣзжалъ къ намъ и внимательно прислушивался къ нашимъ разговорамъ, все допытываясь, о чемъ это мы говоримъ такъ много. Велико было изумленіе нашего товарища, жившаго въ улусѣ, когда возвратившійся изъ города Спиридонъ вдругъ разъ выпалилъ цѣлый рядъ словъ: «эквивалистика... сакъ-воаяжъ... приготовленіе» и залился радостнымъ, самодовольнымъ

смѣхомъ. Какъ у всѣхъ якутовъ, память у Спиридона была прекрасная. Родовичи подивились необыкновенной мудрости его. Но, увы! великихъ талантовъ Спиридона никакъ не хотѣло признавать одно лицо: жена его Учапынъ, во крещеніи Аксинья. Она была очень невысокаго мнѣнія о своемъ мужѣ и иначе не называла его, какъ «акары» (дуралей).

— Ну, куда тебѣ, дуралей, *сурука* (грамотѣ) учиться? Твоего ли это ума дѣло?—язвила она мужа, когда товарищъ посвящалъ его въ таинства *а* и *б*.

Настала, однако, скоро пора ликовать и Спиридону. Онъ выучилъ нѣсколько буквъ.

— Что, Учапынъ, я дуралей? Ну, ладно. Пусть такъ. Скажи же ты, умница, что это такое? А, не знаешь? Ха-ха-ха! А я знаю. Это—*а*.

Тутъ Спиридонъ раскрылъ ротъ, какъ акула. Но жену было не такъ-то легко поразить.

— Дуралей ты и есть. Нашель чѣмъ хвастать? А, ну, пусть будетъ *а*. Вотъ и я знаю это.

Такимъ образомъ послѣднее слово осталось за ней.

— Скажи, ты всѣ эти книги умѣешь читать?—допытывался Спиридонъ, усѣвшись за чаемъ.—Ты умѣешь читать и эту маленькую, и эту большую? (онъ указалъ на увѣсистый томъ словаря).— Скажи же, что тамъ говорится? А у насъ, въ вашихъ мѣстахъ, якуты есть? Нѣтъ? *Оксе, догорь!* Кто же вамъ дрова рубить и хаякъ доставляетъ? Сколько у тебя бумаги? Ты умѣешь такъ писать, какъ Цыпандинъ? (улусный писарь). *Оксе, догорь!* Кому же это ты все прошенія пишешь?

Я сказалъ ему, что это не прошенія, а письма ко мнѣ изъ «моихъ мѣстъ». Въ отвѣтъ на это Спиридонъ замоталъ головой и сказалъ якутскую сентенцію: «быкъ знакомится съ быкомъ мычаніемъ, жеребецъ съ жеребцомъ—ржаніемъ, лебедь съ лебедемъ—курлыканьемъ, якуть съ якутомъ—разговоромъ, а русскій человѣкъ знакомится со своимъ товарищемъ при помощи *сургука* (письма)». Тотъ же Спиридонъ, который былъ такого, повидимому, высокаго мнѣнія о русскихъ, честилъ ихъ, когда напивался пьянымъ, самымъ обиднымъ, по мнѣнію якутовъ, ругательствомъ: «*бусъ харалъ*» (т. е. ледяные глаза).

На другое утро мы отправились «въ якуты», въ далекій наслегъ на свадьбу къ знакомому князю. Сейчасъ же за *городомъ* начинаются *бадараны* (болота), охватившіе его тѣснымъ кольцомъ.

Каждая лужица на болотѣ кипитъ жизнью. Десятки породъ утокъ, сѣрыя суколени непрерывно снимались изъ-подъ самыхъ копытъ нашихъ копей. Порой пролетала болотная сова съ фантастически красивымъ полетомъ. Шеголеватыя плавунчики, кокетливо поматывая головками, стаями плавали на каждомъ озеркѣ. Вотъ гдѣ-то жалобно плачетъ какая-то пичуга, совсѣмъ какъ ребенокъ, который куксится; на рѣдкихъ кочкахъ вырезжитъ козленкомъ куличекъ-воробей, который, по мѣстному, передъ дождемъ «кричитъ на двѣнадцати языкахъ». Наши южныя степи кажутся мертвыми въ сравненіи съ этими полярными *бадаранами*, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ.

Мы выѣхали изъ Ср. Колымска 13-го іюня, какъ

разъ въ день Акулины-комарницы, когда «комаръ начинаетъ садиться на человѣка». Въ силу этого ли, или же потому, что начинался якутскій мѣсяцъ *бырдахъ-ыя* (комариный), но намъ эти мучители тундры не дали ни минуты покоя во все время путешествія. Бѣлый крупъ нашихъ коней скоро сталъ чернымъ отъ облѣпившихъ насѣкомыхъ. Надъ нами комары висѣли буквально черною тучею. Вначалѣ наши кони лягались, становились на дыбы, валились на землю, стараясь избавиться отъ мучителей; но затѣмъ, убѣдившись, что все напрасно, покорились участи. Понуренныя головы и глаза бѣдныхъ животныхъ выражали тупое отчаяніе. Сѣтки, перчатки, толстое пальто, все это лишь *временная* защита отъ комаровъ. На стоянкахъ мы раскладывали громадные дымокуры, отъ которыхъ кони не отходили все время. Но дымокуры только временно защищаютъ васъ. Лишь только вѣтеръ слегка отклонитъ столбъ густаго, бѣлаго дыма, который деретъ вамъ горло и захватываетъ дыханье, какъ комары уже мгновенно облѣпляютъ васъ.

— Посмотри,—сказалъ мнѣ разъ Спиридонъ, указавъ на горный хребетъ, который на горизонтѣ пересѣкалъ тундру,—видишь, вонъ тамъ на горѣ чернѣетъ что-то. Это—Киси-Хаята (каменные люди). Ихъ тамъ сидятъ четверо. Они совсѣмъ черные и одѣты въ черное. *Киси-Хаята* ничего не ѣдятъ; ни разу губы ихъ не раскрывались для слова. Порой только они пьютъ; тогда налетаетъ вѣтеръ, и мы ждемъ сильной бури. Никто туда къ нимъ не смѣетъ заходить. Давно, давно, рассказываютъ дѣды, гнался за оленями *омукъ* (ламутъ),

взобрался къ нимъ и семь дней просидѣлъ на горѣ,— все дожидался: не заговорятъ ли Киси-Хаята, не тронутся ли съ мѣста, но напрасно. Тогда онъ отправился домой. Въ своемъ *урасть* (палаткѣ) онъ разказалъ все, что видѣлъ, женѣ, и въ тотъ же день умеръ.

Аналогичныя легенды разказываютъ чуть ли не про каждый горный хребетъ, на вершинѣ котораго находятся одинокія скалы. На третій день нашего путешествія почва стала повышаться. Исчезли *бадараны*, пошли густые тальники, осыпавшіе насъ при проѣздѣ ливнемъ желтой цвѣточной пыли. Такъ какъ я пріѣхалъ въ Средне-Колымскъ лѣтомъ, т. е. сдѣлалъ болѣе 2 тысячъ верстъ верхомъ, то меня не могли утомить два дня, проведенныхъ въ сѣдлѣ; но меня измучили комары. Они не дали намъ ни минуты покоя, поэтому я мечталъ о юртѣ, у порога которой можно разложить дымокуръ, какъ древній германецъ о Валгаллѣ. Каждую минуту я приставалъ къ Спиридону съ вопросомъ: «Хасъ кѣсь халла?», т. е. сколько *кѣсевъ* осталось еще. *Кѣсь*—это якутская мѣра длины, крайне растяжимая, потому что обозначаетъ пространство, которое можно пройти, пока растаетъ ледъ въ котлѣ, вскипитъ вода и сварится кусокъ мяса. Такъ какъ котлы бывають большіе и маленькіе, то *кѣсы* тоже бывають двойкаго рода. Не знаю, въ силу какихъ соображеній, мѣстные русскіе рѣшили, что *кѣсь* равенъ десяти верстамъ. Примѣняясь однако къ якутской метрологіи, т. е. имѣя въ виду, что котлы бывають большіе и маленькіе, здѣсь считаютъ: «большія десять верстъ» и «маленькія десять верстъ».

Не говоря уже о томъ, что я не зналъ, какимъ котломъ Спиридонъ мѣряетъ остающееся разстояніе, я убѣдился еще, что мой гидъ имѣетъ довольно своеобразное представленіе о числахъ.

— Алтара (т. е. полтора) *кёсей* осталось, — утѣшалъ меня онъ. Вдемъ еще часъ, кончились тальники, пошла тайга, проѣхали тайгу, окружили озеро, — я опять спрашиваю:

— *Хасъ халла?* (сколько осталось?)

— *Икки кёсь* (два кіюся), — рѣшилъ Спиридонъ.

Наконецъ между деревьями блеснула полоса воды. Мы подѣхали къ высокому коническому чуму, обсыпанному землей, лѣтнему жилищу якутовъ. Нѣсколько лохматыхъ собакъ съ острыми, волчьими мордами издали протяжно завывали на коней. На берегу громаднаго озера, залитаго бронзовымъ свѣтомъ полуночнаго солнца, лежала громадная куча рыбы. Тутъ были жирные, толстобрюхіе *чирь*, красноглазья пельдядки, узкоголовья шуки. На серединѣ озера бѣлѣла еще сплошная масса льда, который лежитъ все лѣто. Возлѣ улова гомозились двѣ якутки, залитыя рыбьей кровью. Онѣ отрѣзывали рыбамъ головы и хвосты и снимали съ костяка пластъ мяса, который вялится на солнцѣ, затѣмъ дымится надъ костромъ. Съ чира получается, такимъ образомъ, *юкала*, съ пельдядки — *хачанки*, а со шуки — *кичимасъ*. Потроха складывались въ отдѣльный котелокъ. Мальчикъ лѣтъ 10 непрерывно наполнялъ маленькій черпакъ потрохами и жарилъ тутъ же на кострѣ, приготовляя саламатъ. Для якутять время промысла то же, что для нашихъ дѣтей сезонъ приго-

товленія варенія. Потроха замѣняютъ имъ пѣнки. Въ чумѣ вели маленькія низкія двери. Середину пола занимало громадное огнище; дымъ выходилъ въ отверстіе на вершинѣ конуса, но изрядная часть его доставалась также на долю жителей; онъ ѣлъ немилосердно глаза. Въ чумѣ пребывать можно было, лишь лежа на полу. За то тотъ же дымъ избавлялъ отъ комаровъ. Рои ихъ вились возлѣ дверей, пытаясь забраться въ юрту, какъ только дымъ уменьшался. Въ углу, на веревочкѣ, свитой изъ конскаго волоса, привязанъ былъ толстый мальчуганъ лѣтъ четырехъ, который испуганно пялилъ глазки при нашемъ входѣ. Онъ мѣшалъ матери при работѣ и его такимъ образомъ изъяли изъ обращенія. Темой для разговора была свадьба у богача Мохсогола. Я уже въ двадцатый разъ слышалъ, какой калымъ уплатилъ онъ за невѣсту. Дѣтей сговорили, когда имъ было всего лишь 13 лѣтъ, это было 5 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ Мохсоголъ, отецъ жениха, все выплачивалъ калымъ, а невѣста жила у родителей. Женихъ, точнѣе мужъ, навѣщалъ ее, какъ требовалъ якутскій этикетъ, лишь крадучись. Теперь—предстояла свадьба: мужъ долженъ былъ перевести жену вмѣстѣ съ ребенкомъ въ юрту, которую только-что выстроилъ.

— Баранигеръ! баранигеръ эльбя-яхъ! (ѣдутъ, ѣдутъ мно-огіе!)—сообщала мнѣ хозяйка, приготовляя завтракъ. Она достала изъ подъ кучи оленьихъ *постелей* (шкуръ) деревянную чашечку съ рыбьимъ жиромъ, выбросила пальцемъ предварительно оттуда комаровъ и соръ, достала вязку юкалы и сложила все на деревян-

ной флягѣ, замѣнявшей столъ. Юкалу можно было макать въ рыбій жиръ. Это—легкій якутскій lunch во время промысла. Вспомнивъ, вѣроятно, что русскіе народъ привередливый, она достала еще плоскую ложку изъ рога *чубука* *), которую тщательно вычистила, т. е., напросто, облизала. Завтракъ прошелъ не безъ приключеній. Лишь только дымъ уменьшался, юрта мгновенно наполнялась комарами, которые сразу облѣпляютъ пространство за ушами, виски, мѣтятся усѣться на вѣкахъ, словомъ, выбираютъ мѣсто, гдѣ кожа понѣжнѣе.

Отъ чума до юрты Мохсогола было всего лишь три версты. Дорога шла *салытеромъ*, т. е. поемнымъ лугомъ, заросшимъ, роскошною, выше пояса, травою *бердегесомъ*. Она даетъ великолѣпное сѣно. Бѣда лишь та, что сѣнокосъ можно начать только съ Ильина дня (20-го іюля), когда лугъ хоть нѣсколько подсохнетъ. Скошенное сѣно приходится складывать не на землѣ, а на *колкахъ*, что бы оно могло подсохнуть. Такимъ образомъ, сѣнокосъ покрывается какъ бы исполинскими грибами, ножка котораго состоитъ изъ кола, а шляпка изъ охапки *бердегеса*. Стога сметываютъ лишь въ началѣ сентября, когда болото уже подмерзаетъ. Скотъ очень любитъ *бердегесъ* и быстро «входитъ въ тѣло» отъ него.

*) *Чубуку*, крайне интересное животное, видъ дикаго барана, почти неизвѣстное въ зоологiи. Водится въ горахъ Тасъ Хаята. Крайне пугливо. Длинное пушистое руно его голубоватаго цвѣта. Ламуты иногда убиваютъ его пулей. Плоскіе витые рога животного идутъ на выдѣлку ложекъ у дикарей.

Якуты даютъ этой травѣ божественное происхожденіе. Вотъ эта легенда.

У Джясагай-тоень'а, младшаго брата «бѣлаго бога» (Юрюнгъ—Аи—тоень) было семь дочерей. Джясагай-тоень собираетъ осенью всѣхъ перелетныхъ птицъ и указываетъ имъ путь на югъ. Дочери его часто обращались въ бѣлыхъ стерховъ (*кытылыкк*, священная птица якутовъ, *grus leucogeranus*) и спускались на землю, чтобы поплясать на лугу. Добрая покровительница якутовъ, божество Иехситъ-хатынъ подкараулила эту пляску и схватила самаго красиваго стерха.

— Твое назначеніе—быть на «среднемъ мѣстѣ» *), служить на пользу якутамъ,—сказало божество. Заплакала дѣвица и стала просить отпустить на свободу.

— Не брезгай этой поганой средней землей! Превратись въ *бердегес* траву и «вгоняй въ тѣло» скоть якутовъ.

Тутъ Иехситъ-хатынъ обрѣзала дѣвушкѣ крылья, и она вытянулась въ колѣнчатый стебель.

Такова вводная легенда, входящая въ сказку «*Біесъ ынахтахъ блябяриканъ змяксинъ*», т. е. «Низенькая старушка съ пятью коровами».

Лугъ сталъ все болѣе и болѣе повышаться. Пошли *бютяи*, т. е. обнесенные заборомъ скотные дворы. Громадное количество коровъ, коней, быковъ съ тальниковыми кольцами въ ноздряхъ показывало, что мы приближаемся къ юртѣ богатѣя. Около сотни жизнера-

*) Якуты дѣлятъ вселенную на три части: «верхнее мѣсто», «среднее мѣсто» (земля) и «нижнее мѣсто». Божества живутъ во всѣхъ трехъ мѣстахъ.

достныхъ телятъ съ хитрыми деревянными намордниками, не позволявшими имъ сосать матокъ, задрать хвосты, выкидывали курбеты возлѣ *бютяевъ*. Гомонъ голосовъ слышенъ былъ далеко еще издали. Наконецъ на юру показалась большая юрта въ видѣ усѣченной четырехгранной пирамиды. Въ сторонѣ отъ нея виднѣлись еще двѣ юрты: *хотонъ* (хлѣвъ) и жилище для *хамна штовъ* (работниковъ). Возлѣ дверей княжескаго «дворца» были врыты около десяти столбовъ и къ каждому привязано не менѣе двухъ осѣдланныхъ коней. Гости были, какъ видно, въ полномъ сборѣ. Подѣхавъ ближе, я открылъ еще юрту, маленькую, очевидно только-что выстроенную. Какъ видно, тамъ еще никто не жилъ, но возлѣ нея шли какія-то спѣшныя преперативы. Едва мы успѣли спѣшиться, какъ къ намъ вышелъ на встрѣчу княжець Мохсоголь (христіанское имя его было Иннокентій, самое популярное имя во всей Сибири), безъ шапки, въ плисовомъ кафтанѣ съ широчайшими буфами, переѣваченномъ великолѣпнымъ серебрянымъ поясомъ. Княжець пожалъ мнѣ руку, затѣмъ повелъ въ юрту, откуда волной неслись веселые голоса.

II.

Якуты появились на Ленѣ, тѣснимые на берегахъ Байкала бурятами, и на Колымѣ, — спасаясь послѣ разгрома, послѣдовавшаго за усмиреніемъ возстанія Дженика (XVII в.). Якуты принесли съ собою въ этотъ пустынный край слѣды болѣе высокой культуры: въ якутскомъ языкѣ есть слово желѣзо (*тимирэ*), хотя

на берегахъ Колымы бѣглецамъ пришлось взяться за орудія изъ мамонтовой кости и камней. Якуты знаютъ слова: земледѣлецъ (*басамнай*), читать (*асабынъ*), писать (*суруй*), письмо (*сурукъ*); даже понятіе «ученый» весьма удовлетворительно можно перевести *юерэктэжэ*. На крайнемъ сѣверо-востокѣ всѣ эти понятія остались въ видѣ простаго рудимента въ языкѣ. Якуты въ теченіе шести вѣковъ непрерывно были кѣмъ нибудь побѣждаемы. Удивительная живучесть этого племени сохранила его отъ истребленія; больше того, якуты—единственные инородцы на сѣверѣ, которые увеличиваются численно. За то историческія условія не особенно выгодно отразились на нравственныхъ качествахъ этихъ дикарей. Реклю, такъ удачно характеризовавшій полярныхъ инородцевъ, — выдалъ якутамъ волчій билетъ. Знаменитый географъ былъ правъ лишь отчасти: его нелестная аттестация всецѣло относится лишь къ якутамъ Олекминскаго округа, безпрестанно находящимся въ соприкосновеніи съ русскими. То же можно сказать о взглядѣ г. Вручевича, высказанномъ имъ въ его интересной статьѣ «Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области» *). Судите сами о психикѣ людей, къ которымъ относятся такимъ образомъ: «изъ якутовъ только при помощи ударовъ можно сдѣлать себѣ друзей», «кто съ ними обращается презрительно и грубо, пользуется полнымъ ихъ уваженіемъ». Эти тезисы мордобойной философіи высказываетъ амери-

*) «Записки Им. Р. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи», т. XVII, вып. II, СПБ. 1891.

канскій гражданинъ Гильдеръ со словъ бывшаго колымскаго исправника, г. Варравы. Дальше Гильдеръ рассказываетъ, что исправникъ захотѣлъ взять чужихъ оленей, чтобы доѣхать быстрѣе до станка, отстоящаго на разстояніи 250 верстъ. Якуты на законномъ основаніи не захотѣли дать ихъ (владѣльцамъ пришлось бы потерять роугъ белыхъ ушей г. Варравы 8 дней). «Поднялся громкій и оживленный разговоръ,—пишетъ Гильдеръ,—изъ котораго, къ сожалѣнію, я не понялъ ни одного слова, но такъ какъ я увидаль, что исправникъ сталъ вдругъ подбивать одного изъ якутовъ кулаками, а нашъ казакъ въ то-же время набросилъ на другого, пытавшагося было бѣжать, свой арканъ, то я счелъ долгомъ спросить г. Варраву (исправника), не времени ли мнѣ начать колотить кого-нибудь и кого именно. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что теперь все благополучно устроилось и люди стали вполне послушны и добродушны (?). Къ сожалѣнію, это единственный методъ, практикуемый здѣсь, чтобы сдѣлать якутовъ «добродушными». Проѣзды начальства якуты долго помнятъ! Вотъ маленькая выдержка изъ путевого журнала епископа Якутска: «Ямщики (якуты) ждали владыку 14 сутокъ! и гдѣ же? Въ лѣсу, подъ открытымъ небомъ, въ ноябрѣ, при 46° мороза. Вырывъ яму въ снѣгу и сваливъ въ нее срубленное дерево, зажигали и грѣлись у огня» («Замѣтки о плодахъ пастырской дѣятельности», «Якутскія Епархіальныя Вѣдом.», 1889 г., № 6, стр. 89). Хитрость, лживость, даже вороватость, всѣ несимпатичныя черты якутскаго характера находятся въ прямой зависимости отъ того, какъ часто сталки-

ваются эти дикари со своими побѣдителями. Якуты глухихъ наслегѣвъ и якуты подгородные, тронутые острожной культурой, носителями которой являются *хайлаки* (уголовные ссыльно-поселенцы), это—два различныхъ племени, до того отличаются нравственные качества ихъ. Къ хорошимъ качествамъ этого народа относится гостепрѣимство. Всякій проѣзжій заходитъ въ какое угодно время въ первую встрѣчную юрту благо онѣ никогда не запираются. Въ юртахъ лучшее мѣсто на *оронахъ* (нарахъ вдоль стѣнъ) оставляется свободнымъ для гостей. Прѣзжаго хозяева угощаютъ всѣмъ, что только имѣется лучшаго. Бѣдный якутъ питается иногда самъ *визражками* (полевыми мышами) а для гостей ужъ непременно припрѣчетъ кусокъ кобылятины или же убитаго ушкана. Случается, что якуты, живущіе на тракту, разворяются совершенно, принимая у себя всѣхъ проѣзжающихъ.

Характеръ якутовъ нужно наблюдать гдѣ-нибудь въ глухомъ наслегѣ, куда не заглядываетъ никогда ни купецъ, ни хайлакъ, ни исповѣдующій принципы, изложенные Гильдеромъ, администраторъ.

Когда-то власть князца, родоначальника клана, была наследственна. Княжець пользовался неограниченною властью, могъ пытать и даже казнить своего родовича. Князцы (тоёны) продавали рабовъ, забирали ихъ имущество и т. д. Въ настоящее время должность князца—выборная. Власти у него юридически равно столько, сколько у сельскаго старосты. Отъ прежняго величія у князцовъ остались лишь кортики.

Интересна система разверстки податей между ро-

дичами клана. На *муляхааг* (сходкахъ) они, какъ плательщики, раздѣляются на три группы. Первая группа не несетъ никакихъ обязательствъ. Сюда относятся совершенно бѣдные якуты, незаконныя дѣти, а также *хайлаки*, приписанные къ *наслегу*. Эта группа называется *итимнитъ*, т. е. призрѣваемые. Вторая группа плательщиковъ не вноситъ ничего деньгами, за то кормить опредѣленное количество *итимнитовъ* (отъ одного до пяти). Наконецъ, послѣдняя группа кормитъ извѣстное число *итимнитовъ* и, кромѣ того, вноситъ еще деньги, при чемъ въ бѣдныхъ наслегахъ на долю послѣднихъ плательщиковъ приходится порою по 50 руб. на душу. Въ силу подобной организаціи, у якутовъ (я говорю собственно о двухъ сѣверныхъ округахъ Якутской области) нѣтъ нищихъ. Нужно сознаться, что положеніе *итимнитовъ* крайне плачевно. Кромѣ *хайлаковъ*, они всѣ являются рабами тоёновъ. Наслегъ (кланъ) имѣлъ неограниченную власть надъ родовичемъ. Въ сущности, власть эта осталась до сихъ поръ, потому что кланъ можетъ закабалить «итимнита» въ вѣковѣчные батраки и даже продаетъ охотникамъ молоденькихъ дѣвушекъ. Въ первой главѣ я уже говорилъ объ этомъ.

Якуты, несомнѣнно, очень способное племя. Память у нихъ великолѣпная. Въ Якутскѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ якуты составляютъ около 45% (368 на 828). Учащіеся якуты очень высокаго мнѣнія о своемъ племени и называютъ себя, не совсѣмъ скромно, «греками сѣвера», хотя Реклю даетъ имъ гораздо менѣ почетную кличку. Мнѣ пришлось въ Нижне-Колымскѣ

встрѣтись съ *первымъ* якутомъ, окончившимъ якутскую семинарію — священникомъ Василиемъ Карякинымъ, любознательнымъ, способнымъ молодымъ чело-вѣкомъ. Къ сожалѣнію, объ ученіи якутовъ въ дальнихъ округахъ нельзя сказать ничего хорошаго. Улусъ ежегодно долженъ доставить въ Средне-Колымскъ нѣсколько якутятъ «на выучку». Мѣстная «аристократія» не хочетъ отдавать своихъ ребятъ въ то же училище, гдѣ учится «распослѣдній разъякутъ», поэтому якутята одолѣваютъ школьную премудрость не у батюшки, а у діакона. Ахъ, это ученіе! Якутята послѣ многолѣтнихъ усилій одолѣтъ таинства «бра» и «гра» возвращаются въ улусъ не только не научившись читать, но даже и понимать по-русски. Предо мною встаетъ одинъ изъ подобныхъ свособразныхъ мучениковъ науки—Лахашка. Онъ возненавидѣлъ *науку* всѣми силами своей дикой души. Учитель вообще не жалѣлъ лозы, тѣмъ болѣе, по отношенію къ Лахашкѣ. Его выпороли жестоко въ первый же день: «такъ ты понятливѣе станешь»,—рѣшилъ педагогъ. Сунуть Лахашкѣ азбуку и говорятъ: «складывай!» Но онъ стиснетъ зубы и молчитъ. Якутенка выпорютъ; «говори *бра, бра!*» Лахашка молчитъ, только глазенки сверкаютъ ненавистью. Учитель приходилъ въ изступленіе. «Бейте его, якутишку погананаго, сколько влѣзетъ!»—крикнетъ онъ. Ребятишки схватятъ кто линейку, кто лозу, кто палку и принимаются вколачивать «бра» и «гра» въ маленькаго дикаря. Лахашка не издавалъ ни звука; закусить лишь до крови губу и стойчески терпѣть, пока маленькіе мучители не устанутъ. Богъ знаетъ,

чѣмъ кончилось бы это своеобразное ученіе, еслибы Лахашка не умеръ во время оспенной эпидеміи въ 1889 г.

III.

Въ юртѣ у Мохсогола было людно. Ярко пылалъ огонь въ громадномъ чувалѣ. Весь шестокъ былъ уставленъ огромными мѣдными котлами съ кобылятиной. Разряженные гости сидѣли не только подъ «билерикомъ» (въ почетномъ углу), но даже въ самыхъ отдаленныхъ углахъ юрты, гдѣ-то за чуваломъ, который раскинулся посреди, по якутскому сравненію, «подобно важной госпожѣ, накинувшей на распашку доху изъ полосатыхъ соболей». На одной изъ наръ, какъ разъ противъ огня, на бѣлой кобыльей шкурѣ, лежалъ *юунъ* (шаманъ), котораго можно было бы узнать по длиннымъ волосамъ до плечъ, тогда какъ всѣ якуты стригутся коротко. У якутовъ глаза масляные, каріе, безъ всякаго выраженія, тогда какъ у шамана они горѣли страннымъ болѣзненнымъ огнемъ. Зрачки, окруженные радужнымъ вѣнчикомъ, были необыкновенно расширены и производили тягостное впечатлѣніе. Желтое лицо *юуна* безпрерывно подергивалось нервною дрожью. Его синеватая сморщенная губы (шаману было подъ шесть-десять) что-то беззвучно шептали. Старикъ не сводилъ глазъ съ пылающихъ языковъ, которые гулко охватывали листовичныя полѣнья. Быть можетъ, теперь онъ вель бесѣду съ *Анг-Улаганы*, духомъ огня, болтливымъ старичкомъ «въ кухлянкѣ изъ ярко-красныхъ лисьихъ шкуръ», котораго бѣлый богъ, *Юрюнгъ Ан*

Тоенъ, помѣстилъ въ каждой юртѣ для защиты якутовъ отъ всего недобраго... Шаману предстояло въ тотъ же день свершить мистерію, и вотъ онъ подготавливался къ ней, стараясь по возможности сосредоточиться. Я быстро сталъ *аи соугант*: молодой мужъ поѣхалъ за женой, которая жила верстахъ въ десяти, въ другомъ наслегѣ.

Якуты крешены уже давно, лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ, тѣмъ не менѣ язычество еще въ полной силѣ. Мало того, богами своего многочисленнаго пантеона они надѣлили, какъ мы видѣли, потомковъ своихъ побѣдителей. Нѣтъ сомнѣнія, что когда-то, собственно говоря, свадьба не сопровождалась никакими обрядами. Якутскія *олонхо* (былины) отличаются необыкновенною детальною описаніемъ, между тѣмъ свадьба богатыря описывается всегда лаконически: герой заходитъ въ юрту, видитъ, тамъ красавица сидитъ. Не теряя времени, богатырь «схватилъ ее, нагнулъ, какъ свѣжую талину, поцѣловалъ—понюхалъ *). Живутъ». Такова древняя форма брака. Собственно говоря, и теперь обрядами сопровождается лишь ввѣдъ жены въ новую юрту, а не самый бракъ. Якутъ сватаетъ себѣ невѣсту всегда изъ другого клана. «Дѣвушка, живущая на родинѣ, не бываетъ счастлива»,—говоритъ якутская пословица. «Счастливая дочь выходитъ замужъ далеко

*) Якутскій глаголь *смааръ* значитъ и цѣловать и нюхать. Интересно наблюдать, какъ матери ласкаютъ ребятишекъ: онѣ прижимаютъ свои носы къ нухлому тѣльцу ребенка, выходятъ именно, что нюхаютъ.

отъ родной юрты». Къ родителямъ невѣсты снаряжаются сваты, съ которыми ѣдетъ вмѣстѣ и женихъ. Предварительные переговоры о количествѣ калыма уже заключены. Лишь только кавалькада подъѣдетъ къ юртѣ, какъ сваты спѣшиваются и входятъ въ домъ, тогда какъ женихъ остается на улицѣ. На встрѣчу пріѣзжимъ выступаютъ мать и старшія сестры или же родственницы невѣсты съ *чоронами* (чашами), наполненными кумысомъ, и *чыбычагами* (бураками изъ бересты) со сливками.

— Хотя мы и знали, что вы везете такъ много провизіи, что не могли прогододаться; но узнавъ, что вы ѣдете, мы не позволяли никому дотронуться до этихъ *чороновъ*. Нашихъ кобылицъ держали семь чистыхъ юношей; доили кобылъ семь непорочныхъ дѣвочекъ. Мы собирали для васъ лучшую пищу. Всколебните же поверхность этихъ чороновъ,—такъ говоритъ мать.

Сваты выпиваютъ, затѣмъ, не садясь, повторяютъ всѣ пункты брачнаго договора. Когда условія приняты, входитъ женихъ; зачастую это мальчикъ 13 лѣтъ. Онъ снимаетъ съ себя поясъ, на которомъ висятъ ножъ, кремень и огниво да *гамза* (трубка), и подаетъ все это невѣстѣ, которая сидитъ возлѣ чувала. Если женихъ не нравится ей, тогда она отказывается принять его поясъ, и пріѣзжіе сейчасъ же удаляются. У якутовъ, да и вообще у полярныхъ дикарей, положеніе женщины гораздо лучше, чѣмъ у многихъ крестьянъ. Но невѣста согласилась. Бракъ заключенъ. Гостямъ подаютъ обыкновенный обѣдъ, послѣ котораго жениха и невѣсту укладываютъ въ той же юртѣ. Этикетъ, какъ я гово-

риль уже, требуетъ, чтобы мужъ на другой же день уѣхалъ и навѣщалъ жену лишь украдкою.

Та же самая процедура была пять лѣтъ тому назадъ у сына Мохсогола. Теперь онъ выплатилъ весь калымъ и еще съ утра осѣдлалъ лучшаго коня и снарядился въ путь.

Ребята, лихаго коня мнѣ сѣдлайте,
Кладите рѣзное сѣдло;
Въ *симиры* *) хмѣльной вы кумысь наливайте:—
Поскачу сейчасъ далеко **).

Такъ описываетъ такую поѣздку за женой начало якутской пѣсни: «Юрюнгъ атанъ минъ ирбинъ».

— Келе! келе! (ѣдутъ! ѣдутъ!)—раздались на дворѣ веселые голоса. Дѣйствительно, послышался частый топотъ скачущаго въ галопъ (по мѣстному *въ махъ*) коня. Всѣ выбѣжали изъ юрты. Къ коновязямъ подѣхалъ взадникъ, впереди котораго сидѣла верхомъ по-мужски молодая женщина. Ытыняхъ (такъ звали сына Мохсогола), какъ оказалось, подѣхалъ къ озерку, лежащему возлѣ юрты его жены. Она вышла туда, какъ бы случайно, набрать воды въ берестяныя ведра. Ытыняхъ гикнулъ, подхватилъ жену, посадилъ ее впереди себя и пустилъ коня *въ махъ*. Отецъ и братья жены ждали этотъ гикъ въ юртѣ. Они быстро выскочили, заметались въ тревогѣ, затѣмъ *пали* на неосѣдланныхъ коней и помчались въ погоню. Скачка про-

*) *Симиры*—переметы, сѣдланные изъ тюленьихъ пузырей. Въ дорогѣ якуги возятъ въ нихъ кумысь и сливки.

***) Перевожу, какъ умѣю, якутскую пѣсню, стараясь держаться возможно ближе подлинника.

должалась минутъ пять, пока не пошли *бадараны* (болота). Тогда преслѣдователи спокойно повернули коней, а черезъ полчаса приѣхали къ Мохсоголу, чтобы принять участіе въ пирѣ. На встрѣчу молодоженамъ вышли двѣ дѣвочки лѣтъ 12; онѣ взяли коня подъ уздцы и помогли спуститься Кычипирь, (имя молодой женщины). Отъ коновязи до дверей новой юрты настлали свѣжей травы. По ней пошла Кычипирь, присѣдая, какъ требоваль этикетъ, каждые два—три шага. Двери новой юрты распахнули широко, но входъ преградили двумя накрестъ положенными тонкими, сухими листовничными жердями, которыя придерживались двумя дѣвочками. Кычипирь грудью разломала эти жерди, подобрала сухіе обломки и развела ими въ чувальѣ огонь. Такимъ образомъ обрядъ сводился къ тому, что духу огня была даѣна новая жрица.

У якутовъ огонь въ камелькѣ никогда не угасаетъ. Всегда тамъ тлѣють угли, которые легко раздуть въ пламя, подставивъ свѣжія дрова. Величайшій стыдъ для женщины, у которой огонь погасъ окончательно. Такую женщину сживутъ насмѣшками. Стыдъ падаетъ и на мужа. Я помню единственный примѣръ въ такомъ родѣ. Мужъ и жена перекочевали въ дальній наслегъ, не будучи въ силахъ выносить насмѣшки.

Какъ только запылалъ огонь въ чувальѣ, Кычипирь посадили на *оронг* (лавки подъ наклономъ стѣнѣ) и завѣсили ровдужной занавѣсью. У самага порога юрты убили жеребенка; хлынувшюю изъ перерѣзанной сонной артеріи кровь собрали въ большой котель, и шаманъ вылилъ ковшикъ ея у дверей, чтобы страшное

божество Улусь-Ханнахъ-Тоёнъ съ женою своею Хань-Хатынь, да еще «начальникъ надъ всѣми злыми духами (абагы)» Арсынъ Долай, у котораго «ротъ на темени, а глаза на вискахъ», чтобы эти божества не пускали въ юрту болѣзней. Другой ковшикъ крови шаманъ вылилъ въ огонь, затѣмъ послѣдовала такая же жертва «духу юрты», крошечной старушкѣ Няха Харахсынъ *), живущей подъ столбомъ, поддерживающимъ потолокъ, да «Воспитательницѣ и матери - хранительницѣ, соболѣзнующей госпожѣ» Аисыть-Хатынь. Это доброе божество покровительствуетъ якутамъ вообще, но въ частности она патронесса женщинъ. Она назначаетъ пары, опредѣляетъ, какая доля имъ будетъ, помогаетъ роженицамъ, въ безконечной сказкѣ «Ханъ Джаргы-стай», въ которой излагается чуть-ли не вся якутская космогонія,—говорится, какъ Аисыть-хатынь спустилась къ первой рожавшей женщинѣ Кюнь Туналыкса, пробыла три дня возлѣ нея, затѣмъ удалилась, наказавъ: «пусти, пока существуютъ якуты, женщина черезъ три дня послѣ родовъ встанетъ, умоется и сама дастъ своимъ коровамъ сѣна».

Пока приносилась жертва пенатамъ, всю юрту обхватили громаднымъ ремнемъ, къ которому привязали весь скотъ молодоженовъ. Шаманъ одѣлъ жертвенный кафтанъ, вышелъ во дворъ и сталъ въ серединѣ этого живого кольца. Подробно мистерию я описываю въ главѣ «Конецъ Кангиениси». Всѣмъ божествамъ злымъ

*) Якутскія божества носятъ необыкновенно длинныя имена. Вотъ полный титулъ этой старухи: Няха Харахсынъ Нирылынъ Кочямчай Няджимъ.

были сдѣланы возліянiя (ысыэхъ) изъ кумыса. Добрыхъ—не просили: вѣдь они и такъ добры. Характерная особенность якутской теологiи—верховному боже-ству надъ божествами, «духу восьмигранной вселенной», *Ан-іе-дайдынъ*—никогда не приносится жертва. Это божество имѣетъ поразительное сходство съ пассивнымъ Брамой, въ бурятскихъ предѣлкахъ его. Какъ бы для довершенiя сходства, божество носитъ титулъ *дремлющій* (Ангарыхса).

«Собрались всѣ родовичи. Убили много скота. Ъли и пили три дня и три ночи безъ отдыха. Веселились... Икали отъ твердой пищи. Голодные насытились. Отощавшіе потолстѣли». Такъ описываетъ *олонхо* (былина) свадьбу прежняго времени. Почти то же повторилось и теперь. Въ теченіе сутокъ было уничтожено такое громадное количество кобылятины, сыраго кобыляго жира, сливокъ, хаяку, что вѣсь каждаго якута несо-мнѣнно прибавился на много фунтовъ. Одна перемѣна ѣды слѣдовала непрерывно за другой. Каждый разъ раздавались пожеланiя молодоженамъ: «пустъ въ ва-шихъ зубахъ всегда торчитъ вкусный костный мозгъ; прочищайте ваше горло лучшимъ выродившимъ ку-мысомъ; полощите ротъ топленнымъ масломъ; пустъ съ вашего стола никогда не сходитъ жиръ, срѣзанный съ шей кобылицъ». Такіе деликатесы сулили гости таро-ватамъ хозяевамъ.

Всему бываетъ конецъ, даже аппетиту якута. На-сталъ такой моментъ, когда даже «отощавшіе» отка-зывались отъ пищи. Старики тутъ же свалились, под-кошенные сномъ и переполненнымъ желудкомъ. Моло-

дежь давно дожидалась этого момента. Она вышла на лугъ передъ юртой и раздѣлилась на двѣ группы, парни отдѣльно, дѣвушки отдѣльно. Составились двѣ живыя стѣны, которыя медленно стали сходитья. Молодежь чинно и дробно перебирала ногами.

— Ягай, ноколоръ! (ребята!) ягай! повеселимся, пока молоды!—затянуль одинъ парень.

— Ягай! пѣсенку погромче выведи моя гортань!—отвѣтила одна изъ дѣвушекъ.

— Ноколоръ, попляшемъ, посмѣмся, пока не женаты, пока бабій язычекъ не вымоталь изъ насъ всѣхъ жилъ.

— Подруженьки, поиграемъ, пока не вышли замужъ, пока не попались въ жесткія руки мужчины.

Это была все импровизація. Шутки, подчасъ крайне откровенныя, сыпались съ обѣихъ сторонъ. На веселые голоса выползли на солнышко и старухи, большею частью слѣпыя. Необычайная худоба, растрепанные сѣдые волосы, слѣпыя глаза, странный костюмъ,—все это придавало имъ крайне фантастическій видъ. Онѣ напоминали тѣхъ страшныхъ помощницъ друидовъ, о которыхъ говоритъ Мишле въ первомъ томѣ своей «Histoire de France». Старухи чутко прислушивались къ шуткамъ молодежи и тоже импровизировали пѣсни, въ которыхъ говорилось про утраченную молодость, про сладость мужскихъ объятий и про горечь немощи. Приведу одну такую импровизацію, записанную не мною, чтобы показать, какою дикою поэзією дышатъ эти пѣсни.

«Славно грѣеть солнце мои старья кости. Весело мнѣ плясать съ вами, дѣтушки!

«Можетъ быть, послѣдній разъ пою я свою пѣсню.
Земля скоро закроетъ мои слѣпыя глаза.

«На будущій годъ вы опять придете сюда порѣзвиться. А на моей могилѣ будетъ зеленѣть свѣжая трава.

«Холодно мнѣ будетъ тамъ, и огонь камелька не согрѣетъ мое старое тѣло.

«Пляши же и пой, молодость,—съ дикой энергіей зазвучаль ея голосъ. И я попляшу съ вами въ послѣдній разъ.

«И въ послѣдній разъ кумысу напьюсь. А будущей весной вы опять сойдетесь тутъ при солнечномъ свѣтѣ.

«И вспомните тогда о старухѣ, и будетъ ей весело въ своей холодной могилѣ.

«И услышитъ она ваши пѣсни, а ея темные глаза изъ могилы увидятъ, какъ вы пѣете весенній кумысъ.

«И запляшутъ ея веселыя кости подъ вашу веселую пѣсню» (*Сибирь*, № 14, 1877 года).

Кромѣ импровизаций, затягивались и постоянныя пѣсни. Однѣ изъ нихъ выражали грубую, разнузданную чувственность, при чемъ всѣ предметы назывались своими именами; другія, напротивъ, были нѣжныя и грустныя. Постараюсь дать одну изъ нихъ въ посильномъ переводѣ. Если она оставляетъ желать многого въ литературномъ отношеніи, за то она почти дословный переводъ. Поетъ дѣвушка:

У пестрой стародойки
Не стало молока;
Желтымъ бердегесомъ
Одѣлись толокá.

Шапочки пушистой
 Нѣтъ у *кытына* *),
 На сердитой рѣчкѣ
 Тронулась шуга.
 Осень не по силамъ
 Задала намъ трудъ:
 Голода и муки
 Мѣсяцы идутъ.

— *Ноколоръ* (ребята), ну-ка, угадайте загадку, — предложила старуха. — Ну, что это такое: «на потолокъ юрты четыре торбаса (мокасины) висятъ?» Разгадка была — сосны у коровы. «Нѣтъ, мою загадку отгадайте: — каждое утро выходитъ шаманить дочь царя Сырадь Омукъ». Отгадка была — *развѣтъ*. Нѣкоторые загадки носили ужь слишкомъ *якутскій* характеръ; напримѣръ: «ребята, говорятъ, родился въ юртѣ, гдѣ лежалъ тихо, а выйдетъ на свѣтъ — пурга завоюетъ». — Знаемъ, знаемъ, крикнули многіе: это — *сата* **). Въ угоду мнѣ, какъ видно, были заданы загадки, восхваляющія русскихъ: «Говорятъ, таёнь получаетъ щепки, которыя рубятся въ «его мѣстѣ». Идите догадывайтесь, что это означаетъ *сурукъ* (письмо). Порой, съ гомерической простотой задавались дѣвушками такія загадки, отгадать которыя рѣшились бы развѣ тѣ рассказчики Людовика XI, которые составили сборникъ «*Cent pou-*

*) *Кытына* — видъ полярнаго цвѣтка.

***) *Сата* — камень якутской мѣтеорологіи. Онъ, по повѣрью, находится иногда во внутренностяхъ орла или же въ почкахъ чернаго быка съ бѣлой лысиной на лбу. Камень этотъ, положенный на ладонь, производитъ жестокую бурю; брошенный въ воду, *сата* начинаетъ вертѣться тамъ и потомъ замираетъ.

velles nouvelles», если бы, конечно, понимали по якутски. На подобныхъ играхъ знакомится молодежь изъ различныхъ наслеговъ, будущіе мужья и жены.

Чистотою нравовъ якуты похвалиться не могутъ. «Одного жеребенка кобыла гдѣ не выкинетъ; одно яичко гдѣ не гниетъ; одного ребенка дѣвушка гдѣ не рождаетъ». Такъ формулируется взглядъ якутовъ на цѣломудріе дѣвушки. Супружеская невѣрность встрѣчается очень часто. Мужъ бываетъ огорченъ лишь тогда, когда любовникъ захватить самъ юрту. «Чужой человѣкъ взялъ мой огонь и пользуется имъ», жалуется онъ тогда. Къ сожалѣнію, и кровосмѣшеніе очень частое явленіе среди якутовъ.

Банкетъ продолжался три дня. Подобные пиры стоятъ якутамъ половины ихъ всего состоянія; но не дать банкета считается позорною скупостью. Кое-кто остался еще у Мохсогола; но мнѣ нужно было спѣшить въ Ср. Колымскъ. Въ концѣ декабря я оставлялъ край, а передъ отъѣздомъ мнѣ хотѣлось еще сдержать слово, данное пріятелю чукчѣ, и побывать у него въ гостяхъ.

ГЛАВА III.

Внизъ по Колымѣ.

Приглашеніе чукчей. — Сборы. — Дорожныя невагоды. — Кресты. — Казакъ Луповцевъ. — Хайлаки. — Омолонъ. — Крѣпость.

Иналя, калкетъ налягъ Эрмиченг! пинтъ ыпычкынг култынг, — т. е. «Другъ, пріѣзжай въ палатку къ Эрмичену; станемъ *пинтъ-ыпычкынг* *) ѣсть». Такъ уговаривалъ меня мой другъ, чукча Эрмиченъ. Познакомились мы съ нимъ въ первую же зиму моего пребыванія въ Средне-Колымскѣ. Каждый годъ къ городу прикочевывають чукчи со стадами оленей и располагаются лагеремъ верстахъ въ десяти, за рѣкой, гдѣ въ изобиліи находится отава (ягель, *cladonia rangiferina*). Какъ только получится извѣстіе, что дикари прибыли, изъ Средне-Колымска въ лагерь устремляются въ запуски всѣ мѣстныя кулаки. Каждый старается выбраться тайкомъ, чтобы первымъ явиться къ чукчамъ. За чай, табакъ, а, глав-

*) Национальное блюдо чукчей; оно состоитъ изъ замороженныхъ комковъ жира и оленьяго мяса, при помощи колотушки приведенныхъ въ состояніе мяски.

ное, за *акаммель* (водку) приобретаются олени, оленины языки и «бока», т. е. части оленины, покрытая пальца на два жиромъ, до котораго тутъ всѣ такіе охотники.

Черезъ день, по проложенной кулаками дорожкѣ тянется въ городъ изъ лагеря вереница дикарей, издали поразительно похожихъ въ своихъ широкихъ *ханба* (верхняя одежда) на медвѣдей, въ особенности женщины. Сходство увеличивается еще походкой съ развальцемъ. Чукчи не любятъ *прѣзжать* въ городъ. Только тогда, когда въ лагерь бываетъ самъ *эрема* (царекъ, въ Средне-Колымскѣ является разъ въ 6—10 лѣтъ), онъ прибываетъ въ городъ не пѣшкомъ, а въ нартахъ, да и то въ санки запряжены не олени, а двѣнадцать... чукчей, среди которыхъ двѣ женщины, любимыя жены его величества.

Въ городѣ чукчи заходятъ въ каждую избу поприличію. Эти дѣти тундры не имѣютъ ни малѣйшаго представленія объ этикетѣ. Въ домѣ они осматриваютъ все, шупаютъ каждый незнакомый предметъ, лизуютъ его, щелкаютъ языкомъ и, если вещь понравится, говорятъ: «дай» и безъ церемоніи кладутъ вещь за пазуху, прежде чѣмъ ваше согласіе послѣдовало. Обыватели съ дикарями не церемонятся и просто выталкиваютъ ихъ за порогъ, если только не имѣютъ какихъ-нибудь нарочитыхъ видовъ. Особенно сильно надоѣдали дикари намъ, *якуния кауль*, т. е. *людямъ изъ далека*, какъ они насъ окрестили, въ отличіе отъ *колымчанъ* и *хайлаковъ*. Вытолкать за порогъ—духа не хватало, совѣстно, а между тѣмъ гость сидитъ чуть-ли не сутки, да еще приведетъ съ полдюжины пріятелей.

Эрмичень былъ такимъ гостемъ. Регулярно каждый день онъ приходилъ ко мнѣ и сидѣлъ цѣлыми часами. У меня не осталось ни одной пуговицы, ни одного осколка отъ той единственной оконной шибки, которую я такъ бережно привезъ изъ Якутска, за 2,500 верстъ, радуясь заранѣе, что лѣтомъ въ окнахъ будетъ у меня, кромѣ бумаги, влѣплено по стеклянному глазку. Первое слово по-чукотски, которое я узналъ, было: «хылгинъ» (дай!). Нужно-ли мнѣ прибавить, что научился я ему отъ Эрмичена? Разъ тридцать въ день я слышалъ это проклятое слово. Много разъ я собирался съ духомъ, чтобы сказать *уина* (нѣтъ): но Эрмичень требовалъ съ такимъ сознаниемъ правоты, что, вмѣсто *уина*, я постоянно говорилъ *i* (да).

Наконецъ, наступилъ тотъ блаженный день, когда дикари снимались лагеремъ. Эрмичень пришелъ ко мнѣ въ послѣдній разъ. И вотъ тогда-то онъ и передалъ мнѣ любезный зазывъ посѣтить его *паянъ* (палатку).

Цѣлыхъ три года я откладывалъ поѣздку на сѣверъ. Наконецъ, въ июлѣ 1891 г. снаряжился въ путь. Маршрутъ у меня былъ таковъ: въ Нижне-Колымскъ (500 верстъ)—водой, тамъ дожидаться рѣкостава и по льду поѣхать въ Сухарное, къ устью Колымы, посмотрѣть «маякъ лейтенанта Лаптева» какъ онъ громко значится на картѣ генеральнаго штаба, а на обратномъ пути завернуть къ чукчамъ, которые въ это время кочевали за *Егрючемъ* (сопка на сѣверъ отъ Нижне-Колымска).

На «разсвѣтѣ» 19-го июля, т. е. тогда, когда солнце стояло какъ разъ на сѣверо-востокѣ, я да два спутника выбрались изъ Средне-Колымска. Лодка, или, какъ здѣсь

называютъ, *карбасъ*, въ которой мы плыли, достойна описанія. Ладятъ ихъ ламуты, живущіе по рѣкѣ Ясачной, впадающей въ Колыму въ верстахъ въ 500 выше Средне-Колымска, такъ какъ только тамъ растетъ осина. Карбасы сдѣланы изъ тонкихъ осиновыхъ досокъ, сшитыхъ межъ собою скрученнымъ тальникомъ; щели законопачены мхомъ, а трещины залиты «сѣркой», т. е. листовиничной живицей. Такимъ образомъ, во всемъ карбасѣ нѣтъ ни одной частицы желѣза. Стѣнки карбаса до того тонки, дерево, изъ котораго онъ сложенъ, до того жидко,—что, если на распруги лодки не положенъ жердинникъ (подтоварни, по мѣстному),—по карбасу нужно ступать съ опаской, да и то въ *сараяхъ*, въ мѣстной обуви безъ каблуковъ и съ мягкими подошвами, иначе можно продавить днище. Не смотря на скудельный характеръ судна, *посудина*, по мѣстному, оно очень устойчиво во время погоды; низовики въ такихъ лодкахъ выплываютъ даже въ океанъ.

Нашъ карбасъ былъ порядочно нагруженъ. Тутъ были фляги съ солью для ниже-колымскихъ товарищей, которые съ весны не видали ее, и наши пожитки, и постели, и «мѣсто» чая (т. е. 50 кирпичей), частью для личнаго употребленія, частью какъ деньги. *Обыкновенныя* деньги въ Колымскомъ краѣ не имѣютъ никакого значенія. Ходячая монета—кирпичный чай. Въ трехъ главныхъ пунктахъ края: Верхне-Колымскѣ, Средне-Колымскѣ и Нижне-Колымскѣ кирпичъ имѣетъ опредѣленную цѣну въ каждое время года. За рыбу, юкалу, за оленей, мѣховую одежду, за молочные продукты и даже за личный трудъ—расплата производится этою

своеобразною монетою. Въ Колымскомъ краѣ, въ особенности же на сѣверѣ, приходится вымѣнивать свои деньги на чай, какъ обмѣниваетъ туристъ свои російскіе рублики на гульдены, какъ только переѣзжаетъ австрійскую границу.

Если чай можно сравнить съ ходячими бумажными деньгами, то въ Колымскомъ краѣ есть еще монета, которая такъ же рѣдка, такъ же высоко цѣнится и ходитъ съ такимъ же большимъ лажемъ, какъ золотая,—водка.

Клади, такимъ образомъ, въ нашей лодкѣ набралось пудовъ тридцать. Въ карбасѣ былъ еще пассажиръ: ѣздовая собака *Кылыкъ*, которая сыграла съ нами въ дорогѣ злую шутку, какъ увидите далѣе.

Въ первые дни плаваніе наше было прекрасно. Рѣка—какъ зеркальная; небо—чистое и ясное; теченіе быстро, такъ что на веслахъ надсаживаться особенно нечего было; фарватеръ почти чистъ: безъ мелей, подводныхъ косъ, *осередышей* (высокій, заливной песчаный островокъ), стрѣлокъ, перекатныхъ мелей и тому подобныхъ напастей. Мы дѣлали въ день 75—80 верстъ. Останавливались на *заимкахъ*, лежащихъ въ разстояніи 25—50 верстъ другъ отъ друга. Близъ самаго Средне-Колымска тоней нѣтъ, поэтому жители лѣтомъ уключиваются изъ города. На каждой тонѣ находятся три-четыре избушки безъ крышъ. Это и есть заимка. Трудно придумать болѣе первобытное жилище. Огонь раскладывается прямо на полу, дымъ выходитъ въ широкое отверстіе въ потолокъ. Какъ только затопятъ, приходится сидѣть на полу, потому что дымъ ѣстъ глаза и

захватываетъ дыханіе. Въ каждой избѣ—по двѣ и по три семьи. Всего собирается на заимкѣ неводовъ—6. Приѣхать промышлять можетъ каждый, кто хочетъ «мѣсто—Божье». Выстроившій самъ себѣ избушку на тонѣ будетъ жить въ ней лишь три лѣта, на четвертое—изба становится Божьей, а приѣзжій промышленникъ завладѣваетъ ею по праву перваго захвата. Интересно тѣ, что у колымчанъ, кромѣ этого, нѣтъ и намека на *артельную* неводьбу, если не считать рѣдко бывающую «черезовую ловлю».

На заимкахъ насъ всюду закармливали мѣстными лакомствами: юкалой, *варкой* *), *толкушей* **), *барабанами* ***), *хачиркой* ****). Какъ любознательные туристы, мы рѣшились пробовать все, но тѣмъ не менѣе у насъ не хватило мужества прикоснуться къ своеобразному мѣстному *варенью*, которое состоитъ изъ ягодъ шиповника, сваренныхъ... «въ сахарѣ, конечно»,—догадываетесь вы; нѣтъ, въ *рыбьемъ жиру*.

На заимкахъ мы едва могли отдѣлаться отъ настоятельныхъ желаній гостепріимныхъ хозяевъ «отпустить насъ съ промысломъ», т. е. нагрузить лодку нашу рыбой. Съ большимъ трудомъ удавалось убѣдить ихъ принять отъ насъ гостинцы—муку, табакъ, потому что брать плату за угошеніе считается грѣхомъ.

Иногда заимки совершенно своеобразны. Такъ какъ

*) Рыба, свареная въ рыбьемъ же жиру.

***) Рыба безъ костей, сваренная и мятая съ *кислицей* (красной смородиной).

****) Родъ лепешекъ изъ рыбьей икры, конечно безъ муки.

*****) Вяленая особымъ образомъ мелкая рыба.

вода была спокойна, то мы плыли по срединѣ рѣки, гдѣ теченіе быстрое. По обѣимъ берегамъ зеленые тальники и лиственницы отражались въ водѣ чистой, какъ зеркало. Только порой вскинется рыба или съ клекотомъ поднимется стая *холостыгъ*, т. е. только что оперившихся дикихъ гусей. Кругомъ — полная пустыня. Но вотъ одинъ берегъ становится все болѣе и болѣе отлогимъ: начинается, очевидно, тоня, хотя, по нашимъ соображеніямъ, до заимки еще версть 20. Избъ не видно. Только бѣленькими полосками выдѣляются *аппала* съ мокрымъ неводомъ, да опрокинутый вверхъ килемъ карбасъ. Мы соображаемъ, что тутъ можетъ быть. Вдругъ надъ заснувшей рѣкою раздаются крики — Доготоръ! калъ, калъ мана! (т. е. друзья, плывите, плывите сюда!)

Всматриваемся: на берегу суетится якутъ; онъ поднялъ высоко руки надъ головой, повязанной, какъ чалмой, ситцевымъ платкомъ. Такъ какъ вся рѣка уже бронзовая, а солнце переходитъ на сѣверъ и, по мѣстному измѣренію, всего «на аршинъ» надъ зубчатой линіей лѣса (значить, начинается новый день), — мы рѣшаемъ пристать. Кормчій круто всаживаетъ весло, и карбасъ грузно поворачиваетъ носомъ къ берегу. Подѣзжаемъ ближе и видимъ, что якутъ надъ головой держитъ громаднаго осетра, только-что вынутаго изъ невода... Еще нѣсколько сильныхъ взмаховъ веслами, и подъ килемъ тихо скрипитъ песокъ. Осетръ опускается въ пестярь, въ компанію съ жирными пельмами и широкими, брюхатыми *щрами*. Къ намъ бѣгутъ якутъ *змяксинъ* (т. е. баба), почти голые ребятишки, вся одежда

которыхъ состоитъ изъ засаленной *камлеи*, т. е. кожаного балахона. Нашъ карбасъ выволакиваютъ за шкармы на берегъ, а насъ съ почетомъ ведутъ къ костру, гдѣ уже весело бульбулькаетъ чайникъ. Начинаются разспросы: куда плывемъ? Какія новости въ Среднемъ? Каковъ тамъ промыселъ? *Эмаксинъ* въ это время изъ живаго, бьющагося осетра вырѣзываетъ спину съ язигой, крошитъ на кусочки и подаетъ на дощечкѣ, на которой на палецъ лежитъ вонючая грязь. А въ воздухѣ тучей виситъ комаръ. Мы не рѣшаемся поднять сѣтокъ, сидимъ въ толстыхъ замшевыхъ перчаткахъ: даже якутъ, и тотъ мотаетъ головой, прячетъ вспухшее лицо въ дымъ костра. Не даромъ инородцы говорятъ, что комаръ—дѣтише *абаи* (дьявола).

Когда всѣ новости сообщены, мы отчаливаемъ. Но намъ плыть сегодня не долго. По рѣкѣ легкой дымкой застелился туманъ. Полуночное солнце красно, какъ кровь. Замолкли крикливыя чайки, и только гдѣ-то далеко въ притокѣ урчитъ какая-то болотная птица. Мы устали. Пора спать. Легкій утренній вѣтерокъ прогналъ комаровъ. Такъ какъ жилия нѣтъ, то пристаемъ къ правому нагорному берегу Колымы. Прямо въ воду круто спускается отвѣсная гора съ рыжими, каменными боками. Кривыя лиственницы прицѣпились тамъ и сямъ и обхватили скалы корнями, какъ когтями. У подошвы горы цѣлыя горы плавника, принесеннаго во время водополья. Этотъ лѣсъ сухой, какъ порошокъ. Черезъ минуту на берегу пылаетъ громадный костеръ. Надъ огнемъ мгновенно сооружается таганъ. Вокругъ костра, на оленьихъ шкурахъ, располагаемся мы. Въ данную ми-

нугу намъ уютно и хорошо, хотя на нашемъ берегу начинается великая «каменная» пустыня, гдѣ, вплоть до Великаго океана, не было никогда ни одинъ европеецъ; сюда заглядываетъ лишь порой звѣроловъ, ламуть; какъ дома, чувствуетъ себя здѣсь одинъ лѣсной бояринъ, косматый *улу-тоень* (медвѣдь). Тутъ же у костра такъ сладко спится подъ заячьимъ одѣяломъ, пока наступитъ пора тронуться въ дальнѣйшій путь.

Порой дорога доставляла иного рода развлеченія, которыя насъ, людей взрослыхъ и довольно угрюмыхъ, тѣшили, какъ дѣтей. На Колымѣ безчисленное количество большихъ и малыхъ острововъ. Иные—меньше версты, другіе острова тянутся верстѣ на 10, 20 и больше. Острова эти раздѣлены извилистыми запутанными протоками; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ эхо—изумительное. Крикъ повторяется 5, 6 и больше разъ и каждый разъ становится все глуше и грознѣе. Есть и такіе протоки, въ которыхъ эхо повторяется только одинъ разъ: но за то съ изумительной отчетливостью передаются даже длинныя фразы.

Маленькимъ веселымъ духамъ лѣса—Барылахъ, которыхъ покрытыя шерстью плечи (Батгахъ сарынъ Барылахъ батыръ) едва видны надъ кучами прошлогоднихъ хвоевъ, — въ тотъ вечеръ было много работы повторять крики трехъ бородатыхъ *ниуча*, съ «тасъ харахъ», т. е. *каменными глазами* (такъ якуты называютъ носящихъ очки) *)

*) Якуты говорятъ, что эхо происходитъ отъ того, что духи лѣса Барылахъ передразниваютъ людей.

Иногда въ кустахъ на берегу промелькнетъ спина дикаго оленя или покажется громадная рогатая голова *сахатого*, задумчиво смотрящаго на нашу лодку. Дикихъ оленей и лосей (сахатыхъ) здѣсь видимо-невидимо. Въ комарное время они часто ищутъ спасенія отъ крылатыхъ мучителей въ водѣ и переплываютъ съ *землянаго* берега на каменный, чтобы укрыться въ горахъ. Горе сахатому или оленю, если онъ вздумаетъ переправляться возлѣ заимки, гдѣ его замѣтятъ рыбаки. Сейчасъ же все населеніе садится въ *втчки* (узенькіе челноки для одного человѣка, сшитые оленьими жилами изъ тонкой, листовичной драницы). Черезъ нѣсколько минутъ промышленники догоняютъ и окружаютъ тихо плывущее животное, которое на водѣ почти безпомощно. Сахатый плаваетъ такъ тяжело, что поверхность спины проходитъ *втчка*. Звѣря закалываютъ *покоюй*, родомъ копыя съ очень короткимъ ратовищемъ.

Олень даетъ пуда четыре, а лось иногда пудовъ 18 мяса. Вся добыча дѣлится тогда на столько частей, сколько неводовъ въ заимкѣ. Даже если бы звѣря примѣтилъ и убилъ одинъ человѣкъ, добыча все таки дѣлится на число неводовъ.

На третій день плаванья, однако, декорація измѣнилась. Подулъ низовой вѣтеръ. Колыма стала «дурѣть», по мѣстному выраженію. Вся она покрылась громадными волнами, цвѣта кремня, съ острыми бѣлыми гребешками. Карбась качало отчаянно. Лопасты веселья то и дѣло не захватывали воды. Валы глухо хлюпали въ носъ лодки, обдавая насъ брызгами. Бѣда, если кормчій, по близорукости, не доглядитъ, если рука у

него зацѣпенѣть на правильномъ веслѣ и карбась повернуть бокомъ къ волнамъ.

Вода начинала хлестать черезъ бортъ. Нужно было скорѣе спѣшить съ середины рѣки къ берегу, что не совсѣмъ-то было легко, такъ какъ рѣка имѣла болѣе двухъ верстъ ширины. На весла садятся два человѣка и налегаютъ изо всѣхъ силъ; но волны и вѣтеръ до того сильны, что лодка почти стоитъ неподвижно. Наконецъ, добрались кое-какъ до берега или, точнѣе, до *лайды*, по мѣстному, т. е. до громадной отмели, тянувшейся почти на версту. Къ довершенію благополучія, полилъ сильный дождь. Черезъ минуту наши блузы промокли насквозь. Такъ какъ въ большей степени значить вымокнуть уже нельзя было, то мы помирились съ участью. Подъ угоромъ мы нашли сухое мѣсто для огня, плавникъ, разбили палатку, развели громадный костеръ, и скоро всѣ невзгоды были забыты за кружкой горячаго кирпичнаго чая съ юкалой. Вдругъ, черезъ насъ, черезъ огонь, изъ угора выскочилъ какой-то бурый звѣрь, шлепнулся о землю, какъ видно, страшно испугался, повернулся къ намъ въ пол-оборота, оскалилъ зубы и зацаркалъ. Въ ходъ было пушено совершенно первобытное оружіе: дубина, вытасенная изъ костра. Сильный ударъ по черепу оглушилъ незваннаго гостя. Цѣлый рядъ повторныхъ ударовъ доканалъ его. Это была сѣверная рассомаха (*Gulo borealis*), которую, должно быть, дымъ отъ нашего костра потревожилъ въ норѣ. Это былъ единственный звѣрь, котораго мы встрѣтили за двѣнадцать дней плаванія, хотя на берегу часто видѣли отпечатки громадной лапы *улу-тайона* (медвѣдя).

Верстахъ въ 230 отъ Средне-Колымска находится громадный голецъ—Помазкинский. На вершинѣ его, среди кустовъ шиповника, голубики и смородины,—около двадцати полусравнявшихся съ землей могилъ, среди которыхъ одна обозначена громаднымъ покачнувшимся столбомъ, полуистлѣвшимся отъ времени. Это—знаменитыя «сюрбѣ нюча—арангасъ» (двадцать русскихъ могилъ), о которыхъ я слышалъ еще, когда ѣхалъ изъ Якутска.

— Чтò это такое?—спросилъ я старика-якута Мохсогола (русское его имя Николай), который жилъ съ двумя сыновьями у подошвы камня.

— Много разъ уже падалъ снѣгъ, какъ это было,—началъ Николай.—Русскіе *солдаты* пришли сюда и хотѣли городъ строить на горѣ. Стали промышлять—вытащили осетра. Вотъ, *долорумъ* (пріятель), чудной осетръ: одинъ только глазъ у него былъ, да и тотъ во лбу. «Ой, не ѣшьте, *поколоръ* (ребята), осетра: худо будетъ! это—не рыба!»—говоритъ имъ одинъ старикъ; но посмѣялись всѣ, сварили осетра, поѣли и легли. Лечь-то легли, да всталъ только старикъ, потому не ѣлъ онъ рыбы. Остальные всѣ померли. Тутъ на камнѣ они всѣ и похоронены. Столбъ—надъ начальникомъ поставлень.

Что это за могилы, какъ такое количество мертвецовъ очутилось въ наиболѣе пустынной части дороги, какъ якутъ знаетъ слово *солдаты*, когда во всемъ округѣ нѣтъ такого войска?—на всѣ эти вопросы могу отвѣтить лишь одно—*не знаю*.

На шестой день плаванія мы добрались до Крестовъ.

Это—самая большая *деревня* между Средне-Колымскомъ и Нижне-Колымскомъ. Здѣсь цѣлыхъ пять *дымовъ*. Населеніе—якуты и помѣсь этого племени съ русскими.

— Въ Нижно пивесъ (плывешь)-*ду*, на Омойонъ (Омолонъ)-*ду?* *),—вдругъ раздается знакомый старческій голосъ на берегу. Смотрю и глазамъ своимъ не вѣрю: Луковцевъ, или Юковцевъ, какъ онъ себя называетъ, беззубый семидесятипятилѣтній казакъ, вѣковѣчный часовой возлѣ хлѣбнаго магазина (единственный постъ въ Средне-Колымскѣ). Казаки нанимаютъ друга друга стоять на посту, въ особенности лѣтомъ, когда неводьба. За всѣхъ нанимался Луковцевъ. О, постъ въ Средне-Колымскѣ нѣчто совершенно своеобразное! Всѣ знаютъ, что въ амбаръ никто не поидеть, даже если бы на дверяхъ не было такого страшнаго по размѣрамъ замка, который привелъ въ ужасъ американца Гильдера, поэтому нѣтъ ни разводовъ, ни паролей, ни провѣрокъ и т. д. «Часовой» стоитъ въ своемъ платьѣ, съ громадною кремневою, Екатерининскихъ временъ, «фузеей» въ рукахъ. Изъ этого ружья не палили лѣтъ 100; не только оно не заряжено, но даже и кремь не ввинченъ.

Такъ какъ Луковцевъ на неводьбу не ѣздилъ, то онъ нанимался держать постъ за всю «казачью команду» Лѣтомъ, когда солнышко пригрѣвало старческія кости, Луковцевъ отправлялся спать на вышку того амбара

*) *Ду*—частица, посредствомъ которой въ якутскомъ языкѣ образуется вопросительная форма. Среднецы, говоря по-русски, употребляютъ всегда эту частицу вмѣсто русской—*ли*. Вмѣсто говоришь ли, они говорятъ: «говоришь ду». Это значить, *якутизмъ*.

возлѣ котораго стоялъ на часахъ. Съ гомерической простотой онъ снималъ съ себя рубаху, штаны (амбаръ въ самомъ людномъ мѣстѣ города), торбаса и совершенно голый, по якутскому обычаю, забирался подъ заячье одѣяло. Внизу держала постъ старая фузезя, прислоненная къ лѣстницѣ.

— Куда попой (поплыль), огонёръ (дѣдушка)!— между тѣмъ привѣтствовалъ Луковцевъ; съ нимъ мы были такіе большіе пріятели, что даже онъ не разъ предлагалъ мнѣ любезно пожевать «сѣрку» *), которую тутъ же вынималъ изо рта. Старикъ за мою бороду звалъ меня всегда *огонёръ* (дѣдушка) и *кырджагасъ* (старичекъ), хотя онъ смѣло годился мнѣ въ дѣды, такъ какъ былъ въ три раза старше меня.

— Братъ, кто же караулъ вмѣсто тебя держитъ? Аль нанялъ кого-нибудь?

— Кава (зачѣмъ) нанять? баба моя держитъ,—флегматично отвѣтилъ старикъ и сосредоточенно сталъ жевать сѣрку. Дѣйствительно, какъ это я не сообразилъ на первыхъ порахъ? Луковцевъ, кромѣ поста, въ городѣ имѣлъ еще одну работу: онъ доиль у насъ коровъ. Въ это время караулъ всегда держала жена его, старуха-амирячка **) лѣтъ 70, замѣчательно похожая на мужа. Спокойно сидѣла она съ кремневой фузеей, устремивъ свои рачы глаза съ радужными

*) *Сѣрка*, вываренная бальзамическая смола лиственницы, которую жуесть чуть-ли не поголовно вся Сибирь отъ Тюмени до Колымы

**) Особая женская нервная болѣзнь, о которой подробно—дальше.

ободками вокруг зрачка въ одну точку, чавкая сѣрку, пока мужъ не выдоитъ всѣхъ коровъ, что продолжалось часа два. Съ отъѣздомъ мужа баба стала заправскимъ казакомъ. Кажется, врядь ли гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ въ Россіи можно еще найти подобныя эпическія картинки!

На Крестахъ невольба шла прекрасно, но жизнь всей «деревни» была отравлена *хайлахомъ* (ссылно-поселенцемъ) Титовымъ, котораго недавно прислали сюда. Арестантъ долженъ много натворить, чтобы попасть на крайній сѣверо-востокъ, въ Колымскій округъ, носящій официально почетный титуль: «мѣста, для жительства неудобныя». Только послѣ цѣлаго ряда преступлений и осужденій поселенецъ попадаетъ послѣдовательно въ Иркутскую губ. на Лену, потомъ въ Олекминскій округъ, потомъ въ одинъ изъ улусовъ Якутскаго округа, потомъ въ Верхоянскій край, на Индигирку и, въ концѣ-концовъ, на Колыму, гдѣ онъ и остается, потому что дальше ссылатъ некуда. Какъ видите, на крайній сѣверо-востокъ попадаютъ подонки острога, самые закоренѣлые и неисправимые преступники. *Хайлахъ* знаетъ, что въ Колымѣ для него все кончено. Уйти некуда. Самый приткій бродяга знаетъ, что полярную тундру человѣку не пройти. Къ запасу озлобленности арестанта прибавляется еще мрачное отчаяніе. «Хайлаха» отправляютъ въ улусъ къ якутамъ, которые должны кормить его. «Хайлаху» строятъ юрту, даютъ корову, коня, ему доставляютъ мясо, рыбу, *чаякъ*, кирпичный чай, словомъ, все. По мѣстнымъ цѣнамъ, содержаніе хайлаха обходится улусу въ мѣсяцъ рублей

въ 11—12. И это тогда, когда сами якуты цѣлыя сутки живутъ корой, въ которую для вкуса брошена ложка *тара* (кислаго молока), когда въ Верхоянскомъ округѣ, чтобы не умереть съ голоду, большинство якутовъ питается полевыми мышами (овражками). Чтобы хайлахъ не обижалъ женъ и дочерей инородцевъ, якуты обыкновенно даютъ ему въ сожительницы какую-нибудь дѣвушку *итимнитъ*, т. е. сиротку. Жалко положеніе этихъ несчастныхъ! Синія пятна не сходятъ съ ея лица: страшный сожитель командуетъ ею кулаками или дубиной. Хайлахъ до того презираетъ якутовъ, что живетъ среди нихъ годы и научается лишь одному слову: «агалъ!» (дай). Жизнь не выносима, въ сущности, для обѣихъ сторонъ. Якутъ смотритъ на *хайлаха*, какъ на гадину, какъ на дикаго и лютаго звѣря, который высасываетъ весь его заработокъ; какъ на грубаго сатира, который можетъ изнасиловать дочь или жену дикаря *въ его же присутствіи*.

Съ другой стороны, поселенецъ среди не понимающихъ его якутовъ чувствуетъ себя хуже, чѣмъ въ столь страшномъ для арестанта «секретѣ» (одиночной камерѣ).

Въ концѣ-концовъ, хайлахъ совершаетъ нѣчто ужасное, чтобы вырваться изъ проклятаго края. Когда я былъ въ Колымскомъ краѣ, одинъ поселенецъ бросилъ безъ всякаго повода ребенка «княжца» въ топящійся камелекъ и придерживалъ его тамъ клюкой, пока малютка не сгорѣлъ. Отчаяніе придало храбрости якутамъ: они разомъ накинулись на хайлаха, связали его и привезли въ Средне-Колымскъ, а оттуда его отпра-

вили въ Якутскѣ, гдѣ убійца былъ присужденъ къ 12-ти годамъ каторги. Близъ Нижне-Колымска есть кланъ якутовъ, состоящій изъ 18 человѣкъ, а между тѣмъ кланъ этотъ кормить 14 поселенцевъ. Трудно повѣрить, а между тѣмъ это такъ: весь кланъ—крѣпостные рабы хайлаховъ. Якуты снабдили каждаго изъ поселенцевъ *полнымъ заводомъ* (т. е. неводомъ, сѣтями, собаками, нартами), тогда какъ сами дикари работаютъ «съ трети» на чужихъ неводахъ. Большею частью бываетъ такъ: хайлахъ проплетъ часть «завода» и требуетъ новаго.

На Кресты былъ присланъ одинъ поселенецъ—Титовъ. О немъ я слышалъ еще по дорогѣ. Якуты и якутки дрожали всѣмъ тѣломъ, когда провозили его имя. Титову около 50 лѣтъ. Это—крѣпкій, здоровый мужчина. Какъ только онъ прибылъ на Кресты, такъ потребовалъ юрту, коня, собакъ (коровъ здѣсь уже нѣтъ), сѣтвой заводъ и бабу. Въ противномъ случаѣ грозилъ сжечь поселокъ. Ему дали все. Тогда онъ сталъ требовать ежемѣсячной доставки мяса, рыбы и чая. И это ему дали. Титову все мало. Самъ онъ не неводилъ. «Я-то почто стану ноги студить да сѣти квасить?—говорилъ онъ.—Развѣ меня на то прислали, чтобы я здѣсь работалъ?» Озлобленіе противъ несчастныхъ дикарей и претензіи хайлаховъ порой бываютъ поразительны. «Да что съ ними, собаками, нужно дѣлать только за то, что они насъ *кирпичнымъ* чаемъ поятъ? Въ Рассеѣ я и не зналъ, что за кирпичный чай такой бываетъ, а здѣсь подлецы-якуты показали»,—жаловался мнѣ одинъ поселенецъ.

Все необходимое ему количество юкалы и рыбы онъ на глазах у владѣльцевъ бралъ изъ ихъ амбаровъ. Своихъ собакъ онъ кормилъ отборною чужою нельмою. Въ концѣ-концовъ продалъ свои сѣти и потребовалъ новыя.

— Да хоть бы онъ говорилъ, какъ человѣкъ, — жаловался метисъ Иванъ (якутъ по отцу, русскій по матери), у котораго мы остановились, — а то съ собакой такъ не говорятъ, какъ онъ съ нами.

Вся деревня рѣшилась отправить депутацію въ Средне-Колымскъ, къ исправнику, просить, чтобы онъ убралъ куда-нибудь хайлаха; въ противномъ случаѣ, все населеніе собиралось перекочевать на другое мѣсто *). Чѣмъ же вызвана эта страшная боязнь, это полное подчиненіе хайлахамъ? спросятъ меня. Съ одной стороны, происхожденіе этой боязни *историческое*. Предки колымскихъ якутовъ это — бѣглецы разбитыхъ отрядовъ повстанца Дженника. Эти якуты прибѣжали на Колыму, пораженные видомъ страшнаго укрошенія бунтовщиковъ. Воспоминанія о лютыхъ казняхъ и жестокихъ пыткахъ до сихъ поръ передаются еще изъ рода въ родъ въ пѣсняхъ и «олонхо» (былинахъ). Якуты дрожатъ при одномъ имени «ніуча» (русскаго). И «хай-

*) Въ сибирской печати часто появлялись указанія на ту страшную тяготу, какою для инородцевъ крайняго сѣверо-востока являются хайлахи. Польскій писатель г. Ваплавъ Сико, прекрасно знакомый съ условіями жизни якутскаго края, недавно выпустилъ въ свѣтъ въ русскомъ изданіи собраніе своихъ якутскихъ разсказовъ, въ числѣ ихъ есть «Хайлахъ», который производитъ очень сильное впечатлѣніе. Странное дѣло, желаю наказанія преступника, а между тѣмъ жестоко карать ни въ чемъ неповинныхъ дикарей.

лахъ» для нихъ, поэтому, олицетвореніе тѣхъ, о которыхъ онъ слышалъ съ дѣтства столь много ужасовъ. Якутъ иначе не величаетъ его, какъ «таёнъ» (господинъ). «Хайлахъ» въ *наслѣтъ* дѣлаетъ лишь часть того, что дѣлали его предки предкамъ родовичей. И якутъ терпитъ. Онъ тоже убѣжденъ, что на «то хайлаха и прислали», чтобы онъ сдѣлалъ всѣмъ жизнь горькой.

Это—одна сторона дѣла. Другая сторона—полная беззащитность якутовъ. Округъ такъ великъ, что, при всемъ желаніи, единственный представитель администраціи не можетъ ничего сдѣлать для дикарей.

Страшно становится подумать, что станеть съ несчастными дикарями, когда реформирована будетъ, какъ говорятъ, ссылка, т. е. когда начнутъ ссылать *только* въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Тогда съверо востокъ Сибири превратится въ кругъ ада, гдѣ вѣчно будетъ стонъ и скрежетъ зубовой несчастныхъ дикарей.

Послѣ поѣздки миссъ Маредень, великодушные люди промышляютъ средства, какъ помочь нѣсколькимъ десяткамъ прокаженныхъ. Это—хорошо, но не найдутъ-ли также великодушные люди способъ, какимъ образомъ избавить не нѣсколько десятковъ, а поголовно все якутское населеніе области отъ не менѣе страшной проказы, подтачивающей экономическое положеніе и нравственность края? Этой проказѣ имя *хайлахъ*.

Все мужское населеніе Крестовъ собиралось «гусевать», т. е. бить линияю птицу. Гусей загоняютъ въ притокъ и бьютъ палками, веслами, прикладами ружей, чѣмъ попало.

Было время, когда птицу наколачивали тысячами. Теперь результаты охоты значительно скромнѣе, хотя все еще громадны. Такъ какъ гусеваніе продолжается нѣсколько дней, въ самое жаркое время года, то убитая дичь страшно портится. Но обыватели такъ неприхотливы, что ѣдятъ такого «гуська», присутствіе котораго даетъ себя чувствовать за много саженой.

На другой день мы поплыли дальше. Намъ хотѣлось достать еще гребца, такъ какъ за крестами Колыма становится все шире да шире, но это намъ не удалось. Иные были на гусеваніи, другіе неводили, третьи, наконецъ, дожидались исправника, который долженъ былъ проѣхать черезъ нѣсколько дней. За то Иванъ, у котораго мы гостили, снабдилъ насъ двумя собаками, чтобы во время низоваго вѣтра запречь ихъ въ лямку, вмѣстѣ съ Кылькомъ, собакой, которую мы возили съ собой. За чай и табакъ Иванъ далъ намъ длинный ремень изъ лосей шкуры, вмѣсто бичеви. Какъ мы радовались, что теперь не придется болѣе надсаживаться на веслахъ при противномъ вѣтрѣ! И какъ же скоро наступило разочарованье! Вѣтеръ не заставилъ себя долго ждать. Мы впрягли собакъ. Вначалѣ дѣло шло совсѣмъ ладно; мы проѣхали уже верстъ 20. Вдругъ собаки «взяли духъ», т. е. почувяли гдѣ-то звѣря, рванулись изо всѣхъ силъ; непрочный ремень лопнулъ; получивъ свободу, собаки прижали уши и помчались. Собаки Ивана должны были побѣжать назадъ, на Кресты. Нашъ Калыкъ, волей-неволей, долженъ былъ слѣдовать за ними, впряженный въ общій *амык* (лямку). Дѣло наше выходило совсѣмъ плохо.

Начиналась самая пустынная часть рѣки. До перваго поселенія, до Омолона, было еще около 130 верстъ; между тѣмъ, рѣка все болѣе и болѣе расширялась. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ океану, тѣмъ чаще дулъ низовой вѣтеръ, а насъ было три человѣка. Въ концѣ-концовъ рѣшили такъ: въ то время, какъ одинъ держитъ корму, а другой гребетъ,—третій отдыхаетъ. Грести каждый долженъ былъ по часу.

Въ 60-ти верстахъ отъ Крестовъ горный кряжъ на правомъ берегу рѣки, тянущійся на протяженіи болѣе тысячи верстъ, — заканчивается громаднымъ, крутымъ, крайне угрюмымъ «камнемъ» (горой) *Канджибоемъ*. Горы поворачиваютъ на востокъ, въ Чукотскую землю. *Канджибой* воспѣтъ въ чукотскомъ и ламутскомъ эпосѣ. Возлѣ этой горы жилъ великанъ *Сана*, — Гаявати чукотскаго эпоса. Когда я, лежа въ чукотскомъ *ыра-янтѣ*, слушалъ рассказы о подвигахъ этого великана, мнѣ казалось, что мнѣ передаютъ эпизодъ изъ удивительной поэмы Лонгфелло, но передаютъ на языкѣ первобытномъ, какъ тѣ дѣянія, о которыхъ поэтъ говоритъ.

Сана вылѣпилъ изъ снѣга перваго чукчу и первую чукчанку. Такъ какъ эти люди ничего не знали, то *Сана* научилъ ихъ, какъ добывать огонь при помощи лучка, какъ запрягать оленей, какъ шить одежду, научилъ всѣмъ обиходнымъ вещамъ. Вѣчно онъ думалъ, какъ бы сдѣлать что хорошее для людей. Злой духъ *Чанакъ* вѣчно старался мѣшать хорошимъ дѣламъ. Разъ онъ спустился съ *Канджибоя*, видитъ — *Сана* спитъ. *Чанакъ* убилъ добраго великана и сталъ ѣсть его. До-

брался до черепа. Какъ только разгрызъ кости, такъ всѣ добрыя мысли *Сана* разлетѣлись въ видѣ бабочекъ. Съ тѣхъ поръ, когда чукча лѣтомъ поймаеъ бабочку, онъ третъ ею себѣ по лбу и говоритъ: — Хылчинъ, *Сана*, милгимиль! (т. е. дай свѣта (ума), *Сана*).

Въ настоящее время Канджибой въ большомъ почетѣ не только у дикарей, но и у русскихъ. Эта гора служитъ маякомъ въ тундрѣ. По ней ориентируются при поѣздкахъ «въ чукчи», т. е. въ чукотскіе лагеря, такъ какъ, разумѣется, никакихъ дорогъ тамъ нѣтъ.

Сѣвернѣе Канджибой оба берега рѣки совершенно отлоги. За рядомъ невысокихъ прибрежныхъ тальниковъ начинается безконечная тундра, которую не даромъ низовики называютъ *моремъ*. Кое-гдѣ тундру, какъ застывшія волны, пересѣкаютъ невысокія «іедомы», однообразные песчаные бугры, поросшіе низенькимъ ерникомъ, моршкой и «воронимъ окомъ». Остальное пространство сплошь покрыто ржавымъ мохомъ, на которомъ тамъ и сямъ выдѣляется бѣлыми пятнами ягель. Трудно представить, что-нибудь болѣе печальное и болѣе однообразное, чѣмъ берега Колымы за Канджибоемъ. Громадныя кучи побѣлѣвшаго отъ солнца плавника кажутся костями какихъ-то чудовищъ. Гдѣ нѣтъ барьера изъ плавника, тамъ видъ еще печальнѣе: отлогій берегъ усянъ круглыми кочками, покрытыми чернымъ мохомъ. Кочки эти такой странной формы, что кажется, будто весь берегъ усянъ головами утопленниковъ со сбившимися волосами, забитыми пескомъ. Линія противоположнаго берега уже не вырѣзывается, а ступшевывается разстояніемъ.

Быль уже конецъ юля. Солнце стало закатываться. Вечерами пробиралъ сильный холодъ. Въ этомъ году лѣто было необыкновенно жаркое, а то иногда въ это время, подъ такой широтой, сыплеть порой снѣжокъ, который, впрочемъ, не долго держится. Въ 1888 г. въ Средне-Колымскѣ 11-го іюня выпалъ глубокой снѣгъ, который пролежалъ цѣлыя сутки. Въ 1890 г. въ іюлѣ термометръ не разъ опускался на нѣсколько десятыхъ градуса ниже 0. Какъ видите, насъ не особенно удивило бы, еслибы насъ засыпало снѣгомъ.

На восьмой день плаванія, въ полночь, разбитые, усталые и продрогшіе, мы добрались до Омолона.

Въ прошломъ столѣтіи на этой рѣкѣ жили три громадныхъ юкагирскихъ рода. Врангель рассказываетъ о громадныхъ охотахъ, устраиваемыхъ на оленей, осенью, когда эти животныя переплывали стадами р Омолонъ. Въ охотѣ участвовали сотни дикарей. Увы, отъ трехъ клановъ осталось теперь всего 18 человѣкъ!

На берегу не было никого. Вытащивъ карбасы, мы отправились разыскивать *ураса* (палатки) дикарей. Кабы мы не такъ устали, если бы впереди не было еще 150 верстъ до перваго поселка, — мы, какъ всѣ русскіе, предпочли бы лучше миновать это несчастное племя.

Кругомъ насъ были высокіе густые тальники, изъ-за которыхъ ничего не было видно. Вдругъ къ намъ навстрѣчу съ радостными криками выбѣжало человѣкъ 12, подростковъ, стариковъ, дѣтей. Иные схватили насъ подъ-руки, другіе помогали понести вещи. На интернаціональномъ мѣстномъ языкѣ, якутскомъ, они твердили все:

— Пойдемте, пойдемте, друзья, отдохните!

Вотъ въ тальникахъ показались коническіе *урасы*, изъ вершинъ которыхъ валилъ дымъ. Насъ съ почетомъ ввели въ чумъ получше и побольше. Полетѣли на полъ медвѣжьей и оленьей шкуры, чтобы намъ мягче было сидѣть. Женщины, звеня громадными панцырями, изъ выпуклыхъ бляхъ, ставили нашъ чайникъ къ огню.

Вокругъ насъ усѣлись всѣ.

— Капсѣ, догаторъ (сказывайте новости, друзья)!— спросилъ по-якутски самый пожилой среди нихъ.

— Мы такъ рѣдко видимъ пріѣзжихъ,—прибавилъ другой.

О, да, несчастные, вы рѣдко видите профѣзжихъ! Почему же отъ этого сердечнаго пріема у насъ болѣзненной жалостью сжимается сердце, страшное чувство славливаетъ горло и мы употребляемъ усиліе, чтобы не проявить того отвращенія, которое зародилось въ насъ, какъ только увидѣли этихъ добродушныхъ дикарей? Эти несчастные—хотячѣ трупы. У одного вмѣсто носа гнилая яма, у другаго глаза въ страшныхъ, гнойныхъ, красныхъ орбитахъ, у третьяго отвалились губы и желтые, гнилые зубы напоминаютъ черепъ. Побѣдители не только истребили кроткое, добродушное племя: они завезли къ нимъ двѣ страшныя болѣзни: оспу и сифились. Поголовно всѣ «омолонщики», какъ говорятъ низовики,—сифилитики. Очевидно, сифились соединился у нихъ съ еще болѣе ужасною болѣзью—«улаханъ-эллеръ» (великой хворостью), т. е. проказой, потому что иначе нельзя себѣ объяснить это страшное разлаганіе заживо. Вѣдь въ низовьяхъ Колымы почти

всѣ сифилитики; но нигдѣ не видать такихъ ходячихъ труповъ, какъ на Омолонѣ. Вотъ почему русскіе далеко объѣзжаютъ несчастные остатки великаго племени, вотъ почему проѣзжіе такъ рѣдки у этихъ дикарей.

Живя непрерывно среди сифилитиковъ, удалось выработать извѣстный рядъ предохранительныхъ мѣръ. Въ силу этого, личной безопасности не угрожало ничего. Мучительная жалость все болѣе и болѣе сжимала сердце, чѣмъ радушнѣе были дикари.

Обрадовало насъ страшно то, что дикари сообщили намъ, что на другомъ берегу, въ поселкѣ *Колымская тона*, живетъ теперь якутъ, который съ удовольствіемъ наймется въ гребцы до слѣдующаго поселка Тимкино, въ 50 верстахъ отъ Нижне-Колымска, откуда заимки идутъ уже густо.

Правда, якутъ воспользовался тѣмъ, что онъ былъ намъ необходимъ, и взялъ ровно въ четыре раза больше, чѣмъ слѣдовало; но мы были необычайно рады новому гребцу. За Омолономъ Колыма имѣетъ отъ 4—5 верстъ въ ширину, теченіе тихо, вѣтры часты, и безъ помощника,—хорошо знающаго рѣку, мы никогда не добрались бы до Тимкина. Тутъ пошло ужъ исключительно русское населеніе. Знанія якутскаго языка мы могли и не обнаруживать, потому что низовики ни слова не понимаютъ на этомъ языкѣ. Хотя они всѣ почти говорятъ или понимаютъ по-чукотски, но, не въ примѣръ средневцамъ, всегда говорятъ между собою по-русски.

На каждой заимкѣ насъ встрѣчали какъ дорогихъ гостей: все населеніе почти 8 мѣсяцевъ сидѣло уже

безъ соли, а мы везли ее съ собою. Когда мы оставляли въ гостинецъ двѣ чашки соли, насъ благодарили такъ, какъ будто бы это была не соль, а золото.

Послѣднія десять верстъ подь «крѣпостью» дали себя знать. Мы попали на мели и часа три бродили по поясъ въ холодной водѣ, перетаскивая нашъ нагруженный карбасъ на «вольную воду».

Наконецъ, пошло глубокое мѣсто, но мы такъ измучились, что не было силъ уже грести. Напала какая-то прострація. Это былъ двѣнадцатый день путешествія. Мы чувствовали, что взяли подвигъ не по плечу—самимъ доплыть. Карбасъ нашъ тихо нѣсколько бокомъ сносило теченіемъ. Мы сидѣли безсильно опутивъ руки. Вдругъ кормчій крикнулъ: «Вѣшала! вѣшала!» Врядъ ли Колумба обрадовалъ такъ крикъ: «земля!» Дѣйствительно, кончился плѣсъ, рѣка сдѣлала изгибъ и на берегу показался рядъ карбасовъ. Мы—въ Нижне-Колымскѣ или въ *крѣпости*, какъ хотите. Зданій не видать: они за тальниками. Насъ уже замѣтили. Маленькіе человѣчки, которыхъ я по близорукости принимаю за ребятъ (на самомъ дѣлѣ, это взрослые, даже старики), бѣгутъ съ угора къ рѣкѣ; женщины машутъ руками, визжать и кричать что-то.

Мы—первые пріѣзжіе «съ верху» (т. е. изъ Средне-Колымска), въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, и первые вѣстовщики изъ *культурнаго* міра, изъ столицы, потому что «Средно» для низовика—столица. Вотъ съ крутаго берега спѣшить нашъ дорогой знакомый, добрѣйшій іеромонахъ о. Викторъ, настоятель чукотской миссіи,

а вонъ дальше бѣгутъ и наши товарищи, которыхъ уже предупредили.

— У, ребата, какой бойсей (большой)! — раздается испуганный женскій голосъ, когда я выскакиваю изъ карбаса въ воду, чтобы за шкармы вытащить лодку на берегъ. Дѣйствительно, среди этихъ лиллипутовъ я кажусь великаномъ, хотя мнѣ никогда не приходило въ голову, что придетъ время, когда я стану живымъ пугаломъ.

Конецъ дорожнымъ невгодамъ; мы—въ объятіяхъ товарищей; торопливо сообщаемъ имъ новости и передаемъ письма, прибывшія въ Средне-Колымскъ лѣтней почтой (она приходитъ изъ Якутска разъ въ четыре мѣсяца). Съ нами тюкъ русскихъ и иностранныхъ газетъ. Теперь 1-е августа 1891 г., а самый «свѣжій» номеръ «Русскихъ Вѣдомостей», изъ привезенныхъ нами, помѣченъ 3-мъ января. Есть *последнія* газеты и отъ ноября, даже сентября 1890 г.

Мы поднялись на крутой берегъ. Передъ нами громадная курья, черезъ которую переброшены грубые, кривые мостки, а за курьей—нѣсколько избушекъ-коробочекъ, безъ крышъ. Вотъ и вся *крѣпость*. Фономъ служить громадная двуглавая сопка Пантелеиха, въ 40 верстахъ отъ города. На сопкѣ уже лежитъ снѣгъ, и теперь, при заходящемъ солнцѣ, гора кажется бронзовой.

Въ сторонѣ стоитъ полуразвалившаяся бревенчатая башенка, безъ крыши, безъ дверей. Это — остатокъ острожка.

Наконецъ, мы въ чистой избѣ у товарища. Женскія

руки даже далеко за полярнымъ кругомъ сьумѣли придать жалкой курьѣ уютный видъ.

Первая часть моего плана исполнена; теперь до поѣздки на берегъ океана мнѣ предстоитъ отдыхъ до рѣкостава, т. е. почти два мѣсяца.

ПРИМѢЧАНІЕ.

(о поселенцахъ)

Почти всѣ арестанты, какъ подсудимые, такъ и срочные, въ якутскомъ тюремномъ замкѣ, за исключеніемъ небольшого числа якутовъ, принадлежать къ сыльному элементу.

Ссылныхъ въ области 5155 м. и 935 ж. По округамъ они распредѣляются въ такомъ числѣ:

Въ Якутскомъ	3805 м.	693 ж.
» Олекминскомъ	740 »	122 »
» Вилюйскомъ	471 »	114 »
» Верхоянскомъ	76 »	2 »
» Колымскомъ	63 »	4 »

5155 м. 935 ж.

Выбросивъ изъ этого числа 154 государственныхъ преступниковъ (132 м. и 22 ж.), и 1233 скопца (754 м., 479 ж.), окажется, что хайлацкая армія, лежащая на плечахъ якутовъ, состоитъ изъ 4703 чел.

(Цифры взяты изъ обзора Якутской области за 1889 г., Якутскъ, 1890 г.).

ГЛАВА IV.

Нижне-Колымскъ и Сухарное.

Опустѣвшая крѣпость.—Сельдядка.—Промыслы низовиковъ.—Привъздъ Петрухи.—«Вечерка».—Къ устью Колымы.—Сухарное.—Эмирячки.—Маякъ лейтенанта Лаптева.—«Солонникъ».

Въ 1891 году лѣто въ низовьяхъ Колымы было «мольчъ тёпѣе» (очень теплое), наступилъ уже третій Спасъ, а снѣга еще не было. Только двуглавая сопка Пантелеиха бѣлѣла на горизонтѣ. Но на ея вершинѣ выпалъ снѣгъ еще въ июль. «Крѣпость», т. е. Нижне-Колымскъ, совершенно опустѣла. Во всемъ *городѣ* не набралось бы и пяти жителей. Всѣ были на заимкахъ, на невольбѣ. Всюду виднѣлись лишь окна, заставленные, вмѣсто ставень, столешницами, да запертыя на замокъ двери. Въ этомъ отношеніи, *Нижно* отличалось отъ Средне-Колымска, гдѣ уфѣжающіе просто припираютъ двери избы колышкомъ. Въ «крѣпости» нужны были болѣе солидные запоры: здѣсь жили *хайлахи* (ссылно-поселенцы), которыхъ въ Среднемъ нѣтъ.

Въ «крѣпости» я остался, наконецъ, совершенно одинъ. Даже хайлахи соскучились и поѣхали по замкамъ. Товарищи мои поѣхали плотить плавникъ и запасать топливо на зиму. Такъ какъ кому-нибудь нужно было остаться «домовничать», ладить избу на зиму и т. д., то выбрали меня. Скучно и тоскливо было. Бродишь, бывало, какъ по сонному царству. Нигдѣ ни звука. Всѣ собаки были на заимкахъ, а другія домашнія животныя здѣсь неизвѣстны. Въ особенности неприятно было ночами, которыя пошли ужъ темныя. Плошка, налитая рыбимъ жиромъ, коптитъ и трещить. Пламя едва мерцаетъ. Черныя стѣны избы уходятъ куда-то. Кругомъ ни звука. Начинаешь чувствовать себя совсѣмъ, какъ въ гробу. Еще болѣе тяжелое чувство охватывало, какъ вспыхнетъ внезапно свѣтильня, и тогда по неровнымъ бревенчатымъ стѣнамъ забѣгаютъ черныя тѣни, какъ будто какое-то чудище бѣгъ мохнатыми крыльями... Когда пріѣзжалъ какой-нибудь обыватель съ заимки,—для меня былъ настоящій праздникъ. Быть полярнымъ Робинзономъ, да еще безъ всякаго живого существа вблизи, даже безъ собаки, крайне тяжело.

Обыватель каждый разъ не преминетъ въ такомъ случаѣ спросить: «какъ это русскіе іюди (люди) *чудинки* *) не боятся, а мольчъ въ избахъ сами спятъ!» Странное дѣло, низовики—народъ безстрашный; природа пріучила ихъ ко всякимъ опасностямъ. Одинъ на одинъ, съ плохой *пальмой* **) въ рукахъ, идетъ ни-

*) *Чудинка*, т. е. чудинка, привидѣніе.

**) *Пальма*, родъ копья.

зовикъ на страшнаго ошкуя (бѣлаго медвѣдя); цѣлыми недѣлями проводитъ совершенно одинъ въ тундрѣ, на берегу океана, вообще на *стыдухъ* (открытомъ мѣстѣ); но ни за что не останется одинъ въ избѣ. Однообразіе полярной природы, плохая пища, непрерывныя лишенія сдѣлали ихъ крайне нервными. Очень многіе страдаютъ въ долгую зиму зрительными галлюцинаціями. Быть можетъ, этимъ объясняется боязнь *чудинокъ*, которыхъ видѣли чуть-ли не всѣ.

«Чудинки» эти являются или же въ видѣ женщины съ огнемъ въ рукахъ, или же въ видѣ мертвыхъ тѣлъ.

Уѣдетъ случайный гость—и снова я въ мертвомъ царствѣ. «Съ верху», т. е. изъ Средне Колымска, не пріѣзжалъ никто. Никогда за всѣ четыре года моего пребыванія въ Колымскомъ краѣ мнѣ не приходилось испытывать такого чувства оторванности отъ всего міра, какъ въ тѣ дни, когда я былъ единственнымъ жителемъ Нижне-Колымска.

18-го августа выпалъ снѣгъ въ четверть. Онъ уже больше не сходилъ. вмѣстѣ съ снѣгомъ явился и мой Пятница, въ видѣ моего пріятели, обывателя Петрухи, извѣстнаго у низовиковъ подъ приватной кличкой—Лепешка. Дѣйствительно, взглянувъ на плоское, круглое лицо Петрухи, нельзя было не согласиться, что кличка подобрана замѣчательно удачно.

— Братъ,—обрадовалъ онъ меня,—«сейдяка пашья»! (сельди пошли).

Это было крайне важное сообщеніе. Въ послѣдніе дни промыселъ шель крайне плохо, близилась зима, а между тѣмъ не появлялась рыба, служащая главной

пищей какъ для людей, такъ и для собакъ въ низовьяхъ Колымы,—сельдь. Это грозило краю лютымъ голодомъ. Понятно, какъ должно было обрадовать сообщеніе Петрухи; не говоря уже о томъ, что сельдядка ловилась у крѣпости же, такъ что половина населенія должна была пріѣхать. Дѣйствительно, на другой же день перекочевали три невода. Низовики рѣзко отличаются отъ средневецевъ въ одномъ отношеніи: работы въ «крѣпости» никто не стыдится. Въ Средне-Колымскѣ вы нанесете величайшее оскорбленіе человѣку, если спросите, не дѣлаетъ ли онъ себѣ самъ чего-нибудь.

— Понто дѣять сами станемъ,—обиженно говоритъ онъ,—ми іюди пойномошны (богатые), а ми работника нанимамъ!

Мѣстный купецъ ни за что не пойдетъ пѣшкомъ въ гости къ сосѣду, хотя бы онъ жилъ въ пяти шагахъ; непременно прикажетъ запрягать собачью нарту. Средневецъ «аристократъ» знаетъ только одно: надувать чукчу или ламута, сбывать ему сивуху, настоенную на махоркѣ, и брать за это «пышное» (пушнину). Совсѣмъ не то въ Нижне-Колымскѣ. Работы здѣсь никто не стыдится. Даже священники и тѣ выѣзжаютъ на рыбные промыслы. Съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю я знакомство съ ниже-колымскими священниками: іеромонахомъ о. Викторомъ и о. Іоанномъ Петелинымъ, побывавшемъ уже и въ Америкѣ, и на Хатангѣ. Во время неводьбы о. Іоаннъ подтыкаетъ полы подрясника за кожаный кушакъ и тянетъ бичеву, въ то время, какъ сынъ его, діаконъ, выгребаетъ въ лодкѣ. На меня пахнуло библейской жизнью тѣхъ временъ, когда и

апостолы неводили. Какая разница между духовенствомъ въ Нижне-Колымскѣ и Средне-Колымскѣ!

Черезъ день берегъ Колымы возлѣ крѣпости закипѣлъ лихорадочной жизнью. Дулъ сильный, холодный верховой вѣтеръ. Температура была—1° С., а въ холодной водѣ по колѣни и по поясъ копошились обыватели, выволакивая невода. Одинъ неводъ въ одну тоню даетъ 5—6 тысячъ сельдякокъ. Конечно рыбы было бы гораздо больше, но невода низовиковъ маленькіе. Кромѣ того, какъ всѣ колымчане, низовики боятся или же не умѣютъ замечать невода по срединѣ рѣки, гдѣ рыба идетъ гуще, а лишь у берега. Самое трудное не выволакивать неводъ, а чистить его: сельдь «ячеится», т. е. застряваетъ въ ячеяхъ, откуда вытаскивать ее требуется особое искусство: «Чистятъ» голыми пальцами. Представьте, что значить вытащить нѣсколько тысячъ сельдей, когда стоишь въ ледяной водѣ, когда мокрые пальцы костенѣютъ отъ стужи и обмерзаютъ льдомъ. Ночью и еще хуже. «Водящій карбасъ», т. е. гребецъ, не видитъ *бережничихъ*, тянушихъ бичеву. Руководиться онъ можетъ лишь кострами, разложенными тамъ и сямъ. Пойманная сельдядка сваливается тутъ же на берегу въ высокіе срубы—*сайбы*, нарочно сложенные для этого случая. Черезъ три-четыре дня большинство низовиковъ набрали въ *сайбы* по 18—20 тысячъ сельдей и бросили невольбу. По рѣкѣ пошла уже пуга. Вдоль береговъ неровной волной лежалъ смерзшійся молодой ледокъ, прибитый волнами—*припльсъ*. Тогда сельдядку пошли ловить другіе промышленники—*довѣренныя* различныхъ купцовъ. За тысячу

сельдей они платили рубль, за пять тысяч—бутылку настойки на махоркѣ и на купоросѣ. Эту же самую рыбу весною *довтрянне* продадутъ промышленникамъ по 10 рублей за тысячу.

Днемъ было еще тепло. Возлѣ *сайбы* тогда проходить нельзя было, въ особенности, когда потянетъ вѣтерокъ: *сельдядка* «выкисла», т. е. провонялась и дала себя чувствовать далеко. Когда ожидать оттепелей больше уже нельзя было, въ началѣ сентября *сайбы* раскрыли, а сельдядку разметали по берегу, на снѣгу, заморозили ее и свезли въ амбары. На сельдядку существуетъ здѣсь особая мѣра — *калимсо*, т. е. 250 сложенныхъ вмѣстѣ рыбъ, залитыхъ водою, такъ что онѣ смерзлись.

Въ началѣ сентября Колыма стала. Въ Средне-Колымскѣ въ это время, если рѣкоставъ былъ ранній, устраивается единственная извѣстная здѣсь форма артельной неводьбы—*черезовая ловля*. За четыре года я всего лишь разъ былъ свидѣтелемъ такой неводьбы. Для *черезовой ловли* выбирается мѣсто, гдѣ рѣка поуже и гдѣ она образуетъ крутой поворотъ. Тамъ почти вся рѣка перегораживается всѣми сѣтями, какія только имѣются въ распоряженіи жителей. На *черезовую ловлю*, какъ на праздникъ, идетъ все населеніе: взрослые, женщины, дѣти. Особый выбранный *черезовой* староста распоряжается всѣмъ. Въ помощь ему назначаются *дуванщики*, обязанность которыхъ—дѣлать (дуванить) равномерно промышель. Работа продолжается два дня: нужно прорубить поперекъ льда лунки и загрузить сѣти. Взрослые долбятъ ледъ; бабы и дѣвушки

рубятъ жерди, которыя ребятишки волокутъ на плечахъ или на собакахъ. Шумъ, гамъ, шутки, смѣхъ, протяжные звуки *гондычины* *) волной переносятся по льду. *Дуванщики* дѣлятъ весь уловъ на «номера», т. е. на пай. Каждый участвующій получаетъ одинъ *номеръ*, все равно, взрослый - ли это работникъ, или же восьмилѣтній малышъ, вся дѣятельность котораго ограничивалась тѣмъ, что онъ приволокъ 2—3 жерди. За каждыя три сѣти и на каждую собачью упряжку полагается тоже *номеръ*. *Черезовая* ловля все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія, о чемъ сильно сокрушаются старики, увѣряя, что въ ихъ время было не такъ.

Въ концѣ сентября пошли ужъ настоящіе морозы, хотя меня все увѣряли, что на дворѣ «тепѣ». Низовики вырядились по-чукотски: въ пестрые торбаса (мокасины), камусовыя шаровары и коротенькія *кукашки* **) и снаряжались въ путь къ устью Колымы, на подледные промыслы. Другіе подготавливали три продукта мѣстной отпускной торговли: мамонтовую кость, *ровдугу* и пушину, чтобы сдать это все «кладѣвщикамъ» купцовъ, которыхъ ждали изъ Средне-Колымска по первому пути.

II.

Благодаря изслѣдованіямъ Палласа, фонъ-Бера, Брандта, Миддендорфа, Фр. Шмидта, Ив. Дем. Чер-

*) *Гондычина*, своеобразный протяжный напѣвъ, слова для котораго имп овизируются.

**) Родъ мѣховой рубахи, съ капюшономъ (кокулемъ).

скаго и др., мы знаемъ, что мамонтъ былъ родъ сѣвернаго слона, который жилъ (по крайней мѣрѣ, извѣстную часть года) въ полярныхъ странахъ Сибири при условіяхъ, мало отличающихся отъ условій настоящаго времени. По безконечнымъ *бадаранамъ* (болотамъ) и по тайгѣ мамонтъ бродилъ громадными стадами, какъ мы это увидимъ далѣе. Выражаясь геологически, мамонтъ вымеръ не очень давно: въ обрывахъ рѣкъ были найдены не только цѣлые остовы, но полныя тѣла, съ кожею и шерстью, съ замороженной кровью въ артеріяхъ. Если вѣрно толкованіе одного темнаго мѣста у Плинія, мамонтовая кость съ древнихъ временъ составляла предметъ торговли, при чемъ, однако, смѣшивалась со слоновой костью и моржевыми клыками. Первый мамонтовый клыкъ былъ привезенъ въ Англію въ 1611 г. Josias Logan'омъ. Клыкъ былъ найденъ въ басейнѣ р. Печоры и надѣлалъ заграницей много шума. Логанъ писалъ тогда пріятелю: «никому не могло придти въ голову, что въ Московіи есть такіе товары». Русскіе тоже узнали о существованіи мамонтовой кости незадолго передъ тѣмъ, вѣроятно, послѣ 1582 г.

Части скелета мамонта были въ первый разъ описаны Витзенемъ, который во время своего пребыванія въ Россіи въ 1686 г. собралъ много рассказовъ о мамонтѣ. Въ 1692 г. русскій посолъ, голландецъ родомъ, Евертъ Исбрантъ Идесъ, проѣзжалъ черезъ Сибирь въ Китай. Со словъ своего проводника, онъ первый упомянулъ объ открытіи тѣла животнаго на Енисеѣ, близъ Туруханска. Иностранцы увѣрены, что мамонтъ жилъ подъ землей, что бивни — это рога животнаго, кото-

рыми оно себѣ прокладывало дорогу въ илѣ и глинѣ. Какъ только животное докапывалось до песчаного слоя, то песокъ засыпалъ мамонта и онъ задыхался. Преданія инородцевъ объ этомъ животномъ собраны въ трудѣ Мюллера: «*Leben und Gewonheiten der Ostiaken unter dem Polo arctico wohnende etc.*», Berlin, 1720. Авторъ былъ сосланъ въ Сибирь, какъ плѣнникъ во время шведской войны. Мюллеръ, какъ видно, самъ вѣрилъ многимъ разсказамъ остяковъ.

Въ 1771 г. въ обвалѣ берега р. Вилюя, подъ 64° с. ш. былъ найденъ цѣлый мамонтъ, съ мясомъ и костями. Голова и ноги этого животного до сихъ поръ сохраняются въ Петербургѣ. Остальныя части животного были съѣдены якутами и собаками ихъ. Въ 1843 г. на берегу рѣки Таймуръ, подъ 75° с. ш., Миддендорфомъ былъ найденъ прекрасно сохранившійся трупъ мамонта, а затѣмъ Шмидтомъ въ тундрѣ, на западъ отъ Енисея, подъ 70°13' с. ш. была сдѣлана такая же находка. По мнѣнію Миддендорфа, найденный имъ трупъ былъ принесенъ теченіемъ изъ болѣе южной мѣстности. Съ другой стороны, Шмидтъ нашель, что слой, въ которомъ былъ найденъ мамонтъ, лежалъ на пластѣ морской глины, содержащей раковины сѣверныхъ породъ скорлупняковъ, которые до сихъ поръ живутъ въ Ледовитомъ океанѣ. Слой этотъ былъ покрытъ пластомъ песка, чередовавшагося съ тонкими пластами, содержащими перегнившія растенія. Пласты эти вполне походили на тотъ торфъ, который до сихъ поръ образуется на днѣ озеръ тундры. Въ глыбѣ, въ которой найденъ мамонтъ, находились куски лиственницы, вѣтки

и листья карликовой березы (*Betula nana*) и двухъ сѣверныхъ породъ ивы (*Salix glauca* и *herbacea* *) — растений, встрѣчающихся и до сихъ поръ. Припомнимъ еще, что Брандтъ, Шмальгаузенъ и др. доказали, что остатки пищи, найденные въ извилинахъ зубовъ вилюйскаго мамонта, состоятъ изъ частей листьевъ и иглъ деревьевъ, которыя до сихъ поръ растутъ въ Сибири **). Отсюда можно заключить, что *въ то время, когда мамонтъ жилъ, климатъ Сибири былъ тотъ же, какъ и теперь* ***). Нужно имѣть въ виду, что находка была сдѣлана вблизи небольшой тундровой рѣчки, истоки которой находятся *свертне* «края лѣсовъ». Такимъ образомъ, нельзя допустить, какъ Миддендорфъ, что мамонтъ былъ принесенъ льдомъ съ юга, изъ лѣсистыхъ мѣстъ, во время водополюя. Шмидтъ, нисколько не колеблясь, говоритъ, что мамонтъ если не постоянно жилъ въ самыхъ сѣверныхъ мѣстахъ Сибири, то, во всякомъ случаѣ, порой заходилъ туда, какъ это дѣлаетъ теперь сѣверный олень.

Въ 1877 г. на одномъ изъ притоковъ Лены, подл 69° с. ш., была найдена прекрасно сохранившаяся

*) *Friedrich Schmidt*. Wissenschaftliche Resultate der zur Aufsuchung eines Mammuthcadavers ausgesandten Expedition.

***) *Nordenskiöld*. The voyage of the Vega, chap. VII, p. 154.

***) Смѣлое, но мало обоснованное противоположное мнѣнiе было высказано Н. Howorth'омъ въ англійскомъ журналѣ «Nature» (№ 1004, 1889). Онъ отрицаетъ существованiе въ Сибири ледниковаго періода и говоритъ, что въ ту эпоху, когда жилъ мамонтъ, климатъ въ Сибири былъ значительно мягче, а «край лѣсовъ» достигалъ океана и Медвѣжьихъ острововъ.

разновидность мамонта (*Rhinoceras Tcherckii*)*). Шренкль говоритъ, что этотъ мамонтъ былъ вполне приспособленъ для жизни подъ высокими широтами. Зимой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ найденъ мамонтъ, холода доходять до 67,5° С.; зато короткое лѣто необыкновенно жарко, такъ что бадараны (болота) покрываются роскошною травою.

«Кромѣ обширныхъ пастбищъ, которыя животное находило на сѣверѣ, не слѣдуетъ забывать, что въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ вѣтра, заливаемыхъ во время водополя, растутъ роскошные кустарники. Последніе заходятъ далеко за предѣлы «края лѣсовъ». Ихъ нѣжные, сочные листья, быть можетъ, составляютъ особенно лакомую пищу для травоядныхъ животныхъ. Наконецъ, даже наиболѣе печальныя мѣста крайняго сѣверо-востока Сибири могутъ быть названы богатыми растительностью, въ сравненіи съ нѣкоторыми опаленными солнцемъ мѣстами юга, гдѣ одинъ лишь верблюдъ находитъ себѣ пищу. Таковъ, напр., восточный берегъ Краснаго моря**).» Последній по времени мамонтъ найденъ въ февралѣ 1889 г. между р. Балахной и Хатангинскимъ заливомъ, въ 15 верстахъ отъ берега Ледовитаго океана. Мамонтъ лежалъ на спинѣ, головою внизъ въ глубь земли. Почва, въ которой находился остовъ, глинистая. Мамонтъ былъ покрытъ кожей, но инородцы, желая добыть клыки животнаго, разрыли

*) Находка описана И. Д. Черскимъ въ В. С. отдѣл. Импер. геогр. Общ. за 1877 г. и д-ромъ Шенкомъ въ «Зап. спб. академіи наукъ», стр. VII. Т. XXVII, № 7. 1880.

***) The voyage of the Vega, p. 155.

землю вокругъ, такъ что, вслѣдствіе доступа воздуха, трупъ разложился (онъ лежалъ 2 года, пока явились осмотрѣть его). Сохранилась въ цѣлости одна лишь задняя нога. (См. «Извѣстія В. — Спб. отд. Имп. Р. Геогр. Об., т. XX, № 3, 1889 г., стр. 67).

По исчисленію Миддендорфа, за послѣднія 100 лѣтъ вывезено съ крайняго сѣверо-востока не меньше 40 тысячъ клыковъ,—можно судить о количествѣ мамонтовъ, водившихся на сѣверѣ. Чѣмъ ближе къ берегу Ледовитаго океана, тѣмъ клыки попадаютъ все въ большемъ количествѣ.

На самомъ берегу попадаютъ клыки меньшихъ размѣровъ, чѣмъ въ глубинѣ материка. Это обстоятельство можно объяснить тѣмъ, что молодыя особи, какъ наиболѣе рѣзвыя, экспансивныя и подвижныя, забирались дальше стариковъ, консервативныхъ по натурѣ своей. Цѣлыя залежи клыковъ находятся на Ляховскихъ островахъ. Во время бури волнами вымываетъ клыки изъ песчаныхъ дюнъ цѣлыми сотнями. На материкѣ больше всего находятъ «кость» на берегахъ *земляныхъ* рѣчекъ, весною, во время водополья, когда «вольная вода» подмываетъ берега и случаются большіе обвалы.

Мамонтовые клыки, или *рога*, какъ ихъ здѣсь называютъ, съ незапамятныхъ временъ служатъ инородцамъ вмѣсто желѣза. На днѣ спущенныхъ озеръ въ колымскомъ округѣ были найдены грубо обдѣланные наконечники стрѣлъ изъ мамонтовой кости, рядомъ съ такими же примитивными не полированными каменными топорами. Дикари и до сихъ поръ готовятъ изъ

того же матеріала наконечники для стрѣлъ, родъ копій и т. д. Эти издѣлія прекрасно отполированы. У чукчей я видалъ прекрасныя брони, пѣликомъ сдѣланныя изъ пластинокъ кости.

Какъ промыселъ, мамонтовая кость даетъ прекрасныя барыши... только не охотникамъ, а купцамъ.

Лѣтомъ, когда спадетъ вода, искатели «роговъ» отправляются на поиски. Внимательно изслѣдуютъ они каждый обвалъ *земляной рѣчки* *), не торчитъ-ли гдѣ клыкъ. Если промышленникъ не можетъ забрать съ собою найденную *кость*, онъ оставляетъ ее на мѣстѣ до зимняго пути, а на клыкъ кладетъ накрестъ двѣ вѣтки въ знакъ того, что находка имѣетъ уже хозяина. Больше всѣхъ «доспѣваютъ» клыковъ—ламуты, потому что имъ вѣдомы не только всѣ рѣчушки, но они могутъ предсказать, въ какомъ мѣстѣ весною обрушится берегъ. За пару клыковъ вѣсомъ въ 1¹/₂—2 пуда купецъ платитъ на мѣстѣ 12—15 руб. (товарами).

Попадаются клыки вѣсомъ пуда въ 3 каждый и болѣе сажени въ длину.

Съ каждымъ годомъ количество добытой мамонтовой кости уменьшается, хотя она все еще громадна. Пудъ кости въ Якутскѣ стоитъ 60 р. Въ 1889 г. купцы продали партію кости за 57,600 руб. и получили чистаго барыша не меньше 40 тыс. руб. Такимъ образомъ, обывателямъ «мамонтовый промыселъ» приносить гроши. Круглымъ числомъ, при лучшихъ условіяхъ, на семью

*) *Земляными рѣчками*, въ отличіе отъ *каменныхъ*, называются такія, у которыхъ оба берега состоятъ изъ *иаса* (ила).

приходится рублей 5 въ годъ доходовъ, да и то не деньгами, а чаемъ (3—5 руб. за кирпичъ) или водкой.

Другой промыселъ низовиковъ — выдѣлка *ровдуги* (оленьей замши) — замѣчательнъ, главнымъ образомъ, курьезно-микроскопическимъ заработкомъ, который онъ даетъ. Въ IV-й главѣ моей книжки: Очерки крайняго сѣверо-востока *), я далъ подробное описаніе этого промысла, перенятаго цѣликомъ у чукчей, съ сохраненіемъ даже названія инструментовъ (*аутъ, хайбай* и т. д.). Затрачивая ежедневно часовъ 6—7 на выдѣлку, мастера зарабатываетъ на ровдугахъ, *въ лучшемъ случаѣ 4 к., а въ худшемъ — 1 коп. въ день*. Купецъ беретъ ровдугу за 15—20 к. (товарами, цѣня кирпичъ, который ему стоитъ 85 к., въ 3, 4 и даже 5 р.), а въ Якутскѣ продаетъ ее за 2¹/₂ р.

III.

Прошло еще недѣли двѣ. Зима установилась уже форменная, хотя низовики продолжали увѣрять, что «тепѣ». Съ «верху» никого не было. Жители «крѣпости» глаза проглядѣли, высматривая «кладьевщиковъ» изъ Средне-Колымска. Въ городѣ вышелъ уже весь чай, табакъ: питухи жестоко страдали, такъ какъ не было водки. Небольшое количество ея, которое имѣлось у «довѣренныхъ», послѣдніе закопали тайно въ снѣгъ, чтобы никто не видалъ, до тѣхъ поръ, пока наступитъ время ѣздить «въ чукчи». Выработался своеобразный

*) Записки. В. Спб. отдѣла Импер. русск. географ. Общества, т. II-ой, вып. I-й Иркутскъ, 1892 г.

спортъ у низовиковъ: выслѣживать купца, зарывающаго водку, и выкрасть флягу. Похищеніе денегъ или вещей считается крайне зазорнымъ, но утащить запрятанную водку—своего рода подвигъ, которымъ гордятся. Не менѣе страстно, чѣмъ низовики, выглядывали средневецъ и мы. Каждый разъ, какъ полѣзешь на плоскую крышу закрывать трубу,—долго стоишь и глядишь на рѣку, не потянется ли рядъ нартъ. «Кладьешники» должны были привезти съ собою осеннюю почту, которая въ Средній Колымскъ прибываетъ въ первыхъ числахъ октября. «Что она везетъ съ собою? Что дѣлается теперь въ другомъ мірѣ, лежащемъ за тысячи верстъ, за этимъ ледянымъ кольцомъ». Такіе вопросы роились въ головѣ. Страстное нетерпѣніе смѣшивалось съ боязнью невѣдомаго несчастья, которое можетъ принести эта такъ ожидаемая почта. Невольно припомнились слова Шекспира:

«Methinks

Some unborn sorrow, ripe in fortune's womb
Is coming towards me; and my inward soul
With nothing trembles».

Никакъ не можешь допустить, что и тамъ все сѣро, все буднично по прежнему.

Верховики не пріѣзжали. Говорили, что Омолонъ никакъ не «хочетъ установиться», что тамъ громадные полынни во всю ширину рѣки. Между тѣмъ наступилъ и Михайловъ день (8-го ноября). Красный дискъ солнца въ послѣдній разъ показался надъ горизонтомъ и скрылся надолго. Наступила почти двухмѣсячная полярная ночь. Только отъ 12 до 1^{1/2} дня на дворѣ стояли бѣлесыя

сумерки, entre chien et loup. «Крѣпость» приняла еще болѣе печальный видъ: для тепла, обыватели обледели свои избушки-коробочки, засыпали ихъ снѣгомъ, такъ что видны были одни лишь бѣлые холмики съ торчащими наверху широкими трубами, сложенными изъ жердей, обмазанныхъ глиной. Какъ бѣльмами, избушки глядѣли своими ледяными окнами.

А нартовщики все еще не пріѣзжали. Наконецъ, когда нетерпѣніе низовиковъ достигло крайнихъ предѣловъ, такъ что собирались даже выѣзжать навстрѣчу,—раздался радостный крикъ по всей крѣпости:— «ѣдутъ! ѣдутъ!». Дѣйствительно, на курьѣ *), отдѣляющей Нижне-Колымскъ отъ рѣки, показался рядъ нартъ, запряженныхъ собаками; слышались отчаянные крики собачьей команды: «нахъ! нахъ!»

Посыпался рядъ ироническихъ замѣчаній со стороны выбѣжавшихъ низовиковъ. Средневецъ считаютъ себя неизмѣримо выше ихъ, уже хотя потому, что въ городѣ стыдятся носить кукашку, а непременно заводятъ себѣ «пайто» (пальто), родъ кургузой мѣховой курточки, покрытой *варваретомъ* (плисомъ) или моллюскиномъ. Въ «пайто» средневецъ щеголяетъ по улицѣ, въ немъ же сидитъ на балу, куда онъ вхожъ уже по тому, что одѣтъ не «какъ якутишко», т. е. не какъ плебей. Въ высшій же кругъ средневицу двери открываютъ... сапоги. Пока онъ щеголяетъ въ *сараяхъ* (мѣстная обувь),—онъ лишь *skip-jack*; когда же средневецъ

*) *Курья*—длинный, узкій заливъ, остающійся послѣ какого-нибудь необыкновенно большаго разлива рѣки.

обзавелся сапогами,—онъ становится аристократомъ. Сапоги, это—дворянскій патентъ средневца. Ихъ приходится выписывать съ большимъ трудомъ изъ Якутска и, обходясь они очень дорого и передаются, какъ своего рода майоратъ, старшему въ родѣ. Какъ не вспомнить тутъ слова лѣтописца, совѣтовавшаго князю искать *лапотниковъ*, п. ч. муромцы народъ *гордый*, ибо ходятъ всегда въ сапогахъ. Низовикъ презираетъ средневца, какъ ограниченнаго, ни на что не способнаго чело-вѣка; но относится къ нему съ извѣстной долей зависти, признавая за нимъ неоспоримое знаніе «высшаго обращенія».

— Правь, правь, братъ! *вжаболъ* (въ самомъ дѣлѣ) тебя собаки въ Средно назадъ попрутъ!—глумились парни надъ прѣвзжими, которые изо всѣхъ силъ *прудили* желѣзными приколами ледъ, чтобы помѣшать своимъ собакамъ броситься въ другую сторону, какъ имъ хотѣлось, погрызться съ собаками низовиковъ. Между упряжками средневцевъ и низовиковъ такой же антагонизмъ, какъ и между хозяевами ихъ.

— Скойко бутіекъ (бутыломъ) шпирту привезь?—раздались нетерпѣливые голоса.

— Букатынъ суохъ! (рѣшительно ничего)—отвѣтили по-якутски кладѣвщики, какъ и всѣ средневцы, съ трудомъ объяснявшіеся по-русски.

— Кава буйташь? (что такое лопочешь?)—раздраженно переспросили низовики.

Кто-то перевелъ имъ печальную для нихъ новость.

— А во флягахъ-то что везете?

— Рыбій жиръ.

Восклицанія сожалѣнія, досады, разочарованія раздались повсюду. Дѣйствительно, огорченіе было велико: ждать нѣсколько мѣсяцевъ водку и быть такъ обманутымъ въ надеждахъ!..

Вечеромъ того дня я разбирался у себя въ избѣ въ полученныхъ письмахъ. Картины далекаго міра возставали одна за другою, по мѣрѣ того, какъ я читалъ привезенныя вѣсти. Въ крѣпости было шумно: отчаянно выли около сотни собакъ пріѣзжихъ, а имъ такимъ же во емъ отвѣчали сотни четыре обывательскихъ собакъ. Ахъ, этотъ собачій вой! Ко всему можно привыкнуть: къ лютому 60° морозу, къ долгой полярной ночи, къ отсутствію хлѣба, — но только не къ вою. На разстроенные безсолнечными днями нервы онъ дѣйствуетъ совершенно особо, доводитъ до изступленія, до галлюцинацій...

Вдругъ у меня подъ окномъ закрипѣлъ снѣгъ, раздалась собачья команда — не средневекая, а похотская *), — очевидно, кто-то пріѣхалъ ко мнѣ. Это могъ быть только Петруха Лепешка, лютый пьянипа, котораго вѣсть о пріѣздѣ кладьевщиковъ должна была вызвать съ заимки, гдѣ онъ жилъ. Дѣйствительно, я не ошибся. Когда онъ размоталъ свой длинный «ошейникъ» изъ бѣличьихъ хвостовъ и откинулъ кокуль, я замѣтилъ, что выраженіе лица Петрухи было необыкновенно таинственно.

*) Каждый поселокъ на Колымѣ имѣетъ свои крики команды. Наиболѣе извѣстны три: средневекая, низовая и похотская. Похотчики командуютъ на собакъ такъ: «тайнъ!» (налѣво), «куххх!» (направо).

За средневыми приехал, — шепнул он, — $1\frac{1}{2}$ ведра водки привезли. Они у нас на заимкѣ ночевали. Какъ узналъ, что спиртъ везутъ, ночь не спалъ. Съ какими глазами вчера легъ, съ тѣми сегодня всталъ.

— Да что ты, Петруха, это не водка, а жиръ.

— Вжаболь жиръ? — сказалъ онъ презрительно, — я *многера* возлѣ водки вожусь, какъ отъ жира не отличишь? Ты мнѣ вотъ что скажи: холодно теперь на дворѣ? Ну, вотъ и выходитъ: налей теперь жиръ во флягу: станеть онъ колыхаться? Нѣтъ, застынетъ. А во флягѣ, что *довѣренному* привезли, — оно такъ гулко хлопаетъ... Скрываетъ довѣренный: хочеть въ чукчи спиртъ везти. Мнѣ-то онъ дастъ; — полбутылка за нимъ. Сейчасъ же иду.

Какъ я ни уговаривалъ Петруху хотъ чаю напитокъся, — онъ убѣждалъ.

— Ужо потомъ тебѣ скажу, что надумалъ, — крикнулъ онъ мнѣ уже за дверьми.

Скоро ко мнѣ явилась депутація изъ нѣсколькихъ молодыхъ парней.

— Братъ, а ты намъ избу свою дай: мы *вечерку* ладить станемъ, — сказали они.

Такъ какъ моя изба была самая просторная въ *крѣпости*, то ко мнѣ съ наступленіемъ зимы часто обращались съ такою просьбою.

Явились парни, дѣвушки, молодухи, явился мѣстный бардъ Кулдаренокъ съ самодѣльной балалайкой въ рукахъ. За низовиками «шепетко» съ презрительно-снисходительнымъ выступали средневы, ради которыхъ вечерка собственно и устраивалась. Приѣзжіе львы уже

нарядились въ «пайто» и покровительственно бесѣдовали съ низовиками. Моя изба превратилась въ танцевальный залъ. Въ шель между бревнами воткнули палочку, къ которой привязали плоску съ рыбьимъ жиромъ. Это было единственное освѣщеніе. Парни, которымъ я предоставилъ мою квартиру въ полное распоряженіе, мигомъ вытащили столъ, постель, книги, оставили только длинныя скамьи вдоль стѣнъ. Вначалѣ пошло угощенье: внесли большую доску, на которой настругана была цѣлая гора мерзлой свѣжей рыбы. Нѣсколько минутъ слышно было только усиленное чавканье, иканье и чмоканье. Когда былъ выпитъ и чай, Кулдаренокъ зашипалъ свитыя изъ оленьихъ жилъ струны. Раздался сдержанный смѣхъ, вызванный сатирической пѣсенкой самого же барда:

Сидоръ ѣхай по нарядѣ *)
 Утопій чужихъ шобакъ;
 Варваретовы **) штаны
 На заплатку убраны.
 На погребѣ на угорѣ
 Опротайи всѣ оборы.
 На Тимкиномъ на мишу (мысу)
 Тащій нарту на боку.
 До того онъ съ нартой бійся (бился),
 Ыздить въ Нижно побожійся.
 Дука, Дука, Дука сохъ ***)
 Пошовѣтися со мной.

*) Съ чужой кладью.

**) Плисовые.

***) Дука—уменьшительное отъ Авдотья; стихъ этотъ значитъ «худо дѣло, Дуня».

Пошлемъ Сидору Хохья (собака)
 На Дуванскія пѣса *).
 Хохой до Тимкиной (заимка) дойдетъ—
 На угорѣ пропадетъ.
 Сидоръ съ умочки кидайся **),
 Хохай съ душеньки спускайся ***)
 Тутъ запродаанный Хохой
 За березовый приколъ
 Чухча Валипъ ****) перебий,
 Етайихъ подарий.

Спѣта она была, очевидно, въ пику средневецамъ и
 должна была осмѣивать неспособность ихъ, какъ *каю-
 ровъ* (управляющихъ собачей нартой). Кулдаренокъ—
 авторъ многочисленныхъ сатирическихъ пѣсенъ, очень
 популярныхъ по низовью Колымы. Чуть только что
 случится, бардъ уже шиплетъ струны и подбираетъ
 слова. Въ особенности богатый матеріалъ даетъ ему
 скандальная *chronique d'alcôve*.

Я помню, мой пріятель Яковъ, недавно женившійся
 поѣхалъ *въ чукчи* покупать оленей. Пришелъ назначен-
 ный день, — Яковъ не пріѣзжаетъ. Молодая бабенка
 (изъ мѣстной *аристократіи*) совсѣмъ голову потеряла
 и побѣжала къ командиру просить, чтобы снарядилъ
 гонцовъ разыскивать мужа. Чуть только гонцы трону-
 лись изъ «крѣпости», а тутъ на угорѣ поднимается

*) Дуванскій плесъ, волокъ близъ Н.-Колымска.

**) Сошелъ съ ума.

**) Околѣлъ.

****) *Валипъ*, нарицательное имя всѣхъ чукчей. Послѣднія четыре
 строчки значатъ, что чукча убилъ приколомъ собаку Хохла, кото-
 раго Сидоръ одолжилъ, а шкуру подарилъ бабѣ.

Яковъ: онъ остановился поболтать съ пріятелемъ на Погромной, въ трехъ верстахъ отъ Н.-Колымска. Случай' этотъ не мало развеселилъ обывателей. Захожу черезъ часъ къ Кулларенку, а онъ уже щиплетъ струны и поетъ парнямъ только-что сложенную пѣсенку о женѣ Якова:

«Замутилось сердце въ бабы
Въ одиночку ночку спать,
Да наказала командеру
Въ тундрѣ Якова искать».

Зато средневцы были отомщены, какъ только стали плясать: ихъ «пайто» произвели неотразимое впечатлѣніе на мѣстныхъ дамъ. Подъ звуки единственной плясовой пѣсни «аналырской барыни», гости плясали трепака. Танцоры были въ полномъ парадѣ: въ мѣховыхъ сапогахъ, въ такихъ же шароварахъ и кухлянкахъ. Потъ катился ручьями, но это нисколько не препятствовало плясать цѣлыми часами.

Товарищи, явившіеся посмотрѣть на вечерку, и я забились за камелекъ, чтобы не мѣшать и не стѣснять нашихъ гостей. Въ концѣ-концовъ общее настроеніе низовиковъ испортилъ Петруха. Онъ явился совершенно пьяный. Отравленная водка одурманила его. Онъ былъ блѣденъ, какъ снѣгъ. Оказалось, на вечеркѣ была и «чурпашечка» (возлюбленная) его, Мокришка, веселая, разбитная дѣвушка - метиска. Теперь, однако, ей было не до Петрухи: Федоръ Дичковъ, средневецъ не только въ «пайто» (роскошномъ, крытомъ *варваретомъ*), но даже въ *сапогахъ* все время плясалъ съ ней.

— Понадись онъ мнѣ: не дамъ ему *гаднисься* (гад-

литъся, насмѣхаться): я ему покажу: даромъ, что я въ кукашкѣ, а онъ въ *пайтѣ*! — бурлили Петруха въ своемъ углу; но его никто не слушалъ.

— Братъ,—подошелъ онъ ко мнѣ,—поѣдемъ завтра въ *чукчи*. Что здѣсь сидѣть станемъ? Меня Эрмичень давно звалъ.

Петруха давно подбивалъ меня на такую поѣздку. Кстати, и Эрмичень былъ мой старый знакомый, чукча, который много разъ звалъ меня къ себѣ въ *шаланг* (чумъ).

Я рѣшилъ завтра же, когда Петруха вытрезвится, поговорить съ нимъ обстоятельно. Вечерка окончилась часовъ въ 5 утра. Низовики устраиваютъ ихъ чуть-ли не еженедѣльно зимой, благо онѣ ничего не стоятъ.

На другое утро дѣло у насъ устроилось очень быстро: за нѣсколько кирпичей чая Петруха взялся меня доставить въ Сухарное, а оттуда въ чукотскій лагерь. Въ тотъ же день мы тронулись въ путь.

IV.

Собаки запряжены, но онѣ всѣ сбились въ кучу. Бочихару вдругъ представилась настоятельная необходимость почесать лапой за ухомъ и онъ немедленно присѣлъ и сосредоточенно сталъ скрести задней лапой, поглядывая на Петруху, какъ бы говоря: «видишь, некогда». Щепеткой вспомнилъ вчерашнюю обиду, нанесенную ему Погудаемъ, и виѣпился ему въ *катавъ* (глотку). Америшнъ просто находить, что кувыркатся въ сиѣгу гораздо веселѣе, чѣмъ тащить нарту. Но

крикъ Петрухи, сопровождаемый ударами *прикола*, привелъ собакъ въ порядокъ. Теперь онъ уже нетерпѣливо воютъ, машутъ хвостами и рвутся впередъ. Петруха гикнулъ, мы едва успѣли вскочить на нарту; собаки подхватили и понеслись во весь опоръ. Я держался крѣпко за вардину *) нартъ, чтобы не вылетѣть въ снѣгъ. Петруха все время бороздилъ ледъ острымъ шипомъ прикола, пока собаки нѣсколько замедлили бѣгъ.

Вотъ на берегу забѣлѣли три юрты, куда собаки норовятъ повернуть. Это Погромное, заимка въ трехъ верстахъ отъ крѣпости. Здѣсь сто лѣтъ тому назадъ русскіе потерпѣли жестокое пораженіе отъ чукчей, явившихся внезапно мстить за разгромъ ихъ лагеря. Молодые русскіе промышленники были тутъ заколоты почти всѣ, молодыхъ женщинъ побѣдители увели въ плѣнъ. Это пораженіе повело за собою учрежденіе извѣстнаго компромисса: русскіе отказались завоевать чукчей, дикари перестали нападать на сосѣдей. Два народа зажили мирной жизнью, взаимно уважая другъ друга **).

*) Верхній нащель нартъ.

**) Въ последнее время въ газетахъ заговорили о чукчахъ. Количество ихъ исчисляется печатью въ 150 тысячъ человекъ. Это число страшно преувеличенное. Въ доказательство. Капитанъ Павлуцкій прошелъ въ прошломъ столѣтіи всю Чукотскую землю. Противъ него ополчились всѣ чукчи, даже женщины, однако, большаго отряда, чѣмъ въ 3 тысячи человекъ, онъ никогда не встрѣчалъ. Павлуцкій считалъ, что всѣхъ чукчей вмѣстѣ не болѣе 10 тыс. человекъ. Биллингсъ считаетъ это число преувеличеннымъ и гово-

Погасли сумерки. Наступила глубокая ночь. Ярко заблестѣла почти надъ головой полярная звѣзда, которая, по словамъ инородцевъ, есть глазъ небснаго па-стуха. Далѣе виднѣлись «три оленя, за которыми гонится ламуть» (Оріонъ). На сѣверо-востокѣ показало-сь слабое, блѣдное сверканіе — и черезъ мгновеніе надъ горизонтомъ вспыхнула свѣтовая арка, какъ будто кто-то тамъ по черному небу провелъ громаднымъ кускомъ фосфора. По аркѣ, изъ одного конца въ другой, забѣгали огни; но цвѣтъ ихъ былъ неуловимъ и призраченъ, какъ сонъ. Вотъ хлынула исполинская, волнуемая рѣка разноцвѣтнаго огня; арка загорѣлась зеленоватымъ свѣтомъ и брызнули далеко по небу снопы кровавыхъ лучей, долетавшихъ до «рѣшета красавицы Юргяль» (плеяды). Казалось, на небѣ отражается отблескъ громадныхъ костровъ, разведенныхъ великанами-чудовищами Улаханъ-киси, которыми инородцы населяють берегъ Ледовитаго океана... Арка сразу потухла. Только въ различныхъ мѣстахъ горизонта вспыхивали зеленоватыя пятна свѣта... Видъ сѣвернаго сіянія до того, величественъ, что становятся понятными слова дикарей: «на *танарихтамъ уотъ* (небесные огни) долго смотрѣть нельзя, не то сойдешь съ ума»... Пятидесятиградусный морозъ беретъ свое: несмотря на цѣлую грудку мѣховой одежды, ноги за-коченѣли, кисти рукъ ломить, спину колеть, какъ ит-

---

вить, что «чужкей очень умалилось». Норденшильдъ считаетъ, что этихъ дикарей не болѣе 3 тыс. человекъ. По личнымъ наблюде-ніямъ, мнѣ кажется, что знаменитый изслѣдователь правъ.

лами. Я еще не приспособился соскакивать на ходу нарты и бѣжать рядомъ съ ней, чтобы согрѣться. Каждый разъ подобная попытка кончается тѣмъ, что я лечу въ снѣгъ и отчаянно кричу каюру, чтобы онъ остановился. Наконецъ, на берегу показался спозъ искръ; мы въ Коротовѣ, на ночлегѣ. Тутъ одинокая нарта казака Ивана (по мѣстному Ванчурки) Селиванова. Насъ радушно встрѣчаютъ, помогаютъ оторвать примерзшую къ мѣховому «ошейнику» бороду да вылѣзть изъ кухлянки, чего я пока одинъ никакъ еще не приспособился сдѣлать. Яркій огонь въ камелькѣ манитъ къ себѣ; на шесткѣ весело бурлитъ чайникъ. Хозяйка ладитъ ужинъ: строганину. Одна бѣда: я забылъ захватить съ собою соль и теперь долженъ на цѣлыхъ двѣ недѣли отказаться отъ нея. Свифтъ говоритъ, что мы стали потреблять соль, чтобы вызвать въ себѣ потребность пьянствовать (*the frequent use of salt among us is an effect of lu xury, and was first introduced only as a provocative to drink*), но, право, положительно не могу представить, какъ обыватели привыкаютъ ѣсть рыбу безъ соли. Трудно придумать что-нибудь болѣе отвратительное. Даже обывателей тошнитъ послѣ вареной прѣсной рыбы. Поэтому-то низовики предпочитаютъ ее въ сыромъ, мерзломъ видѣ. Въ «*Nordische Reisen*» Кастренъ съ отвращеніемъ и ужасомъ говоритъ о жителяхъ Обдорска, что «они погрязли въ животную грубость» и «ѣдятъ сырую рыбу, считая лишнимъ ее варить». Вѣроятно, несчастные обдорцы тогда тоже сидѣли безъ соли.

По полу избы ползаль грудной ребенокъ. Въ рученкѣ

онъ тоже держалъ громадный кусише строганины. Здѣсь матери ничего другаго не могутъ дать ребятамъ.

Рано утромъ мы оставили за собою «край лѣсовъ». Вначалѣ лиственницы попадаются все тоньше и тоньше, не выше аршина, не толще пальца. Онѣ вѣтвятся отъ самой земли. Наконецъ и эти дерева исчезли; только направо виднѣлись невысокіе бугры, поворачивающіе на востокъ, въ чукотскую землю. Самая высокая среди нихъ сопка—*Егоричъ*. Замѣчательна легенда, связываемая чукчами съ этимъ камнемъ. На вершинѣ его есть падь (ее мнѣ осмотрѣть не удалось). Чукчи говорятъ, что въ этомъ углубленіи—*итздо нагой-птицы*. Она спитъ глубокимъ сномъ. Снѣгомъ занесло бока, ея; но когда она поднимется, вмѣстѣ съ нею пойдетъ огонь и дымъ. Вѣроятно, эти сопки представили бы много любопытнаго для геологовъ.

Въ тотъ вечеръ мы еще разъ ночевали на заимкѣ, — на Кабачковомъ. Здѣсь до 1882 г. было 8 дымовъ, но теперь остался лишь одинъ. Жители вымерли всѣ отъ оспы. Погребя заимки набиты трупами, похороненными въ нихъ за неизбѣніемъ могилъ.

На третій день нашего путешествія показалось Сухарное, *последнее* русское поселеніе на крайнемъ сѣверовостокѣ.

Печаленъ видъ этого поселка! На правомъ берегу Колымы разбросаны пять, шесть избушекъ, сложенныхъ изъ плавника. За избушками—рядъ обнаженныхъ камней. Прямо на сѣверъ—лиловая туча, поясомъ охватившая горизонтъ. Тамъ—океанъ. Избушки на Сухарномъ маленькія, не больше 4-хъ аршинъ, низенькія до

того, что человекъ выше средняго роста не можетъ въ нихъ выпрямиться. Въ избу ведетъ такая маленькая дверь, что европейцу, у котораго спина не такъ гибка, какъ у обывателей, пробраться можно только на четверенькахъ. Въ избушкахъ шагу ступить нельзя отъ тѣсноты.

Сухарновецъ почти весь годъ оторванъ отъ всего міра. Для него *Нижно*—уже «теплое мѣсто». Когда я пріѣхалъ, въ Сухарномъ вышелъ давно уже весь табакъ и чай, не говоря уже о соли. Сухарновцы курили крошеную *ровдугу* (замшу) и пили брусничные листья. Настоящая жизнь троглодитовъ! Да и одежда, какъ у троглодитовъ: бѣлья нѣтъ ни на комъ: мѣховое платье одѣто прямо на голое тѣло. Языкъ состоитъ изъ какихъ-нибудь двухъ сотенъ словъ. Считать почти всѣ умѣютъ лишь до десяти, а женщины и того меньше. Мнѣ казалось, что я какимъ-то чудомъ перенесенъ за много тысячъ лѣтъ тому назадъ, въ берлоги тѣхъ таинственныхъ кангіяниса, мамонтовыхъ стрѣлы которыхъ найдены на днѣ озера. Навѣрное, и тогда жилища были сложены изъ того же плавника; навѣрное и тогда огонь добывали такимъ же самымъ лучкомъ (дип-дель), какой я вижу тамъ на стѣнѣ. Вотъ цѣлая коллекція копій, кайль, рыболовныхъ снарядовъ, сдѣланныхъ изъ мамонтовой кости. Рѣшительно тысячелѣтія не свершили никакой перемѣны. Больше этого: эти троглодиты XIX столѣтія вѣдь принесли 200 лѣтъ тому назадъ сюда какую-то культуру. Гдѣ же она? Они ее забыли совершенно... А вотъ еще страшное memento для этихъ несчастныхъ. Ко мнѣ является Федоръ Личкинъ, *последній* пред-

ставитель чужанскаго племени, жившаго на Большой рѣкѣ. Страшно сказать, исчезло племя съ лица земли, не оставивъ *никакаго слѣда*. Мы о немъ рѣшительно ничего не знаемъ. Ликчинъ былъ проводникомъ въ экспедиціи бар. Майделя. Онъ прекрасно говоритъ по-чукотски, но своего языка уже не знаетъ.

Сухарное находится въ 10-ти верстахъ отъ океана. Однако, во время прилива «разсолъ» доходить до поселка и рѣчную воду пить нельзя. Въ сѣти тогда попадаетъ громадное количество медузъ (пузырей, по мѣстному) и особый видъ морскихъ рыбъ—*девятитерокъ*, съ громаднымъ зубастымъ ртомъ.

На другой день я добрался до самаго устья до 70° с. ш. На высококомъ аспидномъ мысу стоитъ покочувшаяся отъ времени пирамида, сложенная изъ плавника. Это и есть знаменитый «маякъ лейтенанта Лаптева», какъ онъ значится на картѣ генеральнаго штаба. Прямо передъ глазами—безконечный, суровый океанъ, поглотившій столько смѣльчаковъ, желавшихъ вырвать его тайны. Океанъ застылъ. Громадными хребтами избороздили его угрюмые *торосы* (ледяныя горы). Подъ угломъ—нѣсколько развалившихся избъ. Горемъ и отчаяніемъ вѣетъ отъ этихъ занесенныхъ снѣгомъ руинъ!

Въ 1733 г. Витусъ Берингъ составилъ градіозный планъ ряда экспедицій для рѣшенія такъ-называемаго «сѣверо-восточнаго» вопроса. Изъ пяти различныхъ мѣстъ, преимущественно изъ устьевъ большихъ рѣкъ Европейской и Азіатской Россіи выходили по два судна, чтобы въ случаѣ надобности оказать другъ-другу обоюдную поддержку и помощь. Одинъ изъ участниковъ этой

экспедиции въ 1740 году былъ прибитъ льдами къ устью Колымы и зазимоваль здѣсь. Жестокая цынга посѣтила его экипажъ, часть котораго умерла. У нихъ окончилась провизія. Тогда-то Лаптевъ и велѣлъ сложить маякъ, чтобы дать знать другому судну, зимовавшему въ устьяхъ Алазеи, гдѣ они находятся. Въ устьяхъ Колымы погибъ и другой «землепроходецъ» устюжскій купецъ Аѳанасій Баховъ. Въ 1755 г. онъ да якутскій купецъ Шалауровъ получили дозволеніе предпринять путешествіе для отысканія по сѣверному морю пути въ Камчатку. Поѣздка осуществилась лишь въ 1760 г. изъ устья Лены. Въ 1763 г. изслѣдователей прибило льдами къ устью Колымы, гдѣ они зазимовали въ избѣ, сохранившейся до сихъ поръ и носящей названіе «шалауровская казарма». Голодь, цынга, болѣзни истребили половину экипажа и унесли Аѳанасія Бахова. Но лишенія не обезкуражили Шалаурова: въ 1764 году онъ отправился дальше на востокъ и пропалъ безъ вѣсти; вѣрнѣе всего—погибъ на берегу Чаунской губы, если вѣрить рассказамъ чукчей.

Какъ видите, устье Колымы имѣетъ свой мартирологъ славныхъ смертей... Недалеко отсюда погибла несчастная «Жанетта», затѣмъ «Роджерсъ». Теперь на сѣверъ прошелъ пароходъ «Fram».

Что теченіе вдоль береговъ Чукотской земли существуетъ,—это не подлежитъ сомнѣнію. Куро-Сиво заходитъ въ Беринговъ проливъ, затѣмъ идетъ на западъ, вдоль береговъ Сибири. На Сухарномъ я видѣлъ бамбукъ, принесенный этимъ, совершенно неизслѣдованнымъ, теченіемъ. Приблизительно между pp. Колымой

и Б. Чукочей это течение поворачиваетъ на сѣверъ. Какъ извѣстно, Нансенъ полагаетъ, что это течение должно быть трансполярнымъ *). Если вѣрить инородцамъ, то на сѣверѣ есть какая-то населенная земля.

Въ 1764 г. сержантъ Андреевъ доносилъ, что на сѣверъ отъ Медвѣжьихъ острововъ «усмотрѣлъ въ великой отдаленности, полагаемой имъ величайшимъ, островъ» и поѣхалъ туда льдомъ; но не добрался: его испугали многочисленные свѣжіе слѣды «превосходнаго числа, на оленяхъ, въ саняхъ, неизвѣстныхъ народовъ и будучи малолюдны, возвратились на Колыму **»). Существованіе этой земли многіе потомъ отрицали, хотя Врангель допускалъ возможность ея. Чукчи, каргаули, если вѣрить Лирчкау, вымершіе чуванцы, — всѣ вѣрили въ существованіе населеннаго острова на крайнемъ сѣверѣ, въ «таломъ морѣ» (т. е. открытомъ, не замерзающемъ). Мнѣ кажется, что если земля эта и существуетъ (въ чемъ нѣтъ ничего невозможнаго), — она не можетъ быть велика, иначе, она отразилась бы на климатѣ на берегу моря. Между тѣмъ, на берегу океана въ Сухарномъ, напр., подъ 70° почти сѣверной

*) Последнія извѣстія о смѣломъ изслѣдователѣ относятся къ 1893 г. Въ іюнь 1893 г. изъ Тобольска къ Югорскому шару выѣхалъ норвежецъ А. И. Тронтгеймъ съ 33 собаками и 300 пудовъ собачьяго корма для Нансена. 18 іюля грузъ былъ переданъ капитану «Ргаш». Тогда вся экспедиція была въ превосходномъ состояніи. Съ тѣхъ поръ о пароходѣ нѣтъ никакихъ вѣстей. Теперь въ Норвегіи и въ С. Ам. Штатахъ проектируются экспедиціи для розысковъ Нансена.

***) Путешествіе капитана Биллингса etc. Спб. 1811 г., стр. 190.

широты теплѣе, чѣмъ въ Средне-Колымскѣ. Зимой сѣверный вѣтеръ приноситъ всегда тепло,—признакъ, что онъ дуетъ съ открытаго моря...

Внизу подъ угоромъ нетерпѣливо выли собаки, дожидаясь отъѣзда. Я спустился съ мыса, на который взобрался, чтобы осмотрѣть маякъ или *маяку*, какъ говорятъ обыватели, и мы помчались обратно въ Сухарное. Нигдѣ не приходилось мнѣ видѣть столько *эмирячекъ*, какъ въ этомъ поселкѣ. Я говорилъ уже, что населеніе, въ особенности женщины, крайне нервны. У послѣднихъ нервныя болѣзни выражаются въ двухъ формахъ: *мэнерикъ* и *эмерякъ*. *Мэнерикъ* это то же, что наши кликуши. Что же касается *эмиряченья*, то оно проявляется въ различныхъ формахъ. Въ болѣе слабой формѣ больная вскрикиваетъ при внезапномъ стукѣ, при появленіи страннаго предмета и т. д. Кричатъ обыкновенно женщины: «абась!» или «бабать!». При болѣе сильной степеніи *эмиряченья*, больная повторяетъ поразившую ее фразу, иногда пѣлое стихотвореніе, на языкѣ, котораго не знаетъ; повторяетъ, какъ фонографъ, съ тою же интонаціею, какъ она слышала. Я помню такой случай: возвращались мы изъ Нижне-Колымска и остановились почевать въ юртѣ якутовъ. Когда мы раздѣлились, вошелъ необыкновенно высокій, высохшій, какъ мумія, старикъ якутъ съ застывшими, какъ изъ бронзы вылитыми, чертами лица. Онъ возвратился съ озера, гдѣ ставилъ сѣти. Кривыми, крючковатыми пальцами онъ доставалъ изъ пестеря бьющихся еще чировъ и цельдядокъ. Мнѣ припомнился старикъ изъ поэмы Лонгфело и я прочелъ товарищу:

«with hooked fingers
 Iron-pointed hooked fingers
 Went to draur is nets at morning
 Salmon-trout he fond a hundred.

п т д.

Велико было мое удивленіе, когда я услышалъ въ углу тѣ же стихи. Это была эмирячка. Здоровая якутка не повторитъ вамъ двухъ словъ на какомъ либо другомъ языкѣ.

Та же якутка бросилась съ полѣномъ въ рукахъ, какъ только увидала моего товарища въ первый разъ; ее испугали его очки. Больная кричитъ: «абась!» и повторяетъ всякое *движеніе*, которое она видитъ. *Внушитъ* ей что-нибудь, не продѣлавъ самому внушенія,—нельзя. Эмирячекъ парни заставляютъ плясать до упада, становиться на голову и т. д., продѣлывая передъ больной всѣ эти движенія. Чѣмъ женщина старѣе, тѣмъ сильнѣе она эмирячитъ. Эмиряковъ-мужчинъ я не видалъ. Буйныя эмирячки кидаются иногда на поразившій ихъ предметъ съ ножомъ въ рукахъ. Эмирячекъ я видѣлъ только среди русскихъ и якутовъ. Съ чукчами я кочевалъ двѣ недѣли; но видѣть больныхъ въ аяангахъ мнѣ не привелось. Быть можетъ, эта нервная болѣзнь имѣетъ вліяніе лишь на жителей, сравнительно, теплыхъ краевъ: русскихъ и якутовъ, но не на аборигеновъ полярныхъ странъ, какъ чукчи.

Я сказалъ Петрухѣ, что на другой день ѣдемъ къ чукчамъ.

— Братъ, однако ѣхать не станешь.

— Почто?

— Хиусить: живо *начальникъ* тянуть станеть.

Я зналъ уже, что «начальникомъ» или солонникомъ сухарновцы называютъ страшный сѣверо-западный вѣтеръ. Мнѣ рассказывали много ужасовъ про захваченныхъ *начальникомъ*, но, признаться, я не вѣрилъ этому.

Къ вечеру вдругъ избушка задрожала отъ сильнаго порыва вѣтра.

— *Начайникъ потянуй!* (начальникъ потянул!)— со страхомъ зашептали сухарновцы и стали поспѣшно втаскивать въ сѣни дрова, рыбу и глыбы льда. За первымъ порывомъ, солонникъ загудѣлъ безъ интерваловъ, замѣчательно однообразно. Казалось, что на дворѣ миллионы паровозовъ мчатся на всѣхъ парахъ. Изба ходила ходуномъ. Вѣтеръ, какъ конопатками, выпиралъ мохъ изъ стѣнъ и леденящія языки со свистомъ врывались въ избу. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, каковъ вѣтеръ на дворѣ.

— Не ходи,—уговаривали хозяева.—Начайникъ не любить этого!

Когда же я заявилъ, что пойду, они обвязали меня вокругъ талии ремнемъ, конецъ котораго взяли въ руки. Едва лишь я отворилъ дверь, какъ былъ опрокинутъ на землю. *Убой*, т. е. скованный шестидесятиградусными морозами снѣгъ, теперь былъ взрытъ вѣтромъ. Воздухъ былъ наполненъ ледяными кристалликами, которые жгли лицо, какъ расплавленный металлъ. Кругомъ меня былъ абсолютный мракъ. Я рѣшительно былъ какъ слѣпой. Всюду—черно. Слышенъ лишь грозный, побѣдный гулъ *начальника*, Куда идти? Гдѣ двери? Въ одно мгновеніе у меня были отхвачены скулы. Кабы

не ремень, мнѣ бы худо было: ни за что не напелъ бы я дверей. По ремню, на четверенькахъ вползъ я въ сѣни.

— Что, братъ, тебѣ начайникъ скажай?—острили хозяева, когда я полузамершій вползъ въ теплую избу. У меня на нѣсколько недѣль остались на лицѣ слѣды ледяныхъ поцѣлуетъ *солонника*.

Потянулось однообразное, скучное сидѣніе. Скоро и вѣтеръ какъ будто сталъ глуше: насъ заносило снѣгомъ. Въ камелькѣ непрерывно поддерживали огонь, чтобы не дать снѣгу забить трубу и чтобы вентилировать избу, гдѣ насъ было 10 человекъ да 12 собакъ. Тяжелый, спертый воздухъ сжималъ горло, какъ свинцовыя гири давилъ виски.

Весною, когда сухаровцы отправляются на океанъ бить тюленей, *солонникъ* причиняетъ промышленникамъ много горя. Тогда они сидятъ безвыходно въ единственной поварнѣ *), имѣющей на берегу океана, въ Медвѣжьей. Случается, «начальникъ» тянетъ дней 8, поварню заноситъ совершенно, провизія кончается. Тогда съѣдаютъ обутки, ремни, сумы и т. д. Бываетъ, что солонникъ прекращается тогда, когда изъ промышленниковъ не останется ни одного въ живыхъ. Иногда во время солонника вдругъ раздаются въ трубѣ зычный окликъ: то бѣлые медвѣди приходятъ провѣдать, что дѣлаютъ промышленники.

Черезъ три дня, судя по часамъ, солонникъ пре-

*) *Поварня*, зимовье, низенькій деревянный срубъ, съ очагомъ на полу.

кратился. Сквозь особые люки, приспособленные для этого случая въ потолкахъ сѣней, мы выбрались на крыши. Гдѣ же поселокъ? Всюду гладкая снѣжная поверхность, ярко залитая луннымъ свѣтомъ: всѣ избы были занесены. Случается во время солонника *каюръ* проѣзжаетъ по крышамъ, не замѣчая, что внизу жилье. Обыватели стали копать въ снѣгу траншеи и откапывать другъ друга. У каждаго былъ запасъ рассказовъ, что онъ переиспыталъ въ то время, какъ лютовалъ начальникъ.

Петруха смачивалъ широкіе полозья нартъ теплою водою, леденилъ ихъ, по мѣстному, *войдалъ*, чтобы сани *плагче*, т. е. плавнѣ шли по снѣгу. Завтра отъѣздъ вечеромъ; мнѣ придется превратиться на двѣ недѣли въ полярнаго Рене, кочевать съ чукчами, знакомиться съ почти неизвѣстнымъ племенемъ. Да для этого я бы не прочь еще хоть пять дней высидѣть подъ снѣгомъ, пережидая солонникъ.

ГЛАВА V.

Къ чукчамъ.

Прїздъ новыхъ гостей. — „Козель“. — „Холуй“. — Погода „на мороку“. — Въ чукотскомъ лагерѣ. — „Natio ferocissimè et bellicosa“. — Онкилоны и чукчи. — Чукотскія похороны. — Игры.

I.

Яркій лунный свѣтъ залилъ всю снѣжную равнину. Свѣтло такъ, что замѣтны даже смутныя очертанія засыпанныхъ снѣгомъ «холуевъ» *), которые въ видѣ холмовъ видѣются на осередышахъ на рѣкѣ. Однако дискъ луны нѣсколько тускнѣетъ. «Дѣвушка съ ведромъ и талиной въ рукахъ», подруга мѣсяца, которую онъ, по сказанію инородцевъ, похитилъ съ земли, чтобы не скучно было ночью ходить, — едва теперь видна на поверхности луны. Причина объясняется цѣлымъ рядомъ прихотливыхъ вѣнцовъ и ложныхъ лунъ, окружившихъ мѣсяцъ. На берегъ близъ Сухарнаго высы-

---

*) *Холуй* — гора плавниковаго лѣса, прибываемаго въ низовьяхъ Колымы къ отмелямъ (осередышамъ).

пало все населеніе. Чуткое ухо обывателей уловило издали слова собачьей команды. Кто-то очевидно бхаль.

— Много, много бдутъ! — крикнулъ кто-то.

Дѣйствительно, издалика донеслись слабые крики: «кух-х-хъ! кух-х-хъ!». Скоро на угорь стали подниматься четыре нарты. Первые три были нагружены чѣмъ-то, прикрыты ровдужнымъ «чумомъ» *) и крѣпко увязаны моржевыми ремнями. На послѣдней, какъ видно, клади не было или, во всякомъ случаѣ, было ея очень мало; за-то тамъ, кромѣ *каюра* (ямщика), былъ еще пассажирь. Громадная до земли парка, опушенная бобрѣмъ, кокуль (мѣховой капюшонъ), отдѣланный лосьими хвостами, показывали, что этотъ пріѣзжій «байкисій» (богачъ, купецъ). Остальныхъ быстро признали. Ихъ имена я часто слыхалъ въ низовьяхъ Колымы; это были все лучшіе удальцы «крѣпости» и Похотска: братья Шкулята, Амчатъ и Мундуканъ. Про послѣдняго до самага «Средно» дѣвушки пѣли:

«Мундуканъ парень
На тундру выѣзжай(лъ),
Да такихъ жирныхъ
Все оленей убивай(лъ),
Всѣмъ по кусочкамъ раздавай(лъ)!

— Почто гадлишься? (насмѣхаешься) Я была *чурпашечкой* (возлюбленной) Мундукана! — часто можно было слышать гордый отвѣтъ дѣвушки парню.

Брови пріѣзжихъ закуржавѣли отъ мороза, ошей-

*) Чумомъ въ низовьяхъ Колымы называются сшитыя вмѣстѣ *ровдуи*, которыми покрывается клади на нартахъ.

ники «нальдули», т. е. намерзли; кухлянки покрылись инеемъ, какъ шкура у медвѣдя *штунга* *).

Когда прїѣзжимъ помогли убрать собакъ, они рассказали, что солонникъ захватилъ ихъ верстахъ въ 25, подъ поселкомъ Кабачково. Собаки сами добрались до жилья, гдѣ и пережидали непогоду.

— Куда ѣдете, парни?—спросили ихъ сухарновцы.

— Въ чукчи. Къ шелапкимъ! **).

Выходило, намъ по дорогѣ. Всѣ они должны были вначалѣ заѣхать къ чукчѣ Эрмичену, кочевавшему гдѣ-то вблизи Сухарнаго, а оттуда уже тронуться въ дальній путь. Прїѣзжій въ бобровой кухлянкѣ оказался «довѣреннымъ» кушца, извѣстнымъ въ низовьяхъ Колымы подъ именемъ «Слѣпая Комуха». Онъ тоже ѣхалъ «въ чукчи». Признаться, я почувствовалъ значительное облегченіе, когда узналъ, что Слѣпая Комуха собирается совѣмъ въ другой лагерь, къ «Горламъ», на лѣвый берегъ Колымы. Картина, сопровождающая прїѣздъ кушца въ лагерь инородцевъ, слишкомъ тяжела и неприглядна. Черезъ пять минутъ уже по всему поселку разнеслось, что Комуха привезъ «бутійку» (бутылку), которую хочетъ пустить «на козла», т. е. разыграть въ карты. «Козель» — это

*) *Штунга*—медвѣдь, не успѣвшій залечь въ берлогу. Низовики говорятъ, что «онъ съ бабой своей подрался». Отъ мороза шерсть у такого медвѣдя вся покрывается льдомъ. *Штунга* страшно золь и первый бросается на людей.

***) Отъ мыса Шелагскаго (у Чаунской бухты) начинаются поселки собачьихъ чукчей, о которыхъ дальше. Шелагскіе чукчи извѣстны у низовиковъ подъ названіемъ *шелацкихъ*.

своеобразное изобрѣтеніе полярныхъ торгашей по мельче, изобрѣтеніе, крѣпко привившееся отъ береговъ Ледовитаго океана до самаго Верхоянска. Если мелкій торговецъ желаетъ сбыть какой-нибудь предметъ въ 2—3 раза дороже и безъ того уже высокой цѣны, онъ «козлитъ» его: ставитъ на конь, напр., кирпичъ чаю и приглашаетъ 12 играющихъ, изъ которыхъ каждый вноситъ по рублю. Кирпичъ получаетъ тотъ, кто раньше всѣхъ возьметъ 21 взятку въ карты. Такимъ образомъ, ничѣмъ не рискуя, купецъ сбываетъ товаръ за необычайно громадную сумму. Такъ какъ денегъ у обывателей нѣтъ, то на конь ставится рыба или же «пышное» (пушнина). *Козлитъ всегда найдутся охотники*, потому что колымчане и дикари такіе же страстные картежники, какъ и охотники до водки. «Аристократія» играетъ въ «любишь не любишь» (штось). Та же страсть къ игрѣ создала здѣсь лотереи. Всякій, кто желаетъ сбыть какую нибудь вещь,—разыгрываетъ ее. Самый бѣдный обыватель, не имѣющій даже «кислой» рыбы, даетъ рубль за билетъ. Разыгрываются самыя разнообразныя вещи: мѣдный чайникъ, старое ружье, какой-нибудь «дамскій дипломатъ», странствовавшій лѣтъ тридцать, пока очутился въ Средне-Колымскѣ, на все находятса охотники. Чтобы выиграть вѣрнѣе, колымчане записываютъ нумера на животныхъ, даже на неодушевленные предметы. «Собака Америшинъ № 15», «Нѣкая старая чашка № 28»,—читаемъ мы въ лотерейныхъ спискахъ. Якуты складываются по 6—8 человекъ вмѣстѣ и берутъ одинъ «лотъ». И велико бываетъ ликованіе ихъ, когда сообща выигрываютъ

горсточку крахмала или же «дамскій дипломатъ», съ которыми не знаютъ что и дѣлать.

«Козель» проникъ къ чукчамъ, которые такъ же увлекаются этой игрой, какъ и низовики.

Можно представить, какъ волновалось все Сухарное, когда услышали, что затѣвается «козель», да еще какой?—цѣлая «бутійка». Безъ сомнѣнія, Слѣпая Комуха въ тонкости изучилъ психологію низовика, желающаго выпить. «Довѣренный» спокойно курилъ трубку у огня, въ то время, какъ непрерывно забѣгали нетерпѣливые обыватели справиться, скоро-ли станутъ «козлить». А Комуха, какъ бы ничего не замѣчая, вель какой-то дипломатичный разговоръ объ омуляхъ и муксунахъ, въ то же время небрежно качая въ рукахъ деревянную баклажку, въ которой хлопала божественная жидкость. Наконецъ, когда истома обывателей достигла крайней степени, онъ поднялся и какъ бы нехотя сказалъ: «Аль козлить? Да подымете-ли? У меня бутылка идетъ въ 240 омулей».

По мѣстнымъ цѣнамъ, это выходило рублей 12, т. е. ровно вдвое противъ того, какъ обыкновенно продается здѣсь водка. Сейчасъ же нашлись 12 игроковъ, которые поставили *на конъ* по 20 омулей. За карты (старья, замасленные до такой степени, что крапъ слился, а фигуры едва можно было разобрать), Комуха взялъ, кромѣ того, отдѣльно. Играть перешли въ другую, болѣе просторную избу. На полу разостлали нѣсколько оленьихъ шкуръ, и «козель» начался. Играющіе волновались, были блѣдны, руки дрожали.

Спокоенъ былъ лишь Комуха, который, сидя на *оронн* (нарахъ), продолжалъ сосать свою трубку.

— Каво скупилъ?

— Всѣ карты мойчъ скорміи? (всѣ карты маленькія).
Одного *щенка бубки* (т. е. валета бубенъ) доспѣи, да и тотъ ничего не взай!

Такіе разговоры слышались между играющими и окружившими ихъ тѣснымъ кольцомъ зрителями. Тяжело было смотрѣть на «козлящихъ», тѣмъ болѣе, что игра должна была закончиться тяжелымъ, мрачнымъ пьянствомъ, потому что Комуха, конечно, не пожалѣлъ махорки и купороса, чтобы сдобрить свою «бутійку». Въ избѣ, гдѣ я остановился, было тоже людно. Сюда собрались старики, не игравшіе больше потому, что дѣти ихъ не давали имъ ставки, а сами «доспѣтъ» 20 рыбъ они уже не могли. Натаха, бойкая, шустрая бабенка, жена хозяина, подмазывала камелекъ и тоненькимъ голоскомъ импровизировала на звуки «гондыцины»: «Навязался на Натаху да несчастный болитокъ». Натаха сегодня цѣлый день жаловалась, что у ней «такая кашель, такая кашель, мольчъ тебѣ все сердце заливаеть». «Болитокъ» ея теперъ прошелъ, и вотъ она душу отводила пѣніемъ.

— Почему про Мундукана такая пѣсня сложена?— спросилъ я. Отвѣтъ показался мнѣ очень интереснымъ. Мундуканъ былъ удалецъ, которому часто надоѣдало жить въ «крѣпости». Онъ тогда запрягалъ собакъ и забирался въ самые дальніе лагери, въ Чукотскую землю. Тамъ у него всюду были *иналла* (друзья). Разъ онъ да еще другой парень попали въ лагерь, гдѣ еще

никогда не бывали. Чукчи окружили со всѣхъ сторонъ пріѣзжихъ и стали безперемонно осматривать ихъ вещи, платье. Наконецъ, подходитъ на старшій въ кланѣ чукча, начинаетъ щупать мускулы у пріѣзжихъ и предлагаетъ имъ подраться. Эти дикари страстные охотники борются; только тутъ дѣло могло кончиться худо: чукчей много, все незнакомые, а у пріѣзжихъ, кромѣ ножей, ничего нѣтъ.

— Ты только страхъ не показывай!—шепнулъ Мундуканъ товарищу. А на старшій все задираетъ его, наконецъ ударилъ. Тутъ Мундуканъ схватилъ его «подъ микитки» и бросилъ на землю, а тамъ голова оленья съ рогами лежала; чукча напоролся и сильно расшибся. Товарищъ подумалъ, что тутъ имъ и конецъ. Однако начальникъ клана поднялся, вытеръ рукавомъ кровь и говоритъ: «я силачъ, а ты еще сильнѣе, будемъ друзьями»—и подарилъ ему двухъ жирныхъ оленей. А остальные чукчи продали ему почти задаромъ много жирныхъ оленьихъ боковъ. Три недѣли прогостилъ въ лагерѣ Мундуканъ; чукча далъ ему дочь свою въ жены. А когда пришла пора уѣхать, справилъ ему такую куклянку, какую въ «крѣпости» никто не носилъ. Мундуканъ весь свой грузъ оленьихъ боковъ раздарилъ въ Нижнемъ; вотъ про него и пѣсню сложили.

— Братъ, скажи, чего это люди въ нашемъ морѣ все ищутъ?—спросилъ меня старикъ. Я имъ разсказалъ про новую экспедицію, которая снаряжалась тогда къ сѣверному полюсу.

— Аль не знаешь? У нашего царя, сказываютъ, треть державы въ морѣ пропала; вотъ ее-то и ищутъ,—

отвѣтилъ старый казакъ, побывавшій въ молодости въ Якутскѣ и участвовавшій нѣкогда въ экспедиціи барона Майделя.

— Ну нѣтъ, — отвѣтилъ другой старикъ, тоже участвовавшій въ экспедиціи гг. Августиновича и Неймана, — кабы-бъ треть державы искали, такъ бы все русскіе шли. А то чего жъ американцы идутъ?

Я сказалъ, что люди хотятъ теперь на другой берегъ студенаго моря перебраться.

— Ну, значить, безпремѣнно къ людямъ, что въ домахъ съ золотыми крышами живутъ, заѣдутъ, — увѣренно сказалъ старикъ, намекая на таинственныхъ островитянъ, о которыхъ согласно говорятъ легенды русскаго и инородческаго населенія прибрежья Ледовитаго океана.

Въ избу вбѣжала маленькая дѣвочка. Это была дочь нашего сосѣда Дука (т. е. Дуня), хотя называли ее Анюркой. Такая перемѣна именъ очень часта въ низовьяхъ Колымы. Дѣлается это «отъ шамана», который можетъ «испортить» дѣвочку, если узнаетъ ея настоящее имя.

— Сестра, гдѣ была? — спросила ее Натаха.

— Сколько въ матушкѣ Сухарной есть домовъ, — всѣ тебѣ чисто обошла, — тоненькимъ голоскомъ заговорила дѣвочка.

— Что въ людяхъ слышно?

— У Ванчурки чайники кипятятъ. Когда-а еще поставили; все не закипаютъ.

— Бѣдня-яжка! А «козель» какъ?

— Рязыграли. «Шпиртъ сосутъ». — Вѣстовщица

передала, такимъ образомъ, всѣ новости и побѣжала съ рапортомъ въ другую избу. Скоро возвратились хозяева, взволнованные, опечаленные: двадцать омулей зимой—крупный проигрышъ для сухаровца; это—пять дней харчей. Такъ какъ завтра нужно было ѣхать пораньше, то всѣ улеглись спать... Мнѣ казалось, что кто-то, тяжелый какъ свинецъ, наступилъ мнѣ на грудь. Я задыхался и не имѣлъ силъ подняться; мнѣ казалось, что я кричу громко, а между тѣмъ, какъ видно, изъ воспаленнаго горла вылетало лишь слабое хрипѣніе. Я сознавалъ, что въ избѣ творится неладное: всюду раздавалось тяжелое хрипѣніе, но не хватило силъ не только подняться, но даже отдать себѣ ясной отчетъ, въ чемъ дѣло. Но вотъ дико заголосилъ во снѣ на полу юкагирь Никушка и проснулся самый здоровый среди насъ, хозяинъ. Онъ соскочилъ съ орона и сейчасъ же упалъ.

— Братъ,—кликнулъ онъ меня,—спишь? Ужъ не угарь ли тутъ?—Хозяинъ выбрался за порогъ, вскарабкался на крышу и открылъ трубу. Свѣжій воздухъ одурманилъ его окончательно, и онъ скатился съ крыши. Въ широко раскрытую дверь хлынули сѣдыми волнами ледяныя струи мороза. Кое-кто поднялся со стономъ. Хозяинъ вползъ въ избу, поставилъ въ камелекъ нѣсколько полѣненьвъ, и вспыхнуло яркое пламя. Съ нами случилась обыкновенная вещь на Сухарномъ,—всѣ угорѣли; однако, еще нѣсколько часовъ, и изъ ночевавшихъ врядъ ли половина осталась бы въ живыхъ. Всѣхъ насъ было 13 человекъ; шесть очнулись сами, съ остальными было много хлопотъ. Они закатились

подъ «ороны» (нары) и тамъ лежали безъ чувствъ. Сухарновцы пустили въ ходъ самое энергичное средство: они стали «вымораживать угарь». Больныхъ выносили на дворъ и раздѣтыми сажали минуты на три въ снѣгъ. Близилось «утро» полярнаго дня. «Сохатый» (созвѣздіе Большой Медвѣдицы) перевернулся хвостомъ почти перпендикулярно къ землѣ, «Три короля» почти скрылись. Холодъ совсѣмъ спалъ. Дулъ легкой, чуть замѣтный вѣтерокъ, приносившій съ собою волны тепла.

— Хоть и безъ вина, а похмѣлье въ головѣ есть, — шутили уже нѣсколько оправившіеся больные.

Еще черезъ часъ мы тронулись въ путь. Теперь ѣхать было весело: насъ было четыре нарты. Верстъ черезъ двадцать мы остановились «побердовать», т. е. дать передышку собакамъ. Мы были на осередышѣ, у подножья громаднаго «холуя». Изъ-подъ снѣга торчали громадные стволы лиственницъ, вѣтвившихся, какъ искривленными руками, обломанными корнями въ песчаный грунтъ осередыша. На такихъ островкахъ въ концѣ юня можно наблюдать интересное явленіе. Въ верховьяхъ рѣки, во время водополя, громадныя льдины уносятъ съ собою обрушившіяся глыбы берега, вмѣстѣ съ кустарниками и деревьями. Этотъ грузъ несется до тѣхъ поръ, пока льдина не сядетъ на мель на осередышѣ въ устьяхъ Колымы. Наступаетъ лѣто; на глыбѣ распускаются хвои на лиственницахъ, зацвѣтаетъ шиповникъ, зеленѣетъ трава, а ниже—вѣчно мерзлая почва, тающая подъ лучами незаходящаго солнца; все это лежитъ на громадной льдинѣ, которая вся разрыхлилась и разсыпается отъ удара. Еще нѣсколько дней, ледяной

фундаментъ таетъ и дерево въ полной зелени падаетъ на песокъ, откуда «вольная вода» занесетъ листовницу къ устью Чукочей рѣки, а то и на Медвѣжьи острова. Любопытно видѣть такія зеленѣющія деревья и цвѣтушіе кустарники, захваченіе на льдинахъ далеко за границу «края лѣсовъ».

Въ нѣсколько минутъ у «холуя» мы развели громадный костеръ. Завтракъ пришлось не долго стряпать: это та же струганина. Подхваченный вѣтромъ огонь охватилъ весь «холуй», и долго, послѣ того какъ мы уѣхали видѣлся намъ пылающій костеръ, который могъ горѣть дня два.

Между тѣмъ вѣтеръ все усиливался да усиливался. Онъ «затянулъ на мороку», т. е. посыпалъ мелкій снѣжокъ, слѣпившій глаза.

— Далеко ли до чукчей?—спросилъ я у Петрухи.

— Въ другое время, не знаю, верстъ пять будетъ-ли, нѣтъ-ли; а теперъ, можетъ и всѣ двадцать.

Отвѣтъ былъ темноватъ и вовсе не утѣшительнъ. Правда, было тепло, но темень увеличивалась ежеминутно. Нужно было прятать лицо, потому что снѣгъ сыпалъ почти сплошной массой. На наше счастье, вѣтеръ еще былъ попутный. При боковомъ вѣтрѣ въ такую погоду можетъ случится такое же несчастіе, какъ съ несчастнымъ Путнэмомъ, старшимъ лейтенантомъ парохода «Роджерсъ», отправленнаго на поиски «Жанеты». Почти у устьевъ Колымы Путнэма захватила такая же снѣжная буря, въ пяти минутахъ ѣзды отъ чукотскаго становища. Путнэма, съ нартой его, загнало далеко на ледъ, въ открытый океанъ. Видя, что заблудился, лей-

тенантъ рѣшилъ дожидаться утра; но ночью взломало ледъ и несчастнаго унесло на льдинѣ. Нѣсколько дней видѣли его въ открытомъ океанѣ, но подать помощь было невозможно, и несчастный погибъ отъ голода.

Скоро стало такъ темно, что я не могъ уже видѣть Петрухи, сидѣвшаго впереди меня. Собаки тихо брели куда-то. Нарту поворачивало то въ одну, то въ другую сторону, то вовсе опрокидывало и тогда я старался не выпускать изъ рукъ верхняго нащепя нартъ (*вардины*), потому что сдѣлать въ такую погоду одинъ шагъ отъ нартъ, — значило потерять ихъ. Вотъ вѣтеръ сталъ завывать; очевидно, мы уже были не на рѣкѣ. Петруха тормозилъ меня и кричалъ что-то, но нельзя ничего было слышать: *хозяйнъ* вылъ и заглушалъ всякій голосъ. Вотъ мы полземъ куда-то въ гору; собаки, какъ видно, повернули, потому что вѣтеръ сразу прекратился. Что же это? Гдѣ мы? Мы стоимъ.

— Нахъ! нахъ! — кричалъ Петруха на собакъ, но тѣ не трогались.

Держась за *потягъ*, за ремень, къ которому припрягаютъ собакъ, мы отправились къ передовымъ собакамъ, посмотреть, въ чемъ дѣло. Было убрдно; я уходилъ въ рыхлый снѣгъ почти по поясъ. Наконецъ вытянутая впередъ рука нащупала что-то плотное другое.

— Наянгъ! (палатка) — радостно крикнулъ Петруха. Собаки привезли насъ въ лагерь и теперь лежали, свернувшись, у самой палатки. Чукотскій чумъ состоитъ изъ двухъ палатокъ: наружной, ровдужной (замшевой) — *яру* и внутренняго глухаго полога, изъ оленьихъ шкуръ,

шерстью во внутрь—*рыльку*. Не безъ труда пробрались мы въ наружную палатку, гдѣ сбили снѣгъ съ кухлянокъ и торбасовъ (мокасинъ).

— *Яво, иналя!* (вставай, пріятель!) — крикнулъ Петруха.

Во внутреннемъ пологѣ кто-то завозился, замычалъ, и минутъ черезъ пять золотая полоска свѣта блеснула изъ-подъ поднятой полы внутренняго полога. Показалась знакомая голова, съ заспанными шурящимися глазами и прихваченными скулами. Это былъ мой старый пріятель Эрмиченъ, такъ жестоко надоѣдавшій мнѣ во время своихъ пріѣздовъ въ Средне-Колымскъ. Эрмиченъ, какъ видно, былъ радъ нашему пріѣзду, по крайней мѣрѣ онъ такъ усердно потеръ поочередно своею правою и лѣвою щекою мои щеки (это онъ цаловался или подѣлывалъ обрядъ *ура-мана*), что не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что мы желанные гости. Эрмиченъ пропустилъ насъ во внутренній пологъ и наглухо закрылъ *рыльку*. Насъ охватила спертая атмосфера, пропитанная человѣческими испареніями. На устланномъ оленьими шкурами полу, закутанные съ головой въ мѣховыя одѣяла, спали человѣкъ шесть. Громадная плочка, налитая тюленьимъ жиромъ, съ горстью моха вмѣсто свѣтильни,—освѣщала и согрѣвала палатку. Какою удобною показалаась она мнѣ послѣ путешествія въ метель! Эрмиченъ сдернулъ одѣяло съ какой-то женщины, которая спала совершенно раздѣтая. Она поднялась и принялась стряпать ужинъ, но я не сталъ дожидаться его. Какъ подстрѣленный, упалъ я на указанное мнѣ мѣсто и сейчасъ же заснулъ.

II.

Нѣтъ, кажется, на земномъ шарѣ ни одной пяди земли, которая не была бы ареной борьбы между племенами, вытѣснявшими одно другое. Нѣкогда боролись и изъ-за холодной Чукотской земли, лежащей между 64 и 71 градусами сѣверной широты, — изъ-за территории, про которую одинъ изъ первыхъ изслѣдователей сказалъ: «вся Чукоція есть не что иное, какъ громада голыхъ камней; климатъ же самой несносной» *). Вдоль берега Ледовитаго океана, вплоть до Берингова пролива, тамъ и сямъ виднѣются слѣды старинныхъ жилищъ. Чукчи говорятъ, что тутъ жило племя *онкилонъ*, которое они побѣдили и прогнали на острова Ледовитаго океана. Приведу описаніе этихъ жилищъ, сдѣланное д-г Алмквистомъ и лейтенантомъ Нордквистомъ, спутниками Норденшильда.

«На перешейкѣ, соединяющемъ мысъ Иркаипи **) съ материкомъ, мы нашли чукотскую деревню, состоящую изъ 16 палатокъ. Тутъ же мы нашли также многочисленные остатки древнихъ жилищъ племени *онкилонъ*. Раскопки обнаружили, что жилища были построены изъ китовыхъ реберъ. Въ «кухонныхъ отбросахъ», обра-

*) Путешествіе капитана Биллингса, etc. Спб., 1811, стр. 57.

**) Мысъ, лежащій между Чаунской бухтой и Беринговымъ проливомъ подъ 180° в. д. (отъ Гринвича). Въ 1778 г. Кукъ видѣлъ его издали и принялъ, совершенно неосновательно, за наиболѣе сѣверный пунктъ Азии и назвалъ Cape North, какъ онъ именуется и до сихъ поръ на многихъ картахъ.

зовавшихъ цѣлые холмы, мы нашли кости различныхъ породъ кита, между прочимъ, бѣлаго, моржей, тюленей, оленей, медвѣдей, собакъ, лисицъ и различныхъ породъ птицъ. Кромѣ остатковъ результатовъ охоты, мы нашли каменные и костяныя орудія, между ними нѣсколько топоровъ, которые, хотя, повидимому, пролежали не меньше 250 лѣтъ въ землѣ, тѣмъ не менѣе были еще прикрѣплены къ деревяннымъ или же къ костянымъ топорищамъ. Уцѣлѣли даже ремни, которыми топоры были привязаны или же вклинены въ рукоятки... Остатки старинныхъ жилищъ мы нашли также на наиболѣе высокихъ пунктахъ мыса Иркаипи. Здѣсь жилища были окружены искусственной каменной насыпью, ничѣмъ не скрѣпленной. Вѣроятно, это было послѣднее убѣжище племени онкилонъ» («The voyage of the Vega», chap. VII, p. 181—183). Въ XIII вѣкѣ, вѣроятно, на крайнемъ сѣверо-востокѣ явилось новое племя—чукчи. Они пришли изъ-за Берингова пролива. Штабъ-лѣкарь Робекъ, участвовавшій въ 1791 г. въ экспедиціи капитана Галла, составилъ словарь 12 языковъ инородцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже вымерли. Сравнивая чукотскій языкъ со словами дикарей, жившихъ на островѣ Кадьякъ (у американскаго материка), мы будемъ поражены сходствомъ.

Безъ сомнѣнія, это—два тождественныхъ языка *).

*) Вотъ маленькая табличка словъ для сравненія:

	На языкѣ кадьянскихъ островитянъ.	По-чукотскя.
<i>Отецъ</i>	атаго	атака.
<i>Мать</i>	анага	анакъ.

Какъ видно, пришедшіе побѣдители привыкли къ морскимъ промысламъ: тѣ изъ чукчей, которые осѣлись на берегу океана, сразу почувствовали себя хорошо, тѣ же, которые очутились въ глубинѣ полуострова, были на первыхъ порахъ въ страшно бѣдственномъ положеніи, пока не свыклись съ оленеводствомъ, о которомъ, вѣроятно, прежде не имѣли и представленія на островахъ. Вотъ характерная чукотская легенда, записанная мною.

— Пришли изъ-за моря чукча и чукчанка Оемтивеланъ и Неувганъ. Постановили наянгъ, легли тамъ. Худо имъ было: чѣмъ жить—не знаютъ. Совсѣмъ собрались помирать. Такъ худо было. Вдругъ поднимается пола палатки и всовывается голова бѣлаго медвѣдя. Шибко испугались Оемтивеланъ и Неувганъ, а медвѣдь имъ говоритъ: Вы не бойтесь—я Кытъ Олгынъ, «хозяинъ мѣста». Не помрете вы, только сдружитесь съ моимъ сыномъ Ирльвиль (дикимъ оленемъ). Вышли чукчи изъ палатки, а тамъ ирль-виль стоитъ и бѣлая важенка (оленица). Съ тѣхъ поръ и стали чукчи олень водить.

Въ честь же ирль-виль правятся праздники, о которыхъ дальше. Чукотскимъ благодѣтелемъ считается также великанъ Сана, о которомъ я говорилъ уже въ третьей главѣ.

Между пришельцами и аборигенами завязалась оже-

Дочь	панигага	понника.
Мужъ	уинга	уика.
Жена	нулига	нуллякъ.
Небо	киллакъ	кѣйлакъ.

сточенная борьба; но силы были не равны. Аборигены были маленькаго роста, тогда какъ чукчи выше средняго. Чукотскія преданія говорятъ, что *онкилоны* двумя партіями отправились на ту землю, которая видна съ мыса Якань. Если дѣйствительно вѣрны предположенія извѣстнаго географа Маркгама, что *онкилоны* и эскимосы одно и то же, то насъ невольно поразитъ чудовищное разстояніе, которое этимъ полярнымъ эмигрантамъ пришлось сдѣлать. Они искали обѣтованную землю подъ 83° с. ш., а можетъ быть и выше. На островахъ Парри, по проливу Баррова, въ послѣднее время неоднократно были найдены остатки хижинъ, саней и др. вещей, тождественныхъ со скарбомъ, найденнымъ въ жилищахъ *онкилоновъ*. Дальнѣйшій путь сибирскихъ скитальцевъ еще не прослѣженъ. Фактъ тотъ, что въ XIV вѣкѣ они спустились уже въ Гренландіи съ сѣвера; другими словами, *онкилоны* (если только они то же, что эскимосы) пересѣкли Ледовитый океанъ. Въ XIV именно вѣкѣ «карликовые люди»—*скрэмитеры* появились въ Гренландіи, гдѣ истребили исландцевъ, появившихся тамъ пять вѣковъ назадъ, подъ предводительствомъ Эрика Рыжаго. Какъ бы то ни было, чукчи въ XV вѣкѣ остались полными властелинами территоріи. Ближайшіе сосѣди ихъ были миролюбивые *каніэписи* и ламуты, съ которыми приходилось не разъ воевать. Между этими двумя племенами загорѣлась непримиримая вражда, которою потомъ воспользовались, да пользуются и до сихъ поръ русскіе *). Въ 1646 г. русскіе столкнулись

*) Я позволяю себѣ говорить обстоятельно о чукчахъ, потому, что свѣдѣнія въ литературѣ объ этомъ племени крайне скудны. Въ

въ первый разъ съ чукчами. Спустившись по Колымѣ къ океану, русскіе удалцы замѣтили на берегу рядъ палатокъ и возлѣ нихъ какихъ-то инородцевъ, не похожихъ ни на одно племя, съ которымъ приходилось сталкиваться. Русскіе пристали къ берегу и сложили у воды ножи, котлы, топоры и т. д. и отплыли. Чукчи замѣнили ихъ мѣхами, моржевными клыками и издѣліями изъ нихъ. Промышленники предположили, что невѣдомое племя и есть обитатели той страны, гдѣ въ изобиліи водится соболь, и попытались покорить дикарей. Но велико было изумленіе удалцовъ, когда чукчи, вмѣсто того, чтобы броситься въ разсыпную послѣ перваго же залпа, какъ это дѣлали всегда дикари, храбро кинулись на русскихъ. Въ предъидущихъ очеркахъ я уже говорилъ объ этой полуторавѣковой борьбѣ, тянувшейся съ переменнымъ счастьемъ, упоминалъ также о полярномъ Роландѣ—Павлуцкомъ, преданномъ Ганелономъ съ Сухарнаго-Кривогорницынымъ. Слухъ о воинственномъ племени прошелъ по всей Сибири и проникъ за границу. Въ западно-европейской литературѣ о чукчахъ упоминаетъ въ первый разъ Витсенъ (Witsen), который во второмъ изданіи своего сочиненія (1705 г.), ссылаясь на разсказъ Владиміра Атласова, говоритъ, что обита-

интересной статьѣ г. Вруевича «Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области» («Записки Имп. русск. геогр. Общ. по отдѣл. этнографіи», т. XVII, вып. II, Спб., 1891 г.) объ этомъ племени говорится лишь мимоходомъ. А между тѣмъ это послѣдняя, по времени, работа о крайнемъ сѣверо-востокѣ. Рядъ статей г. Костюрина, напечатанныхъ въ *Сибирскомъ Листкѣ* за 1893 г. («Экономич. положеніе купчей»), хотя интересны, но исключительно компилятивнаго характера.

тели сѣверо-восточной Азіи называются Tsjuktsi, однако не даетъ никакихъ подробностей о нихъ. Шведскими плѣнниками въ Tobольскѣ была переведена татарская рукопись *Абумази Бандуръ Хана*. Вотъ что говоритъ эта рукопись о чукчахъ:

«Сѣверо-восточная Азія населена двумя родственными племенами: *чукчами* (tzuktzchi) и *шелачскими* (?) (tzchalatzki), а на югъ отъ нихъ, на Восточномъ океанѣ, живеть еще третье племя, именуемое *олоторскіе*. Это—самыя дикія племена на всемъ сѣверѣ Азіи, которые не хотятъ вступать ни въ какія сношенія съ русскими, которыхъ безжалостно убиваютъ, если встрѣтятъ. А когда кто-нибудь изъ чукчей попадетъ русскимъ, они его тоже убиваютъ».

На картѣ Lotterus'a (1765 г.) Чукотскій полуостровъ окрашенъ въ особую краску, чѣмъ владѣнія русскихъ въ Сибири, и подписанъ такъ: «Tjuktzchi natio ferocissima et bell:cosa Russorum inimica, qui capti se invicem interficiunt». Въ 1777 г. Георги, авторъ труда: «Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs», во II томѣ своей книги, на 350 страницѣ, такъ аттестуетъ чукчей:

«Они болѣе дики, свирѣпы, горды, непокорны, вороваты (?), вѣроломны и мстительны, чѣмъ сосѣдніе имъ номады коряки. Они настолько же злы и опасны, насколько тунгусы дружелюбны. Двадцать чукчей побѣждаютъ 50 коряковъ. Остроги, лежашіе по сосѣдству съ ихъ страной, пребываютъ въ непрерывномъ страхѣ нападенія, и содержаніе ихъ обходится такъ дорого, что правительство недавно упразднило самый старшій изъ нихъ—Анадырскій».

Такую-то нелестную репутацію приобрѣли далеко за предѣлами «Чукоціи» обитатели ея. Русскіе все перепробовали для смиренія этого племени: ходили на нихъ казаки, потомъ ламуты, затѣмъ посылали отрядъ солдатъ—все было напрасно. Наконецъ, какъ я говорилъ уже, попытались помириться. Результаты получились блестящіе и совершенно неожиданные: «*natio ferocissima et bellicosa*» оказалась замѣчательно добродушнымъ и миролюбивымъ сосѣдомъ: тѣ, которыхъ обвиняли въ «свирѣпости и вѣроломствѣ», во время голодовокъ не разъ спасали низовиковъ щедрыми подарками въ видѣ десятка оленей. Въ настоящее время чукчи дѣлятся на два племени по роду занятій: на оленныхъ и собачьихъ. Разница въ языкѣ между ними незначительная. Оленные чукчи не знаютъ никакого языка, кромѣ родного; изъ собачьихъ—рѣдко кто не знаетъ самыя обыкновенныя англійскія слова: «*ship*», «*gun*», «*gun*», «*shirt*» и т. д. Самый безтолковый умѣетъ считать на этомъ языкѣ до десяти, хотя не знаетъ ни слова по-русски. Это—все слѣды сношеній съ американскими китобоями. Чукчи—торговое племя. Оленные—вымѣниваютъ у русскихъ табакъ и кирпичный чай и обмѣниваютъ все это собачьимъ на ножи, ружья, иногда ромъ, которые они достаютъ у островитянъ Берингова пролива—*каргаулей*; каргаули же добываютъ товары у американцевъ. У чукчей, вслѣдствіе этого, можно встрѣтить великолѣпный винчестеръ, тогда какъ казаки вооружены кремневыми ружьями.

Я говорилъ уже, что каждый годъ, весною, русскіе и чукчи сходятся на нейтральной территоріи, въ Анюй-

ской «крѣпости». Карауль держать въ ней ламуты. Ежегодно русскій миссіонеръ пробуетъ обратить въ христіанство нѣсколькихъ язычниковъ. Проповѣдь ведется черезъ переводчика, который знаетъ по-чукотски ровно столько, чтобы спросить: «почемъ песецъ?» «Сколько водки за бобра?» «Много». «Мало» и т. д. Переводчикъ этотъ—низовикъ, слѣдовательно, кругозоръ его измѣряется сантиметромъ. Отвлеченныя понятія ему совершенно недоступны. Можно себѣ представить, какъ успѣшно идетъ обращеніе!... Приведу два примѣра. Первый случился лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, второй—въ послѣднее время. О первомъ упоминаетъ Врангель въ *тѣмечкомъ* изданіи своей книги. Не имѣя ея подъ рукой, я пользуюсь англійскимъ текстомъ, какъ онъ приведенъ у Норденшильда:

«На ярмаркѣ убѣдили молодаго чукчу при помощи подарка въ нѣсколько фунтовъ табаку—дозволить себя окрестить. Обрядъ начался въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Новообращенный стоялъ тихо и спокойно до тѣхъ поръ, пока пришла пора окунуться трижды въ купели, въ громадномъ корытѣ, наполненномъ ледяной водой. Но на это чукча никакъ не хотѣлъ согласиться. Онъ энергично замоталъ головой и привелъ цѣлый рядъ аргументовъ, почему не хочетъ окунуться, аргументовъ, которыхъ никто не понялъ. Наконецъ, послѣ долгихъ убѣжденій со стороны переводчика, послѣ новыхъ посуловъ табаку, чукча согласился и храбро бросился въ холодную, какъ ледъ, воду; но тотчасъ же выскочилъ, дрожа отъ холода, съ крикомъ: «мой табакъ мой табакъ» Не смотря на всѣ старанія,

не удалось убѣдить чукчу окунуться еще два раза, и обрядъ остался неоконченнымъ» («The voyage of the Vega», chap. IX, V, 245).

А вотъ другой примѣръ, взятый изъ статьи г Рябкова, изъ газеты Сибирь за 1885 г. «У одного крещенаго чукчи начинали сильно падать олени. У другихъ же, некрещеныхъ, олени пѣлы и здоровы. Чукча помолился русскому Богу, образъ котораго у него имѣлся въ палаткѣ (Богомъ чукча называетъ образъ, подаренный ему миссіонеромъ, крестившимъ его); но олени все дохли и дохли. Отъ громаднаго стада у чукчи остается уже не болѣе четверти. Что дѣлать? Въ одно утро запрягъ онъ оленей, взявъ рускаго Бога за пазуху и поѣхалъ въ тайгу. Выбралъ большое дерево, взявъ ремень, досталъ образъ и привязалъ его къ лѣсинѣ повыше, снявъ шапку, помолился ему и сказалъ: «ты, русскій Богъ, не сердись, не вспоминай меня зломъ, не дѣлай мнѣ худа, какъ я тебѣ не дѣлаю этого,—вѣдь я тебя не бросилъ въ тундрѣ зря,—будетъ ѣхать русскій, возьметъ тебя». И чукча зажилъ по-старому, какъ жили его дѣды и отцы и какъ живутъ всѣ прочіе чукчи, держашіе старую вѣру». Окрещенные чукчи приходятъ на слѣдующій годъ креститься опять, если это имъ выгодно; но въ палаткахъ держатъ своихъ божковъ, по нѣскольку женъ и т. д. Это все оленные чукчи, живущіе о бокъ съ русскими. Объ обращеніи же собачьихъ кукчей не можетъ быть и рѣчи.

Какъ у оленныхъ, такъ и собачьихъ чукчей есть свои царьки—*эрема*, хотя никакимъ особымъ почетомъ сряди своихъ подданныхъ не пользующіеся. Если не

ошибаюсь, царьки эти имѣли значеніе лишь какъ вожди во время войнъ. Собачьи чукчи раздѣляются на нѣсколько клановъ, живущихъ деревнями вдоль береговъ Ледовитаго океана, отъ мыса Шелагскаго до Берингова пролива. Въ каждой такой деревнѣ отъ 3 до 25 палатокъ, такъ что бываютъ деревни съ населеніемъ въ 125—130 человекъ, т. е. больше, чѣмъ въ Н. Колымскѣ. Между собой кланы живутъ вообще довольно мирно, хотя иногда происходятъ кровавыя драки. При мѣѣ, въ 1891 г., въ маѣ мѣсяцѣ, получено было въ Средне-Колымскѣ извѣстіе, что весь чукотскій кланъ на Шелагскомъ мысу вырѣзанъ. Русскіе, случайно пріѣхавшіе туда, нашли 18 труповъ. Нѣкоторые были почти съѣдены собаками; всюду валялись сломанныя копья, ножи да нѣсколько винчестровъ. Конечно, произвести слѣдствіе нечего было и думать, потому что катастрофа случилась на чукотской территоріи.

Сколько всѣхъ чукчей теперь? Вопросъ затруднительный. Я задалъ его знакомому чукчѣ. Онъ посмотрѣлъ на меня, затѣмъ взялъ горсть песку и сказалъ: «сочти!». Въ дикарѣ говорила, конечно, національная гордость, та самая, въ силу которой они только себя называютъ «люди» (ороули). Въ дѣйствительности ихъ всѣхъ тысячи три, самое большее. Главный промыселъ собачьихъ чукчей—рыбная ловля, тюленьи и моржевыя промыслы. Иногда убиваютъ также и китовъ, хотя большей частью такихъ, которые попали на мель во время отлива. Бываетъ, что, не смотря на многочисленныя гарпуны, киту удается «сняться» и отправиться околѣвать гдѣ-нибудь дальше; если его прибьетъ куда-

нибудь къ берегу, чукчи сейчасъ же даютъ знать тому клану, чьи гарпуны торчатъ въ бокахъ добычи. Начинается пиршество. Дикари и собаки ихъ отъѣдаются китовиной до самаго нельзя. У всѣхъ лица и платье перепачканы жиромъ. Запахъ ворвани слышенъ тогда далеко отъ деревни. Ёдятъ пѣлый день; наконецъ сонъ смыкаетъ очи, переполненный желудокъ требуетъ отдыха. Чукча засыпаетъ, держа въ зубахъ кусокъ китовины, которую медленно жуетъ, а вѣрная жена садится рядомъ и пальцемъ старается впихнуть мужу въ ротъ жирный кусокъ. Такъ продолжается пиръ до тѣхъ поръ, пока волны не уберутъ остатковъ добычи; тогда опять начинается голодъ.

Какъ у всѣхъ полярныхъ дикарей, гостепрѣимство у чукчей развито очень сильно. Чукчи, русскіе, даже ламуты, которыхъ эти дикари ненавидятъ, заѣзжаютъ въ любую палатку и тамъ живутъ, сколько хотятъ. Лейтенантъ Bove такъ формулировалъ чукотское гостепрѣимство: «To-day I eat and sleep in your tent, to morrow you eat and sleep in mine». Больше того, гостепрѣимство доходитъ до «гостепрѣимной проституціи», которая еще въ полной силѣ у этого народа. Объ этомъ я говорилъ уже въ предъидущихъ очеркахъ. Чукчи пріютили сердечно экипажъ погибшаго «Роджерса», кормили и поили его, отдали свою одежду, доставили до русскихъ поселковъ, тогда какъ первый русскій, съ которыми американцы встрѣтились, — обошелся съ ними грубо и забралъ съ собою Гильдера и товарищей его, рассчитывая прокормить ихъ до лѣта, а тамъ, какъ людей дюжихъ, взять работниками на неводъ. Этому русскому *Ванкеры*,

какъ называетъ его Гильдеръ въ своей книгѣ (Ивану Кудрину), только въ Н. Колымскѣ разстолковали, что это не такіе люди, которыхъ на неводъ берутъ, а которые сами въ работники берутъ.

III.

Когда я открылъ глаза, мнѣ представилась довольно любопытная картина. «Изобразю-ль въ картинѣ вѣрной» внутренность *рыльки*? Когда-то въ дѣтствѣ я, бывало, накрывалъ жуковъ картонными коробками изъ-подъ табаку. Теперь я самъ былъ накрытъ такой коробкой, только мѣховой, аршина $3\frac{1}{2}$ въ длину, $2\frac{1}{2}$ въ ширину и столько же въ вышину. Коробка поддерживалась частымъ переплетомъ изъ китовыхъ реберъ. Посреди *рыльки* горѣла лампа, точнѣе, плоская, наполненная ворванью; другая плоская стояла въ противоположномъ углу. Маленькій чукченочъ, голый, какъ амуръ, и грязный, какъ чумичка, подползъ ко мнѣ и удивленно тарашилъ свои узенькіе, блестящіе глазки. Другой чукченочъ отчаянно заливался гдѣ-то, но гдѣ именно,—я опредѣлить не могъ. «Не на крышѣ же они держатъ ребятъ?»—мелькнуло у меня, потому что крикъ доносился откуда-то сверху. По угламъ валялись вороха оленьихъ шкуръ, камусовъ, видѣлись нѣсколько копій съ короткими ратовищами, обмотанными ремешками. Въ углу, гдѣ было почище, лежали три чурбанчика, въ футъ длиною, съ закругленными головками. Вдоль чурокъ былъ рядъ черныхъ дырочекъ. Рядомъ съ чурбанчиками видѣлись громадныя рогатыя головы *ирль-*

тиль (дикихъ оленей). Вокругъ площадки сидѣло нѣсколько чукотскихъ дамъ. Онѣ спустили съ тѣла широкія *ханба* (мѣховую одежду) и были обнажены до пояса. У всѣхъ ихъ грудь была татуирована полосками и кружечками. Дамы обшивали бѣлую, какъ снѣгъ, кухлянку полосками мѣха росомахи. Одна старуха, костлявая и сморщенная, съ оттопыренной нижней губой, расправлялась съ паразитами, кипѣвшими въ *ханба*, перекусывая ихъ зубами. Первымъ замѣтилъ мое пробужденіе чукченокъ; онѣ завизжали отъ страха, подползъ къ одной изъ женщинъ и оттуда сталъ коситься на меня, совсѣмъ какъ волченокъ. Когда дамы замѣтили, что я проснулся, одна изъ нихъ повѣсила надъ площадкой чайникъ, вскипятила его, затѣмъ внесла оленьи языки, вареное мясо, да цѣлую груду мерзлыхъ лепешечекъ *пынтъ-ытмачкинъ*, состоявшихъ изъ сыраго оленьяго мяса, сбитаго вмѣстѣ съ сырымъ же оленьимъ жиромъ. Вмѣсто скатерти, все это наставили на разостланной оленьей шкурѣ, мездрой вверхъ.

— *Иналя, кушикъ ыръ* (Другъ, вотъ я сварила тебѣ),—сказала она.

Кокетство, которое извѣстно даже подъ этой широтой, подсказало ей замѣнить во всѣхъ словахъ грубое *ч* мягкимъ *и*. Это было своего рода чукотское грасированіе.

Но вотъ дамы всѣ поднялись съ мѣста. Въ *рыльку* вошли, точнѣе, вползли Петруха и Эрмичень. Онѣ теперь сіяли, какъ всегда. Мохнатый кокуль изъ волчьихъ лапъ съ нашитыми волчьими ушами вовсе не шелъ къ его добродушной фізіономіи, которую морозъ цѣловалъ такъ, что видны были язвы на обѣихъ ску-

лахъ. Мы обмѣнялись рукопожатіями. Всѣ усѣлись. Къ великому моему утѣшенію, затихъ и невидимый чукченокъ, который такъ интриговалъ меня. Бѣдняжка, его тоже сунули въ особую мѣховую коробочку, которая висѣла въ углу, подъ самымъ потолкомъ. Сзади этой коробочки былъ маленькій локъ, заткнутый пучкомъ сухаго моха. Началась трапеза. Я прошелъ длинный искусь неприхотливости, былъ и у якутовъ, и у юкагирь, и у ламутовъ; но, признаться, полнѣйшій нигилизмъ чукчей въ области безгліеости приводилъ меня порой въ нѣкоторое смущеніе. Мнѣ, напримѣръ, послѣ ѣды приходилось отворачиваться, потому что всѣхъ обходила своеобразная посуда, тюлений пузырь, наполненный человѣческой уриной, которою чукчи мыли себѣ руки. Урина эта собирается для оленей, которые страшно падки до нея. Свифтъ описалъ бы подробно, почему этотъ пузырь къ концу трапезы опять сдѣлался полнымъ, но мнѣ приходится пожалѣть читателей. Немало смущала меня и старуха, которую я недавно видѣлъ занятою своеобразнымъ промысломъ; теперь она пальцами брала куски съ общей шкуры. Дружеская бесѣда, тѣмъ не менѣе, не прекращалась во все время ѣды. Обращеніе мужа съ дамами (они оказались женами и матерью Эрмичена) было простое. Очень понравилось мнѣ и ласковое обращеніе съ ребятами. Голенькій чукченокъ сталъ совсѣмъ ручнымъ и даже рѣшилъ взобраться ко мнѣ на колѣни, когда я поманилъ его кусочкомъ сахара.

— Что это?—спросилъ я у Петрухи, показывая на чурочки.

— Это? Иконы ихъ, — серьезно отвѣтилъ онъ, — изъ нихъ чукчи *живой олень* себѣ доспѣваютъ. Братъ, а тутъ праздникъ будетъ. Первымъ дѣломъ, у нихъ старуха померла. Потомъ *ирль-вилъ* (дикій олень) въ табунъ забрель.

Я слышалъ еще въ Средне-Колымскѣ, что когда дикій олень заходитъ въ стадо ручныхъ, — чукча призываетъ шамана и стадо «заговариваютъ» на три недѣли. До истеченія этого срока хозяинъ не продаетъ ни одного выпоротка, хотя бы ему предложили за него цѣлую бутылку *акамимель* (водки). Когда срокъ «заговариванія» кончается, дикаго оленя ловятъ *мамуномъ* (лассо) и торжественно убиваютъ, а голову ставятъ среди боговъ. Эрмичень, между тѣмъ, добивался все узнать, есть ли у меня *акамимель*. Онъ никакъ не могъ понять, какъ это можно ѣхать къ чукчѣ безъ «горькой воды». Мнѣ хотѣлось не пропустить ничего изъ готовящейся церемоніи, поэтому мы отправились въ другую палатку, гдѣ собирались всѣ. Этотъ *рыльку* былъ въ нѣсколько разъ больше того полога, въ которомъ остановились мы. На полу сидѣло много чукчей, да Мундуканъ и братья Шкулята, оставшіе отъ насъ во время метели. Лица у всѣхъ были такія спокойныя, разговоръ былъ такъ непринужденъ и веселье, что трудно было предположить присутствіе покойницы тутъ же. Старуха лежала въ углу, обряженная въ парадное платье, шитое изъ бѣлыхъ пыжиковъ. Она была покрыта только-что спущенной громадною шкурою *ирль-вилъ*я. Оленя убили, когда я еще спалъ. Стали пить чай. Хозяйка выплеснула первую чашку

покойницѣ подѣ шкуру. Во время ѣды, умершей под-
сунули лучший кусокъ жира... Затѣмъ приступили къ
началу мистеріи. Сыновья покойницы достали ту по-
судину, которая привела меня въ такое смущеніе у
Эрмичена, вышли изъ палатки и протяжно затанули:

— Гирахъ! гирахъ!..

На этотъ крикъ тотчасъ же сбѣжалось много руч-
ныхъ оленей, которые бродили возлѣ. Чукчи плеснули
имъ содержаніе пувыря, и животныя стали съ боя
отнимать другъ у друга облитый снѣгъ. Чукчи ловко
накинули мамунъ на рога двумъ совершенно бѣлымъ
важенкамъ и повели ихъ на западную сторону лагеря,
тогда какъ на востокъ отъ него положили голову
ирль-вилъ, на сѣверъ—волка, а на югъ—голову собаки.

— *Талымъ!* (готово),—крикнули парни. Приподня-
лись полы палатки и оттуда медленно вышли три
старика. У каждаго въ рукахъ было по громадному
бубну, состоявшему изъ тальниковаго кольца, съ руко-
яткой, обтянутаго *ровдуюй* (замшей). Старики медленно
стали обходить вокругъ лагеря, останавливаясь возлѣ
каждой головы. Вотъ они забили палочкой изъ кито-
ваго уса по ободу, такъ что кончикъ ея, отъ сотря-
сенія, нѣсколько разъ дробно ударялъ по кожѣ. По-
слышалось тихое, протяжное гортанное пѣніе. Старики
говорили, что теперь Галга (имя умершей) поѣдетъ
«на гору». Пусть же она скажетъ тамъ Кытъ Омынь
(верховному божеству), чтобы онъ былъ добръ къ
чукчамъ, не давалъ Чапану (злому духу) мучить оле-
ней, а пуше всего—не пускалъ бы «красной старухи»
(оспы), которая три года тому назадъ прижгла своею

головней поль-лагеря. Трижды старики обошли лагерь, потомъ пѣніе прекратилось, и послышался дробный бой бубенъ. Это былъ, вѣроятно, сигналъ. Тотчасъ же подвели олсницъ и ударили ихъ ножемъ возлѣ самага сердца. Бѣдныя животныя, шатаясь, сдѣлали нѣсколько невѣрныхъ шаговъ, затѣмъ упали и нѣсколько разъ конвульсивно ударили своими граціозными ногами, какъ бы стараясь отогнать смерть. Чукчи внимательно слѣдили, какъ умирали важенки. По этимъ признакамъ, какъ я узналъ, составлялись предсказанія. Всѣ присутствующіе намазали себѣ кровью руки и лица. Добродушныя фізіономіи приняли дикій, свирѣпый видъ. Женщины проворно свѣжевали важенокъ и всю кровь перелили въ желудокъ, который на половину былъ наполненъ полуперевареннымъ мохомъ, любимымъ чукотскимъ блюдомъ. Кусочки этого лакомства сунули въ пасти головы собаки, чтобы она защищала хозяйку, когда та поѣдетъ «на гору», и волку, изображенію Чапана, чтобы онъ не тревожилъ оленей ея во время длиннаго пути. Меня интересовало, какъ чукчи и приѣжіе низовики дробили берповыя кости оленей и жадно высасывали оттуда дымящійся мозгъ. Губы и щеки чурмановъ покрылись кровью, какъ у «вовкулаковъ», которыми когда-то меня такъ пугала няня. Какъ, въ сущности, устойчивы и унитарны нравы въ различныхъ вѣкахъ, подъ различными широтами! Точно такимъ-же образомъ, какъ теперь чукчи, лакомился въ сѣдую старину палеолитическій человѣкъ въ Европѣ, что доказываетъ костями, найденными въ пещерахъ: Kents'hole въ Англіи, въ Галиціи и въ Кѣлецкой губерніи.

Между тѣмъ на полдень отъ лагеря старухи добыли изъ принесенныхъ чурокъ сверлами огонь. Каждый чукча подкинулъ по полѣну изъ плавника; запылалъ громадный костеръ, куда одинъ изъ стариковъ, плясавшій съ бубномъ, сунулъ вычищенную оленью лопатку. Каждый присутствующій кинулъ туда по куску жира. Поднялся густой дымъ: когда онъ разсѣялся, старикъ вытащилъ лопатку, внимательно изслѣдовалъ образовавшіяся на ней трещины и заявилъ, что Кыть Олгынь хорошо приметъ старуху.

Потухли короткія сумерки полярнаго «дня»; по всему небу протянулись «алыя косы красавицы Юргяль», которыя она «чешетъ, намотавъ на серебряный коль» (заря). Церемоніи этого дня кончились. Женщины всего лагеря жарко работали, стряпая мясо, горы *ныитъ-ытыкынгъ*, похлебку изъ оленьей крови и тюленьяго жира и другіе чукотскіе деликатесы, которые должны были быть уничтожены завтра.

IV.

Во всемъ лагерѣ поднялись спозаранку. Между палатками слышны были оживленные голоса. Мнѣ казалось, что народа, какъ будто, прибавилось. Дѣйствительно, ночью пріѣхало еще нѣсколько нартъ изъ сосѣднихъ лагерей. Молодежь весело суежилась около легкихъ бѣговыхъ нартъ, на которыхъ ѣздятъ, сидя верхомъ. Около палатки, гдѣ лежала покойница, стояли уже запряженные санки. Въ нартахъ лежали различныя принадлежности хозяйства: мѣдный котель, топоръ,

любимый бубенчикъ старухи и т. д. Тѣло все еще лежало, прикрытое шкурой ирль-виль. Тѣ же три старика мѣрно вертѣлись вокругъ огня и каждый разъ спрашивали, обращаясь къ трупу: «Гырѣ керкилле?» (хочешь ѣхать)—на что другія женщины всякій разъ отвѣчали: «спейоа льюномъ!» (хорошо... мимо). Послѣ троекратнаго вопроса старуху вынесли, взвалили на нарты и крѣпко увязали моржевымъ ремнемъ. Любопытно было видѣть, съ какимъ серьезнымъ видомъ наблюдали мистерию русскіе парни. Не было сомнѣнія, что чукотское таинство было таинствомъ и для нихъ.

Трупъ повезли на западъ отъ лагеря, гдѣ верстахъ въ двухъ виднѣлся громадный «холуй». Въ это время примчался на легкихъ нартахъ чукча. Какъ видно, оленей не жалѣли, потому что красивые черные глаза ихъ помутились и тонкія ноги дрожали. Чукча на ходу соскочилъ, подаль что-то сыну покойницы и сказалъ нѣсколько словъ, которыхъ я не расслышалъ. Оказалось, чукча этотъ взялъ въ долгъ папуху табаку у своего пріятеля, который померъ, не успѣвъ получить долга. Теперь должникъ, пользуясь оказіей «на гору», пересылалъ со старухой табакъ. Къ костру я не пошелъ: картина была слишкомъ тяжелая для меня. По рассказамъ Петрухи, у «хѣлуя» закололи оленей, на которыхъ привезли покойницу, ихъ кровью все снова замазались, затѣмъ взвалили туши, нарту и покойницу на костеръ и зажгли его. Сухое дерево вспыхнуло, какъ порохъ. Чукчи плясали вокругъ огня, пока шипѣли и корчились тѣла. Очевидно, не дожидались, пока выгоритъ костеръ, потому что часа черезъ два все

возвратились. Нужно сказать, что это не единственный способ погребенія у чукчей. Иногда своих покойниковъ, въ полномъ костюмѣ, со всею утварью, съ копьемъ въ рукахъ, они оставляютъ въ тундрѣ на снѣгу, гдѣ волки и песцы быстро справляются съ трупомъ. Погребаютъ въ землю лишь великихъ шамановъ. У чукчей еще и до сихъ поръ сохранился обрядъ *вугреиниъ*, т. е. убійства дѣтьми стариковъ. Насколько мнѣ извѣстно, старики *всегда* сами являются инициаторами въ подобныхъ случаяхъ; на обрядъ *вугреиниъ* смотрятъ какъ на угодный божествамъ поступокъ, доставляющій славу охотнику и воину. Подобный обрядъ, происходившій близъ Нижне-Колымска, былъ описанъ недавно въ «Якут. Епарх. Вѣд.» и перепечатанъ всѣми газетами.

Началось пиршество. Женщины приготовили въ самой большой палаткѣ цѣлыя груды яствъ, возлѣ которыхъ началась настоящая потасовка. Чукчи рвали другъ у друга куски вареной оленины, комки жира, копченые языки и т. д. Черезъ нѣсколько минутъ отъ массы провизіи не осталось ничего. Тогда наступила самая интересная часть праздника для молодежи—игры. Въ концѣ озера, длиною верстъ въ шесть, къ обрубленной кочкѣ привязали пыжика, а рядомъ съ нимъ, къ воткнутому въ снѣгъ шесту, — папуху табаку. Это были призы. Нѣсколько чукчей, верхомъ на нартахъ, выстроились рядомъ, затѣмъ по командѣ: «талям!» погнались изо всѣхъ силъ оленей. Приѣхавшему первымъ достался главный призъ: пыжикъ. За бѣгами на оленяхъ устроился бѣгъ въ запуски. Чукчи не старались

обогнать другъ-друга. Они составили кругъ и побѣждали гуськомъ. Кто уставалъ, выходилъ изъ круга. Призь (папуху) получилъ оставшійся дольше всѣхъ. До сихъ поръ русскіе не участвовали, но вотъ вышелъ чукотскій удалецъ и сталъ вызывать на единоборство. Совсѣмъ знакомая картина. Недоставало только, чтобы чукча началъ декламировать:

„Присмирѣли, небойсь, призадумались!
Такъ и быть, обещаюсь, для праздника—
Отдушу живаго“,—

такъ вызывающе глядѣлъ онъ на всѣхъ. Выступилъ Мундуканъ. Способъ чукотской борьбы нѣсколько другой, чѣмъ у русскихъ; борцы берутся не подъ мышки, а хватаютъ другъ друга за плечи и стараются повалить противника. Долго пыхтѣли и вертѣлись чукча и Мундуканъ; наконецъ послѣдній дернулъ дикаря такъ, что у того лишь черные торбаса въ воздухѣ мелькнули, къ великому ликованію окружающихъ. По правиламъ, побѣжденный самъ даетъ призь побѣдителю изъ собственнаго добра. Заключительная игра—самая любимая у чукчей. Восемь дюжихъ молодцовъ уложили на громадную шкуру *лахтака* (бородатаго моржа) чукчу; молодцы размахнулись, шкура щелкнула, и изрень полетѣлъ высоко вверхъ, растопыривъ руки и ноги. Въ это время ляхтакъ былъ убранъ. Искусство состояло въ томъ, чтобы, падая, стать на ноги.

Уже было совсѣмъ темно (луна была на ущербѣ), а удалцы еще не расходились, но составили еще «пляску оленей», подражая разыгравшимся животнымъ на пастбищѣ...

Поздно ночью мы выбрались съ Петрухой из лагера. Отъездъ вызвалъ маленькій разладъ между мною и моимъ каюромъ. Я вымѣнялъ за два кирпича у Эрмичена плоскій шаманскій бубень и собирался сунуть его въ нарты. Петруха рѣшительно запротестовала противъ этого. Онъ заявилъ, что такую вещь и собаки не поднимутъ, что онѣ совершенно «обезножатся», что насъ неминуемо ждутъ впереди «солоникъ» или же, по крайней мѣрѣ, неожиданныя наледи. Видя мое твердое рѣшеніе везти чертовъ гостинецъ, Петруха предложилъ, было, наконецъ, компромиссъ: мы повеземъ бубень, но не въ нартахъ, а пусть онъ волочится за санями на длинномъ ремнѣ. Но на подобный компромиссъ не могъ согласиться я. Бубень мы, наконецъ, уложили на самое дно саней. Всю дорогу Петруха дулся на меня. Чуть случится напасть, во всемъ виновна чертова поклажа. Это еще не все. Нужно было видѣть, что дѣлалось на ночевкахъ. Опасаясь, что морозъ повредитъ кожу, я вносилъ бубень на ночь. Но чуть только онъ немного отогрѣвался, какъ принимался *гудѣть*. И нужно было видѣть ужасъ обывателей. На меня бросались свирѣпыя взгляды. Мои близкіе пріятели и тѣ глядѣли на меня, какъ на святотатца. Признаться, когда одинъ изъ промышленниковъ прокололъ (будто нечаянно) проклятый инструментъ пальмой, я вздохнулъ облегченно. Бубень былъ брошенъ, и сейчасъ же мы помирились съ Петрухой, мои друзья низовики мнѣ опять улыбались привѣтливо: мой тяжкій грѣхъ былъ мнѣ ими великодушно прощенъ.

ГЛАВА VI.

Конецъ Кангiениси *).

(Полярная легенда).

Вмѣстѣ съ моимъ другомъ, чукчей Нута Нухва, мы поднимались въ *вѣткахъ* **) вверхъ по правому Анюю, славящемуся пустынностью даже въ Колымскомъ краѣ. Уже почти недѣлю мы не встрѣчали и признаковъ жилья. Мой спутникъ былъ гораздо сильнѣе, а, главное, гораздо привычнѣе меня къ ѣздѣ въ туземномъ узенькомъ челночкѣ, въ которомъ нужно сидѣть вытянувшись на днѣ, такъ какъ малѣйшаго движенія достаточно, чтобы очутиться въ водѣ. На придачу, я жестоко усталъ и все болѣе и болѣе сталъ отставать отъ спутника. Онъ нѣсколько разъ поворачивалъ свой чел-

---

*) *Кангiениси*—вымершее племя, жившее когда-то по Анюю и, кажется, по Колымѣ. Если не ошибаюсь, этотъ очеркъ—*первое* печатное свидѣнiе, хотя, конечно, не очень опредѣленное—объ исчезнувшемъ народѣ. Секретарь Биллингса, Соуэръ, только упоминаетъ о Кангiениси.

**) Родъ легкаго челнока, сшитаго изъ драпиль.

нокъ (повернуться самому въ немъ было бы рискованно), чтобы крикнуть мнѣ:

— *Иня калжитъ!* (плыви скорѣе).

Наконецъ, какъ видно, ему стало жаль меня. Онъ направилъ челнокъ къ берегу и сказалъ:

— Миндшидикай! (спать станемъ).

Ничего болѣе пріятнаго для меня тогда не могло быть. Кисти рукъ ныли отъ длиннаго двулопастнаго весла, спину свело, ноги затекли. Мѣсто было гористое. Прямо отъ берега поднимался высокій *камень*, по рыжимъ бокамъ котораго кое-гдѣ цѣплялись жидкіе кусты ерника и голубики. У воды бѣлѣлъ громадный *холуй*, т. е. гора плавниковаго лѣса, принесеннаго во время водополя. Пока мой спутникъ раскладывалъ костеръ и прилаживалъ таганъ, я пошелъ берегомъ небольшою *виськи*, т. е. ручья, поискать красной смородины. Чукча никакъ не могъ понять моего пристрастія къ «кислой травѣ», какъ онъ выражался. Порядочный человекъ, по мнѣнію Нуты, долженъ любить оленину, рыбу, юкалу, пожалуй, мясо молодыхъ тюленей. Какъ можно «сосать траву, какъ медвѣдь»,—этого мой другъ никакъ не могъ взять въ толкъ. Рѣка вилась частыми плесами межъ крутыхъ береговъ. Эхо было такое гулкое, что слова, сказанныя шепотомъ, повторялись басомъ Стентора. Виська, по которой пошелъ я, тоже сильно змѣилась. Берега были топкіе. Я прыгалъ по кочкамъ, хватаясь за тальники, но раза два обрывался въ ржавую воду, къ немалому испугу молодыхъ гадгаръ, которыя съ пронзительнымъ крикомъ хлопали своими короткими, еще не оперившимися крыльями.

Вотъ «виська» сдѣлала крутой поворотъ за «камень»; предо мной открылась картина, которая заставила меня невольно вскрикнуть. Весь склонъ горы, до самаго гребня, былъ покрытъ *арангасами* *). Поддерживавшіе столбы посѣрѣли отъ времени и покачнулись.

— Неужели это арангасы племени кангѣениси? Неужели мы теперь у «горы мертвыхъ», о которой я слышалъ такъ много разсказовъ въ Нижне-Колымскѣ, но всегда считалъ ихъ сказкой? Было что-то особливо торжественно-мрачное въ этихъ забытыхъ своеобразныхъ могилахъ, залитыхъ кровавымъ свѣтомъ полуночнаго солнца. Рѣзкій крикъ гагары, раздавшійся въ какомъ-то притонѣ и повторенный эхомъ, заставилъ меня вздрогнуть. Казалось, съ вершинъ столбовъ раздался призывный крикъ, предупреждающій охотниковъ о появленіи *ниуча*, явившагося тревожить ихъ покой. Когда я возвратился къ тому мѣсту, гдѣ мы причалили, тамъ уже пылалъ громадный костеръ, весело кипѣлъ чайникъ и пеклась на рашперѣ юкала. Долго въ тотъ день разсказывалъ мнѣ Нута о томъ, какъ перевелись кангѣениси, которые «растаяли» при появленіи русскихъ.

Это было давно, такъ давно, что не было на свѣтѣ еще дѣдовъ тѣхъ стариковъ, у которыхъ отъ ветхости на лицѣ борода высыпалась. Тогда по Колымѣ куда

*) *Арангасъ* — старинныя могилы полярныхъ инородцевъ. Могила состоитъ изъ двухъ столбовъ, на которыхъ лежитъ мертвецъ въ выдолбленной лодочкѣ.

люднѣ было, потому что не было еще «нѣучалы эл-леръ», *русскими болѣзней* *), съ которыми не могутъ бороться даже самые сильные шаманы. По берегамъ обоихъ Анюевъ тогда жили семь родовъ кангѣниси. Славные удалыцы были среди нихъ! Весною выѣзжали на промыселъ въ океанъ, схватывались тамъ одинъ на одинъ съ лохматымъ ошкуемъ; но съ сосѣдями они никогда не ссорились. Зачѣмъ же лѣзть съ ножомъ другъ на друга, если въ рѣкѣ и озерахъ сколько хочешь рыбы, а въ гольцахъ звѣрья хватить про всѣхъ? Каждый годъ, когда красный глазъ солнца послѣ двухмѣсячнаго сна выглядывалъ въ первый разъ изъ-за горы, — сходились кангѣниси изъ самыхъ далекихъ юртъ въ одно мѣсто, вотъ за этой горой. Здѣсь жилъ самый старый *оюнъ* (шаманъ) Иллигинъ. Больше, чѣмъ кто бы то ни было изъ его родовичей, онъ видѣлъ на своемъ вѣку, какъ осенью падаетъ снѣгъ и какъ идетъ по рѣкѣ первая шуга. Слово его для всѣхъ было законъ. Во время сбора Иллигинъ правилъ *яснѣхъ* (возліяніе) всѣмъ божествамъ и предсказывалъ, будетъ-ли хорошій уловъ сельдяки въ этомъ году, много ли промыслять дикихъ оленей, не нападетъ ли болѣзнь *копытецъ* на ручныхъ оленей, не захватитъ ли охотниковъ на океанѣ во время промысла лютый вѣтеръ-солонникъ и т. д.

Начало января. Загорѣлся короткій полярный день. Солнце, которое такъ долго не показывалось, выгля-

*) Русскими болѣзнями полярные дикари называютъ оспу и сифились.

нуло и залило снѣжную тундру снопами лучей. Оно появилось какъ божество, окруженное радостнымъ вѣнцомъ, на которомъ, какъ алмазы, сверкали ложныя солища. Возлѣ юрты стараго Иллигина были разбиты сотни коническихъ кожаныхъ палатокъ. Въ каждой изъ нихъ, для тепла, стоялъ еще глухой пологъ, сшитый изъ оленьихъ шкуръ, шерстью внутрь. То кангиениси собрались со всѣхъ сторонъ на праздникъ *исыахъ*. Прибыли даже охотники съ крайняго востока, съ береговъ Великаго океана.

Дѣвушки разрядились по-праздничному: одѣли громадные панцири изъ круглыхъ выпуклыхъ бляхъ поверхъ расшитыхъ раскрашенными оленьими жилами *тынтыховъ* (казакиновъ), взяли за руки и ходили вмѣстѣ, сообщая другъ-другу замѣчанія о молодыхъ охотникахъ. Старухи (большею частью слѣпыя, потому что у нихъ «злой духъ выѣдаетъ глаза») импровизировали пѣсни. Въ нихъ говорилось, что черезъ годъ молодежь опять увидитъ солнце, опять соберется на *исыахъ*, а онѣ, старухи, быть можетъ, будутъ лежать тамъ, на горѣ, на двухъ столбахъ, въ *арангасъ*. Нѣсколько молодыхъ охотниковъ натирали старательно медвѣжьимъ жиромъ громадную толстую шкуру лас-така (бородатаго моржа), чтобы придать ей большую гибкость и эластичность. То готовились къ любимой игрѣ кангиениси, къ главному увеселенію праздника. На шкуру ложился удалецъ, котораго восемь охотниковъ подбрасывали высоко. Искусство состояло въ томъ, чтобы перевернуться въ воздухѣ и стать на ноги. Солнце уже взошло, но мистерія еще не начиналась.

Ждали внуковъ самого Иллигина, лихихъ охотниковъ, которые сегодня должны были возвратиться изъ-далека, съ верховьевъ Колыма, куда отправились они еще по послѣднему льду весною.

— Они! они! Ёдутъ, ёдутъ! — раздались со всѣхъ сторонъ радостные голоса.

Изъ-подъ угора показался рядъ узкихъ, гнутыхъ санокъ, на которыхъ ёдутъ, сидя верхомъ. Упряжные собаки радостнымъ лаемъ привѣтствовали родныя мѣста. Приѣзжихъ окружили со всѣхъ сторонъ. Они вѣдъ знаютъ такъ много, они видали и юкагирь, и ламутовъ. Но печальны и озабочены прихваченныя морозомъ лица охотниковъ. «Почему же ихъ такъ мало: уѣхало семь, а возвратились лишь трое. Гдѣ же остальные? — раздаются тревожные вопросы. Молча, не отвѣчая на разспросы, отпрягли прихавшіе собакъ, привязали ихъ къ вбитымъ приколамъ, сняли съ саней переметы и вошли въ юрту, гдѣ уже ярко пылалъ въ каминѣ огонь.

— Сказывайте! — сказалъ имъ старый Иллигинъ.

— Ничего.

— Что слышали?

— Ничего не слышали.

— Что видѣли?

— Ничего не видѣли.

Это была обычная форма привѣтствія. Послѣ этого молодые охотники сняли дорожныя мѣховыя кухлянки и усѣлись противъ огня.

— Не хорошо мы ёздили, огонёръ (дѣдъ), — началъ старшій внукъ. — У ламутовъ теперь болѣзнь новая. О

такой никто никогда не слышалъ: отъ нея все тѣло покрывается пузырями, а человѣкъ сгниваетъ и сгораетъ въ одно и то же время въ три дня. Прибѣжало съ запада какое-то невѣдомое племя; его не понимаютъ ни ламуты, ни чукчи, ни юкагиры. Называютъ себя *саха* (якуты). Они-то и принесли болѣзнь. Что за племя саха,—мы не знаемъ, только напугано оно сильно. Отъ людей мы слышали, что прибѣжавшіе рассказываютъ ужасы про то, что дѣлается на западѣ, за горами Тасъ-Хаята. Отъ новой болѣзни сгорѣли и четыре нашихъ товарища. Еще, огонёръ (дѣдъ), въ горахъ чудное дерево показалось. Такого никто изъ насъ никогда не видалъ: съ сизой корой, горькой, какъ оленья желчь, съ листьями, которые постоянно дрожать, какъ прибѣжавшіе *саха*. Вотъ попробуй, огонёръ. Мы нарочно для тебя надрали *).

Иллигинъ озабоченно слушалъ рассказъ. Старикъ внимательно изслѣдовалъ кору неизвѣстнаго дерева, затѣмъ глубоко задумался. Новая, страшная болѣзнь, отъ которой человѣкъ сгораетъ въ три дня; невѣдомое племя, напуганное какимъ-то страшнымъ побѣдителемъ; наконецъ, горькая странная кора, — конечно, все это были знаки воли духовъ *горы*. Но что же все это предвѣщаетъ? Тихо стало въ юртѣ. Даже грудные ребятишки, которые ползали по полу съ громадными кусками мерзлой рыбы въ кулачкахъ, — и тѣ притихли. Слышно было лишь, какъ трещалъ въ камелькѣ огонь.

*) Среди полярныхъ дикарей есть легенда, что осина въ краѣ появилась лишь предъ самымъ прибытіемъ русскихъ.

— Доготорь! (друзья), — сказалъ, наконецъ, Иллигинь, — какая-то великая переменѣна должна произойти въ нашемъ краѣ. Къ лучшему ли, или къ худшему это будетъ — не знаю. Позову моего духа-покровителя *эмять*, пусть сведетъ онъ меня на «верхнее мѣсто», на западное небо, спросить боговъ.

Иллигинь сказалъ это и легъ въ углу на шкурѣ бѣлаго медвѣдя и больше уже ничего не сказалъ до самаго вечера.

Всѣ приуныли. Дѣвушкамъ больше всего досадно было, что тревожная вѣсть пришла какъ разъ въ день *ысыэха*, такъ что, пожалуй, можетъ разстроиться въ селѣ.

Самыя пожилыя старухи, всегдашнія *кутуруксутъ* (помощницы) шамана, стали готовить все для предстоящей мистеріи: вынули овальный *тюнюръ* (бубень) и разложили священный кафтанъ — *саыняэхъ*, унизанный символическими знаками. Среди нихъ наиболѣе важными были — *кюньтя*, круглая бляха изъ мамонтовой кости на груди, *абагытэ эмять*, изображеніе со сросшимися руками и ногами, и костяная рыба, *балмъ тимиръ*, привязанная на длинномъ ремнѣ сзади кафтана. Она должна была служить приманкой для духа-покровителя.

На дворѣ угасали между тѣмъ послѣдніе лучи двухъ часовато полярнаго дня. Дѣвушки и молодые охотники бродили печальные: прощай *ысыэхъ*, прощай веселыя пѣсни, бѣгъ въ запуски, подбрасываніе на шкурѣ лх-така! Все прощай! Что-то еще скажетъ сегодня Иллигинь?

Огонь въ чувалѣ все болѣе и болѣе замиралъ. Вотъ вспыхнули на мгновенье полѣна, затѣмъ рассыпались кучей углей, по которымъ забѣгали синіе огоньки. Тѣма, выступившая изъ-подъ наклонныхъ стѣнъ юрты—все болѣе и болѣе тѣснымъ кольцомъ сжимала каминь. Но вотъ и угли догорѣли. Ихъ сгребли и засыпали пепломъ. Темное кольцо слилось, и въ юртѣ стало совершенно черно. Такъ темнѣетъ небо, когда съ океана начинается тянуть солонникъ. По шороху слышно было, что Иллигинъ усѣлся на срединѣ пола. Во тѣмѣ раздался отрывистый, рѣдкій тревожный клетоть горнаго сокола и сейчасъ же замолкъ. Жалобно застонала чайка. Какая-то невѣдомая птица безпокойно заурчала хриплымъ, сдавленнымъ крикомъ. Какъ молнія, прорѣзывающая черныя тучи, пронесся острый звукъ бубна. Казалось, наступала буря. Юрта наполнилась волнами звуковъ. Въ нихъ слышались испуганные голоса тысячи птицъ, мечущихся подъ чернымъ небомъ, предчувствуя бѣду. Чаше и чаше раздавались, какъ раскаты грома, гулкіе удары кололушки, оплетенной ремнями. По нервамъ слушателей пробѣгаль судорожный трепетъ. Сквозь шумъ грозы, сквозь сборный испуганный птичій клетоть, раздался звукъ заклинаній:

— Могучій господинъ! всѣ мои думы исполни! На всѣ желанія согласишься... такъ пѣлъ шаманъ. И звуки долетали едва слышные, откуда-то издалека. Вѣдь только тѣло *оюна* было въ юртѣ, а *іе-кыла* *) его носился

*) По мнѣнію всѣхъ полярныхъ дикарей, въ тѣлѣ шамана живетъ особое существо *іе-кыла*. Во время мистерій, оно уходитъ и

теперь на бубнѣ «на западномъ небѣ», «на горѣ», гдѣ «нѣтъ дня, а все темная ночь, гдѣ все мутно, какъ рыба уха, гдѣ свѣтитъ лицъ мѣсяць на ущербѣ». Тамъ живетъ грозное божество, «начальникъ всѣхъ болѣзней» Чапакъ.

Вдругъ острый, страшный звукъ, какъ ножемъ, ударилъ въ грудь всѣхъ. Раздался лязгъ желѣза и паденіе тѣла на полъ. Помощницы шамана, *кутуруксутъ*, быстро поставили новыя полѣна на шестокъ. Черезъ минуту огненная рѣка съ гуломъ и трескомъ полилась въ низкую, широкую трубу чувала. Въ юртѣ стало свѣтло. Шаманъ безъ чувствъ лежалъ на полу. Это былъ дурной знакъ. У всѣхъ оборвалось сердце. Старухи забили надъ обмершимъ *аюномъ* въ костяныя клепала и прояснили священную формулу:

— Вьется косматая туча; Чапакъ идетъ, грозный, какъ медвѣдь-шатунъ *). Аюнь, проснись!—Иллигинъ поднялся. Онъ былъ блѣденъ. Глаза совсѣмъ стали тусклы. Оюнь медленно завертѣлся передъ огнемъ. Спутанные длинные волосы рассыпались по плечамъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ движенія стали все быстрее, да быстрее. У присутствующихъ захватывало дыханіе, кружились головы отъ этого бѣшеннаго верченія. У старика глаза налились кровью, на губахъ выступила и заклубилась пѣна; съ изумительной для преклоннаго возраста легкостью оюнь подпрыгивалъ на цѣлый аршинъ отъ

странствуетъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ живутъ божества. Іе-кыла въ этихъ странствованіяхъ руководить духъ-покровитель шамана—*эмяты*.

*) *Медвѣдь-шатунъ*—звѣрь, котораго осенью выгнала изъ берлоги медвѣдица. Онъ отличается своею лютостью.

пола. Костяныя бляхи кафтана издавали короткій, тупой, но частый звукъ. Наконецъ, наступила та степень экзальтации, когда шаманъ начинаетъ произносить непонятныя слова, «говорить на языкѣ *хоро*», какъ говорятъ дикари. Съ ужасомъ прислушивались присутствующіе къ этимъ рѣзкимъ звукамъ, которыя, казалось, вылетали, царапая гортань старику. Но вотъ оунъ сразу затихъ, остановился неподвижно и приложилъ ладонь къ уху, какъ бы прислушиваясь къ чему-то, затѣмъ опустился на полъ. У присутствующихъ оборвалось сердце. Иллигинъ горько плакалъ.

— О, доготоръ (друзья)!—сказалъ, наконецъ, онъ, — неволя и смерть ждуть насъ въ будущемъ. Скоро, скоро къ берегамъ нашей рѣки съ запада придетъ могучій побѣдитель. И онъ намъ сдѣлаетъ жизнь постылой и горькой, какъ кора того дерева, которую привезли сегодня охотники. Не будетъ никому пощады. Тѣхъ, кто не падеть отъ руки побѣдителя, поразитъ та страшная болѣзнь, отъ которой горять теперь люди на Колымѣ.

Даже самыя смѣлыя охотники поблѣднѣли и низко опустили головы. Женщины заплакали навзрыдь и отчаяніе, зародившись въ юртѣ, широкимъ потокомъ разлилось по всѣмъ чумамъ.

Прошла зима. Солнце перестало закатываться. Тальники зазеленѣли. Комары погнали оленей съ землянаго берега на каменный. Обыкновенно въ это время берега Анюя кипѣли жизнью; съ шитыхъ оленьими жилами челноковъ раздавались протяжныя, гортанныя скрипучія пѣсни промышленниковъ; у дымокуровъ, разложенныхъ

для защиты отъ комаровъ, гудѣли *гамусы* *), и молодые охотники плясали попарно, показывая, какъ вертятся весною олени-самцы. Теперь не слышно было ни пѣсенъ, ни смѣха, ни веселыхъ голосовъ дѣвушекъ. Да и невольба была совершенно брошена: къ чему же думать о будущей зимѣ, если не знаешь, что будетъ завтра! Опять къ юртѣ стараго Иллигина собрались со всѣхъ сторонъ кангиениси, но только ужъ не для веселаго праздника *иснахъ*. Побѣдители явились. Они уже были на Колымѣ. Каждый день доходили про нихъ новыя вѣсти, одна страшнѣе другой. «Ихъ лица заросли волосами»... «Люди съ запада» имѣютъ въ рукахъ дубины, посылающія издалека громъ и смерть»... «Ихъ ножи изъ какого-то неизвѣстнаго твердаго блестящаго вещества, которое само впивается въ тѣло»... «Сердца побѣдителей крѣпки, какъ лезвія ихъ ножей: никому нѣтъ пощады; лютымъ пыткамъ предаются побѣжденные, выпытываемые, гдѣ у нихъ схоронены рѣдкіе мѣха, да желтый песокъ, о которомъ кангиениси и не слышали». Такъ говорили бѣжавшіе съ береговъ Колымы. И несчастные охотники хотѣли узнать, что посоветуетъ имъ сдѣлать Иллигинъ.

— Доготоръ (друзья)!—началь старый оюнъ (шаманъ), когда всѣ собрались (онъ былъ въ своемъ жертвенномъ кафтанѣ, съ бубномъ въ рукахъ),—доготоръ, наши боги теперь намъ помочь не могутъ: побѣдители пришли съ запада къ намъ искать своего бога, котораго

*) Родъ примитивнаго музыкальнаго инструмента, очень распространеннаго среди полярныхъ дикарей и, судя по находкамъ, вѣроятно, извѣстнаго кангиениси.

они чтуть больше всего. Изъ-за него они примуть всякое мученіе. И, горе намъ! этотъ богъ среди насъ. Вотъ онъ.

И старикъ вытащилъ изъ-подъ полы *сагынака* *) драгоцѣнную шкуру бобра. Сквозь рѣдкіе, длинные; еще не выстриженные волосы ея блеснула, какъ куржа на льдинахъ, сѣдина.

— Станемъ же, доготоръ, просить божество побѣдителей, чтобы оно не позволяло «людямъ съ запада» убивать нашихъ охотниковъ и пытать стариковъ и дѣтей. Несите же всѣ сюда, у кого только божество побѣдителей имѣется въ юртѣ. Не думайте, что его можно спрятать гдѣ-нибудь среди людей: «люда съ запада» такъ преданы своему божеству, что они найдутъ его, даже если-бы мы могли спрятать его въ своихъ внутренностяхъ.

Со всѣхъ сторонъ стали кангѣниси сносить соболей, сѣдыхъ бобровъ и черныхъ, какъ уголь, лисицъ. Была тутъ и шкурка лисицы-огневки, отъ которой въ темнотѣ, если встряхнуть ее, сыплется снопъ искръ. За такую одну шкурку можно было бы отдать нѣсколько сотенъ лучшихъ бобровъ, потому что огневка попадаетъ лишь разъ въ сто лѣтъ. Пушнину уложили въ переметы, поставили на холмъ—и начался праздникъ въ честь божества побѣдителей. Переметы обмазали кровью только-что убитой важенки **), бѣлой; какъ песецъ въ декабрѣ, женщины положили на нихъ лепешки изъ

*) Жертвенный кафтанъ.

***) Оленья самка.

мясной мязки, вмѣстѣ съ оленьимъ жиромъ. Кангиениси мѣшали радостный смѣхъ съ потоками слезъ. Голоса охотниковъ то выводили веселыя пѣсни, то вдругъ начинали дрожать отъ рыданій. Уже солнце перешло съ сѣвера на востокъ; уже «дочь его Юрюнгъ Удаганъ перестала чесать рѣзнымъ гребнемъ изъ мамонтовой кости свои алыя косы въ двадцать пять шаговъ длины» *), ужъ надъ рѣкою заметались чайки,—когда печальный праздникъ прекратился.

— Уготовимъ же богу побѣдителей почетное мѣсто,—сказалъ Иллигинъ. На востокъ отъ юртъ было большое озеро. Никогда не сходилъ съ него ледъ. Даже въ самые жаркіе годы образовывались лишь забереги, куда выходили играть на солнцѣ громадныя щуки. Въ этомъ озерѣ жила Аисытъ, «мать-покровительница», самое доброе божество кангиениси. «Въ богатой кухлянкѣ изъ полосатаго соболя, отороченной росомахой, въ волчьихъ наколѣнникахъ, въ бобровомъ малахаѣ съ заломленнымъ верхомъ» Аисытъ часто выходила изъ озера, чтобы помочь трудно рожающей женщинѣ, чтобы погнать оленей черезъ рѣку и дать охотникамъ богатую добычу и т. д.

Въ гости къ Аисытъ, въ прорубь, опустили переметы съ мѣхами. Рядомъ съ добрымъ божествомъ богъ побѣдителей, конечно, станетъ добрѣе...

Что это? Всѣ вздрогнули отъ ужаса. Ужъ не громъ ли грянулъ? Нѣтъ, гдѣ же грому: вѣдь небо совершенно ясно... неужели же?..

*) Такъ полярные дикари объясняютъ происхожденіе зари.

Вопль смертельнаго ужаса донесся изъ лагеря, гдѣ оставались женщины и дѣти. Не было сомнѣнія: неопредѣленное, страшное наступило... Никто и не думалъ о сопротивленіи. Развѣ есть возможность остановить порывы *солонника*, когда онъ затынетъ осенью? Началось дикое, безумное бѣгство. Такъ мчится прямо въ полынью стадо оленей, когда за нимъ несутся волки...

Сбылось предсказаніе Иллигина. На Анюѣ теперь нѣтъ жилья. Смерть царитъ тамъ гдѣ прежде жизнь кипѣла ключемъ. Отъ кангѣниси остались лишь высокіе *арамасы* (могилы). Тѣхъ, кого пощадила рука побѣдителя, тѣхъ сожгла «красная старуха» *), которую привели съ собою побѣдители. И старуха эта опьянѣла отъ крови, и каждая пять лѣтъ ищетъ, какъ бы опять напиться ею. Теперь она принялась за самихъ побѣдителей. Иллигинъ встаетъ порой изъ-подъ земли и указываетъ старухѣ тотъ поселокъ, гдѣ она найдетъ много крови. И будетъ «красная старуха» мчаться по краю въ своей нартѣ, запряженной кроваво-шерстными собаками, пока на Колымѣ не будетъ такъ же пустынно, какъ и на Анюѣ.

Такъ разсказалъ мнѣ Нута Нухва.

*) Оспа.

ГЛАВА VII.

Отъ Ср. Колымска до Якутска. — Послѣднія минуты въ Ср. Колымскѣ. — Поварня. — У якутовъ. — Полярные французы. — Удивительная честность ламутовъ. — На берегахъ Индигирки. — Встрѣча Рождества. — Хребетъ Тасъ. — Хаята. — *Тарны*. — Метисъ Мартьянъ. — Якутское лѣченіе. — Верхоянскъ. — Мѣстное творчество. — Переваль черезъ Верхоянскій хребетъ. — Новый Робинзонъ въ долині Тумуркана. — Гмелинъ о жителяхъ Якутска.

I.

— Братъ, куда ѣдетъ Яковъ? — спросилъ меня старый колымчанинъ, никуда не выѣзжавшій изъ «Средно».

— Въ Одессу.

Старикъ изумленно и быстро взглянулъ на меня.

— А *Михай* гдѣ жить станетъ, какъ отсюда уѣдетъ?

— Въ Тулѣ. — На лицѣ старика выразилось еще больше изумленія.

— А ты куда поѣдешь?

— Въ Елисаветградъ.

На этотъ разъ лицо собесѣдника выразило изум-

леніе, смѣшанное съ недовѣріемъ. Онъ пожевалъ губами; трудно разрѣшимый вопросъ, какъ видно, не давалъ ему покоя, потому что, въ виду важности момента, старикъ вынулъ даже изо рта «сѣрку», которую жевалъ до сихъ поръ.

— Значитъ, сколько васъ ни есть здѣсь, ни одинъ въ Россію не ѣдетъ? А все куда-то возлѣ,—наконецъ сказалъ онъ. Съ моей стороны послѣдовало длинное объясненіе, что за «Якучко» есть еще много, много городовъ и всѣ эти города находятся «въ Россіи».

Лицо старика выражало полное недовѣріе; казалось, онъ собирался сказать «буйташь!» (т. е. болтаешь), да не рѣшался.

Этотъ разговоръ припомнилъ я теперь, когда и мнѣ пришло время ѣхать въ «Россію», какъ мы, перенявъ колымскую терминологию, называли далекій міръ, лежащій за этимъ поясомъ болотъ и горныхъ хребтовъ. «Una enim veniet, quae dicet tibi abie»—сказалъ мнѣ остающійся товарищъ, присутствовавшій въ «комнатѣ», гдѣ я съ моимъ спутникомъ облачались въ дорожныя амуниціи. Да, четыре года приходилъ этотъ часъ, и теперь, когда онъ наступилъ, шемающее, тоскливое чувство сжимало сердце, и хотѣлось, чтобы наступленіе его замедлилось. А между тѣмъ послѣдніе полтора года, когда я узналъ, что уѣду навѣрное, я высчитывалъ дни... Быстро припомнились теперь отдѣльные моменты этихъ четырехъ лѣтъ. Мы пріѣхали лѣтомъ и очутились въ такомъ же положеніи, какъ Робинзонъ послѣ крушенія. Не было у насъ ни квартиръ, ни запасовъ на зиму, ни дровъ; все это надо было «доспѣ-

вать», выражаясь по-мѣстному, во-первыхъ, самому, потому что лѣтомъ все населеніе было на промыслахъ, и, во-вторыхъ, въ самое короткое время, потому что была уже середина іюля, такъ что черезъ мѣсяцъ могли хватить морозы. Одинъ изъ модныхъ теперь парадоксальныхъ нѣмецкихъ публицистовъ говоритъ, что въ каждомъ изъ насъ есть зародышъ изобрѣтателя; но условія современной жизни атрофируютъ этотъ эмбрионъ въ большинствѣ. Публицистъ былъ, пожалуй, правъ. Прежде всего мы принялись за сѣнокосъ для будущихъ коней, которые должны будутъ намъ доставлять дрова изъ лѣса. Выбрали мы для сѣнокоса громадный *салытеръ* (поемный лугъ), на наиболѣе возвышенномъ мѣстѣ его соорудили шалаши, возлѣ котораго было огнище. Въ пять часовъ утра всѣ, кромѣ одного, уходили на работу. Наши костюмы были смѣсью европейскихъ съ азіатскимъ. Косить приходилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между кочками, по колѣна въ ржавой, холодной водѣ. Наши косари были на славу: атлеты, деревенскіе жители, которые на каникулахъ, для отдыха отъ университетскихъ лекцій, принимались за косу и ходили съ ней съ заправскими косцами «въ первой рукѣ». За то «громадильщики» были типичные представители города: слабосильные, нервныя, никогда не державшіе грабель въ рукахъ. Во второй главѣ я говорилъ уже, что сгребать сѣно на колымскомъ лугу не то, что сгребать его въ «Россіи». Громадильщикъ долженъ каждый разъ вколачивать на кочкахъ колъ около аршина въ вышину и на него надѣвать охапку скошенной травы. Иначе она сгніетъ въ водѣ. Работа-

ющему приходится все время стоять почти по поясъ въ водѣ. И несмотря на тяжелыя условія, работа шла весело, съ пѣснями и шутками. Къ двѣнадцати часамъ дня всѣ начинаютъ поглядывать на «штабъ-квартиру», т. е. на шалашъ, который отстоялъ отъ мѣста работы на версту. Вотъ наконецъ показался дымокъ и глухо перекатился по лугу звукъ выстрѣла, возбуждая необыкновенную суматоху среди чаекъ, вившихся надъ озеромъ. За выстрѣломъ послѣдовалъ «флагъ», т. е. громадный цвѣтной шарфъ, привязанный къ шесту. Это «кашеваръ» зоветъ обѣдать. Меню обѣда очень несложно: это—вареная рыба, безъ соли и безъ хлѣба, и кирпичный чай безъ сахара. Такъ какъ своихъ неводовъ у насъ еще тогда не было, то рыба, большею частью, была «духовитая». Еще хуже бывало, когда и такой рыбы не удавалось купить (всѣ въ городѣ были на заимкахъ); когда приходилось довольствоваться олениною, которую мы брали «подъ натуру» *) у одного обывателя. Боже, что это была за оленина! Когда ее вытаскивали изъ карбаса, всѣ отворачивали носы. Она вся ослизла и покрыта плѣсенью пальца на полтора. Прежде, чѣмъ сунуть ее въ котель, кашеваръ поло-скалъ ее въ озерѣ около получаса. Вода на далекомъ пространствѣ покрывалась тогда отвратительною мутью. Но работа заставляла ѣсть и такое мясо. Послѣ обѣда «побердка» (т. е. отдыхъ) въ часъ, а тамъ—опять на работу до поздняго «вечера», пока надъ озеромъ заволнуется туманъ молочнымъ покрываломъ и смолкнутъ

---

*) Т. е. съ тѣмъ, чтобы зимою отдать оленя же.

крикливыя гагары. Тогда выстрѣль опять сзываль всѣхъ къ ужину, т. е. къ той же рыбѣ и оленинѣ и къ тому же кирпичному чаю. На этотъ разъ «побердка» продолжается дольше. Куряшіе дымятъ своими трубами, набитыми махоркой съ корой, остальные задумчиво глядятъ на огонь, на какую нибудь чудную ничугу съ рыжими боками, которая усядется на гребень шалаша и удивленно смотритъ своими блестящими глазками на невиданныхъ людей. А потомъ сонъ, глубокій, охватывающій мгновенно, такъ что падаешь на оленью шкуру, какъ подстрѣленный. За сѣнокосомъ—кладка печей. Былъ въ Средне-Колымскѣ когда-то сосланъ скопецъ, который смастерилъ около двухъ тысячъ кирпичей сырца (глина здѣсь плохая, смѣшана съ иломъ, такъ что кирпичи не выдерживаютъ обжиганья). Потомъ скопца перевели въ Олекминскъ, а кирпичи лежали безъ употребленія. Мы ихъ скупили и затѣяли сложить изъ нихъ печки, вмѣсто деревянныхъ камельковъ, которыми отопляются обыватели. Нашъ товарищъ, которому предложили «быть печникомъ», никогда не видалъ даже, какъ ихъ кладутъ. До всего нужно было доходить своимъ умомъ. Руководствомъ служили чертежи въ физикѣ Гано. «Печникъ» остался въ городѣ, а остальные уѣхали въ лѣсъ, запасаться дровами на зиму. Съ одной печкой «мастеръ» провозился двѣ недѣли. Ему нужно было самому и воду таскать, мѣсить глину, таскать на плечахъ кирпичи и т. д. Если можно такъ выразиться, это была «теоретическая» печка, правда, нѣсколько кривобокая, съ брюхатыми стѣнками; но печка, которую не только

можно было топить, но которая еще давала много тепла. «Печникъ» сталъ потомъ «специалистомъ», сформировалъ на будущей годъ артель, лѣпившую кирпичи, изъ которыхъ «мастеръ» ставилъ у насъ у всѣхъ камины, русскія печки, «голландки» и т. д. Всѣ онѣ были на одинъ ладъ: неуклюжія, нѣсколько кривобокія, но грѣли хорошо. Ахъ, гдѣ тотъ бардъ, который воспоетъ «кирпичную» артель. Нужно себѣ представить громадную яму, въ которой мѣсятъ глину босыми ногами четыре «артельщика», какъ ихъ называли. Такъ какъ среди нихъ два метафизика, то они ведутъ горячій споръ о томъ, какимъ образомъ переходятъ въ «міръ» первообразы «воли», «существующія подобно кантовскимъ Dingen для себя и въ себѣ». Вдругъ, цитировавшій на память для доказательства своего мнѣнія «Трансцендентальную логику» въ подлинникѣ, въ буквальномъ смыслѣ опускается *въ язь* изъ эмпиреевъ и говорить:

— А что, господа, глина готова?

Забыта метафизика и начинается формировка кирпичей, прерываемая иногда горькой жалобой одного изъ диспутантовъ:

— Господа, у меня форма кирпичемъ подавилась! то есть, кирпичъ не выходитъ. Всѣ эти то грустныя, то веселыя картины, проходили теперь передо мною.

...Уже глубокая осень. А между тѣмъ работы еще много; нужно обмазать избы, вставить въ окна льдины, обледенить домики и наколоть дровъ. Наконецъ все кое-какъ слажено. Теперь есть надежда, что зимою не замерзнешь и не станешь голодать. Съ какою «бѣше-

ною любовью», выражаясь терминомъ уважаемаго Льва Николаевича, накидываешься на книгу, отъ которой были оторванъ нѣсколько мѣсяцевъ. Огрубѣлые, покрытые мозолями пальцы отвыкли отъ пера и плохо держатъ его. Книгъ много. Каждая почта привозитъ вновь выходящія въ Россіи и за границей книги по различнымъ отраслямъ. Родные и друзья не забываютъ. Все это хочется прочесть, усвоить. Настала полярная ночь, не хватаетъ свѣчей; что же, плошка, налитая рыбьимъ жиромъ, служить такъ же хорошо, какъ и свѣча. Эта «бѣшеная любовь» къ книгѣ у самыхъ ретивыхъ работниковъ, лѣпившихъ кирпичи или же ставившихъ печи все лѣто, работавшихъ по 14—15 часовъ въ день, — принимала зимою порой даже болѣзненные формы. Какъ будто боялись потерять минуту. Это была потребность забыть дѣйствительность, пере-нестись хоть мысленно въ такой міръ, гдѣ нѣтъ мертвящей тоски безотраднато настоящаго. Въ самый развалъ зимы, для разнообразія, устраивается «балъ». Миѣ припоминается наиболѣе торжественный, — спектакль, устроенный на Рождество 1890 г. То было *первое* театральное представленіе подъ этой широтою во всей Сибири. Но Боже! какія трудности пришлось преодолѣть! Въ довольно обширной библиотекѣ нашей не было драматическихъ произведеній на русскомъ языкѣ. Нашъ «печникъ», оказавшійся и самымъ рьянымъ театраломъ, вызвался даже, въ компаніи съ другимъ, перевести нарочито для этой цѣли «Le médecin malgré lui» или же «Le Bourgeois gentilhomme»; но кто-то указалъ на пьесу Шедрина «Просители», помѣ-

шенную въ одномъ томѣ съ «Губернскими очерками». Мигомъ разобрали и переписали роли, и «декораторы» (тотъ же «печникъ» и другой, котораго звали поэтомъ) принялись за устройство сцены. Шесты, потребные для нея, росли еще въ лѣсу, костыли и кольца нужно было выковать; нужно было придумать, изъ чего смастерить занавѣсъ, декорации, костюмы, гримировку и, самое важное, какъ выжить изъ будущей «театральной залы» «ночлежниковъ». Нужно сказать, что мы устроили большую избу для специальныхъ цѣлей. Она всегда была полна. Вывалится ли у кого изъ товарищей зимою въ окнѣ льдина, загорится ли камелекъ, или же просто стоскуется и захочетъ быть на міру,—онъ забираетъ свою оленью шкуру и заячье одѣяло и переселяется въ «Павловскій домъ», какъ называли общую избу. Въ моментъ, когда затѣялся спектакль, такихъ ночлежниковъ набралось человѣкъ девять. Нужно было пустить въ ходъ просьбы, наконецъ угрозы вылить на полъ ушатъ воды, чтобы убѣдить постояльцевъ выбраться. Закипѣла работа. Занавѣсъ шить былъ изъ пледовъ, декорации—изъ простынь, цвѣтной бумаги, полосъ синей *дабы* и коленкора. Много хлопотъ было съ мундирами. Одинъ смастерили изъ остатковъ мундира «лѣсника»; но изъ-за другаго чуть спектакль не разстроился. Наконецъ придумали: бумагу пропитали полторахлористымъ желѣзомъ, намазали стеариномъ и выгладили утюгомъ; получилась золотистая бумага, которою обвернули пуговицы длиннаго сѣраго пальто, обшивъ предварительно рукава кумачемъ. Получилась шинель, правда, неопредѣленнаго полка, но несомнѣнно

военная. Кто не захотѣлъ бы признавать ее таковою, былъ бы отчаяннымъ привередникомъ и скептикомъ, но такихъ не было. Три человѣка день и ночь работали на «сценѣ», тамъ же и ночуя. Наконецъ, всѣ приготовления были готовы. Слухъ о спектаклѣ произвелъ потрясающую сенсацію во всемъ Колымскѣ. Болѣе непосредственные обыватели справлялись, позовутъ ли ихъ. Видавшіе же виды, побывавшіе въ Якутскѣ, допытывались, есть ли среди насъ такіе, которые умѣютъ «огонь глотать и по канату ходить». Къ сожалѣнію, мы не могли пригласить обывателей къ себѣ на спектакль. Настало Рождество. Еще съ самаго кануна его къ намъ заходили ряженые, по мѣстному, «мушкированные». Тутъ были или нехитрые мѣстные костюмы: ламута, чукчи, или же нѣчто неопредѣленное, напримеръ: одинъ закутается въ мѣховое одѣяло, шерстью вверхъ, другой одѣнетъ женскую юбку, а на голову тарелку, поверхъ которой наматаетъ платокъ. Мы всегда принимали, всѣхъ «мушкированныхъ», даже ребятишекъ, угошали ихъ, играли для нихъ на скрипкѣ, пока гости плясали. Теперь ряженные особенно добивались попасть къ намъ, чтобы посмотрѣть на «домикъ» (т. е. сцену), о которомъ уже ходили самые фантастическіе рассказы среди обывателей. Посмотрѣть на «домикъ» являлись какъ плебсъ, такъ и представители мѣстныхъ сливокъ. Вотъ и вечеръ спектакля. «Зала» парадно освѣщена десяткомъ стеариновыхъ свѣчей, которыя распорядитель съ величайшимъ трудомъ досталъ въ мѣстной лавкѣ. Собрались зрители, одѣтые «парадно». Какая смѣсь костюмовъ! На одномъ велико-

лѣпный черный сюртукъ, мѣховые шаровары шерстью
вверхъ и чукотскіе *торбаса* (мокасины); на другомъ—
мѣховая *кукашка*, но остальныя части туалета европей-
скія. Только дамы одѣты изящно, по-европейски. Богъ
знаетъ, какъ ухитрились онѣ сохранить европейское
платье, какъ умудрились здѣсь въ Колымскѣ быть
изящными и еще больше выдѣлять азіатчину нашихъ
костюмовъ. А за сценой—суматоха ужасная. Для грима
одинъ изъ зрителей, пламенный поклонникъ сцены,
пожертвовалъ своею великолѣпною черною бородою.
Теперь «печникъ», на этотъ разъ гримировщикъ, изъ
этой бороды наклеиваетъ столярнымъ клеемъ усики
Налетову, усищи—«сентиментальному буяну», клоч-
комъ той же бороды скрываетъ почтенную лысину у
играющаго доктора Шифеля, бѣлитъ Хоробыткину
зубнымъ порошкомъ, тѣмъ же матеріаломъ усердно
пудритъ волосы князю, нацѣпившему уже звѣзду на
черный сюртукъ. А въ перспективѣ стоитъ Петръ Дол-
гій, которому нужно свѣтлыя брови намазать пробкой
и подвести подъ глазами синяки толченымъ синимъ ка-
рандашемъ; за «Петромъ Долгимъ»—Малявка, дальше—
«капитанъ Пафнугъевъ» въ сѣрой шинели неопредѣ-
леннаго вѣдомства, просящій «печника» «сдѣлать его
непохожимъ». Суфлеръ поправляетъ синіе очки и за-
являетъ, что сегодня у него «глаза рогомъ на лобъ
вылѣзутъ», такъ какъ свѣта мало, а еще свѣчу взять
нельзя, потому что можно надѣлать пожаръ. Раздается
третій звонокъ (для торжественнаго случая, его сняли
съ собачьей упряжи) и крикъ режиссера: «подай за-
навѣсъ!» Спектакль начался. А послѣ него «балъ» съ

танцами и параднымъ угощеніемъ изъ ржанаго пирога съ жирной кониной и чаемъ съ сахаромъ. Кончился вечеръ. Опять потянулись безконечные зимніе мѣсяцы и суровая работа лѣтомъ...

И вотъ теперь, незамѣтно какъ-то (такъ теперь мнѣ кажется) наступилъ часъ отъѣзда... Я задыхаюсь въ мѣховомъ жилетѣ, мѣховой курткѣ, кухлянкѣ*), двойномъ малахаѣ, мѣховыхъ шароварахъ, двойной парѣ мѣховыхъ чулковъ и такихъ мокалинахъ. Одежда легка и удобна, но я обливаюсь потомъ, такъ парить она. Наступилъ торжественный моментъ прощанья. Лица, которыхъ я видалъ двадцать разъ въ день, люди, съ которыми много лѣтъ у меня были общіе интересы, — стануть черезъ часъ для меня чуждыми. Быть можетъ, я ихъ никогда больше не увижу.

— Сообщите, смотрите же, что дѣлается на свѣтѣ, — говоритъ одинъ. «Поэтъ» читаетъ отрывокъ своего стихотворенія, которое только-что написалъ мнѣ на дорогу:

«Мысль его летитъ, какъ птица,
Но видѣній караванъ
Впереди далеко мчится,
Колыхаясь, какъ туманъ.
И за ними вслѣдъ примчалась
На родимый край она:
Все ли тамъ еще осталось,
Какъ въ былыя времена?
Такъ ли утро пламенѣтъ,
Такъ ли блещетъ сводъ небесъ.
Такъ ли поле зеленѣтъ
И шумитъ дремучій лѣсъ?»

*) Мѣховая рубака, шерстью внутрь, съ капюшономъ.

Эти стихи выражают мнѣ чувство, которое теперь тоскливо роится въ груди у всѣхъ остающихся. Мой товарищъ, уѣзжающій со мною, взволнованъ; мнѣ кажется даже, что слеза катится у него по щекамъ изъ-подъ очковъ. Хлопотливо суетится Митрофанъ Дауровъ, обыватель, нашъ попутчикъ до самаго Якутска. У избы нѣсколько нартъ, запряженныхъ конями. На нартахъ сложены сумы съ сухарями и замороженными кусками мяса,—запасъ на 50 дней пути. Вѣдь это настоящая полярная экспедиція. Теперь какъ разъ декабрь и сегодня термометръ показывалъ—52° Ц.

— Прощайте! прощайте!

Нарты тронулись. На дворѣ уже глухая ночь. Отчаянно заливаются собаки, какъ бы желая провить намъ прощальный суровый полярный гимнъ страданія и холода.

— Прощайте!—издали донеслось до насъ. У меня, къ щемящему чувству разлуки съ близкими людьми, присоединяется еще что-то другое. Съ стѣсненнымъ сердцемъ оставляю я городъ, гдѣ я провелъ лучшіе годы жизни. Такъ бываетъ жалко покинуть мѣсто, гдѣ остались могилы самыхъ дорогихъ существъ. И у меня въ Средне-Колымскѣ остались дорогія могилы, потому что тамъ похоронены моя юность и свѣжесть моя. Прощай навсегда край холода и голода, край вырожденія; но вмѣстѣ съ тѣмъ край, въ угрюмой природѣ котораго есть своеобразная, дикая красота, которую никогда, никогда не забудетъ тотъ, кто хоть разъ ее видѣлъ.—Мы ѣдемъ уже узкой лѣсной тропой, и нарты подпрыгиваютъ на замерзшихъ кочкахъ. Въ ту ночь

намъ предстояло сдѣлать немного: всего лишь десять верстъ, до «калтуса» (болота), возлѣ котораго стоитъ юрта знакомаго якута Михайлы. Уже таковъ обычай въ Колымскѣ, что всѣ уѣзжающіе отсюда: купшы, исправникъ или же другіе, ночуютъ здѣсь. Намъ ли было мѣнять это, въ особенности, если на завтра, на тѣхъ же коняхъ, предстоялъ намъ громадный переѣздъ до «поварни»?

II.

Бѣлесія сумерки полярнаго дня. Въ воздухѣ сильный туманъ, выжатый лютымъ холодомъ. Съ ранняго «утра», т. е. съ того времени, какъ «потухъ огненный глазъ небснаго пастуха Чолбона» (утренняя звѣзда), мы плетемся гуськомъ по цѣльному снѣгу, на которомъ не только не видать никакихъ слѣдовъ, но даже недавній вѣтеръ покрылъ его на озерахъ и открытыхъ мѣстахъ правильными «застругами» *). На нихъ нарту укачиваетъ какъ на волнахъ. Запряжка стоитъ того, чтобы ее описать. Головки полозьевъ соединены «бараномъ», т. о. тальниковымъ обручемъ, къ которому на ремнѣ привязанъ конь. На немъ верхомъ сидитъ проводникъ. Пока ѣдемъ по ровному мѣсту, неудобна лишь медленная ѣзда; но вотъ пошелъ крутой косо-горъ. Проводникъ погналъ коня во весь опоръ. Сзади прыгаетъ по кочкамъ, задѣваетъ за кусты, сгибаетъ

*) *Заструги*, — волнообразныя выбоины, образуемыя на снѣгу полярными вѣтрами. Такъ какъ теченіе ихъ необыкновенно правильно, то на гундрѣ, какъ по компасу, по застругамъ опредѣляютъ страны свѣта.

тонкія деревца ваша нарта. Держитесь крѣпче. На иномъ камнѣ нарта подпрыгнетъ на полъяршина; дальше тальникъ хлестнетъ по лицу, а конь мчится во весь опоръ, потому что если онъ остановится хоть на мгновѣніе—нарта ударитъ его по ногамъ, онъ начнетъ лгать, и тогда живѣе прыгайте изъ саней, не разбирая, что покатитесь по откосу въ нѣсколько саженой. Наконецъ нарты «благополучно» спустились на озеро, при этомъ онѣ обязательно переворачиваются, и конь нѣкоторое время еще тащитъ васъ по снѣгу. Но это пустяки. Худо то, что до поварни 45 верстъ, а кони плетутся «ступью», т. е. дѣлаютъ лишь по пяти верстъ въ часъ. Морозъ за 9 — 10 часовъ проберетъ всякую кухлянку, всякіе торбасы и чулки. Единственное спасеніе — соскакивать съ нарты и идти пѣшкомъ. Мы, вѣроятно, страшно надоѣли въ тотъ день проводникамъ, допытываясь все: «хасъ хала?» (сколько осталось). А задавать этотъ вопросъ мы начали чуть ли не черезъ часъ послѣ выѣзда изъ юрты Михайлы. Уже сгустилась ночь; уже сквозь морозную мглу показались на небѣ «семь старцевъ, вышедшихъ ковать серебряную чашу для красавицы Кюнь-кысь, дочери солнца» (Большая медвѣдица), а поварня Эселяхъ все не показывалась. На наши вопросы мы получали однообразный отвѣтъ: «ыряхъ» (далеко!). Оставалось покориться, т. е. лечь на нарту, закутаться въ мѣховое одѣяло и ждать. Я никогда не забуду этой ночи, проведенной въ дологъ. Мы ѣхали безконечной тайгой. Она то разступалась, давъ мѣсто «бадарану» (болоту), полузанесенныя кочки котораго ежеминутно грозили опрокинуть

нарты, или же круглому озеру, съ почти отвѣсными берегами. То ряды деревьевъ плотно сближались, оставивъ мѣсто для тропы, едва достаточной для проѣзда. Въ иныхъ мѣстахъ тайга неожиданно переходила въ густой подлѣсокъ. Вѣтви тальника плотно сплелись и часто больно ударяли по лицу, когда мы ихъ отводили въ сторону нашимъ проѣздомъ. Подвигаться впередъ становилось все труднѣе да труднѣе. Усталые кони съ трудомъ выволакивали нарты, не смотря на поощрительные крики проводниковъ: «эть! эть!» Подулъ откуда-то сорвавшійся вѣтеръ. Стало очень холодно. Ночь сгушалась; только на юго-западѣ блѣлѣ еще кусокъ неба, пропитанный зеленоватымъ свѣтомъ. Тайга принимала сказочную обстановку. Куски потемнѣвшаго неба, проглядывавшіе сквозь вѣтки, казались арками, а очерчивавшіе ихъ высокіе, стройные стволы лиственницъ—колоннами исполинскихъ зданій. Слабый свѣтъ безлунной ночи, сконденсированный снѣгомъ, казался значительно ярче и поэтому земля, казалось, была залита луннымъ свѣтомъ, который игралъ на стѣнахъ призрачныхъ дворцовъ. Нужно было долго и внимательно всматриваться, чтобы на мигъ нарушилась иллюзія. Черезъ минуту опять съ боку высятся исполинскіе дворцы со стройными арками, высокими колоннами съ хитрыми капителями. Опять кажется, что на блѣлыхъ стѣнахъ этихъ громадныхъ палаццо играютъ блѣдныя отраженные лучи луннаго свѣта... И не стараешься разрушать иллюзію, а, напротивъ, даешь широкій просторъ фантазіи, которая услужливо переноситъ сейчасъ впередъ изъ этой пустыни за многія

тысячи верстѣ. Тропа становилась все болѣе и болѣе извилистой. Она змѣилась, продираясь между тѣсныхъ рядовъ деревьевъ. Проводники непрерывно перекликались между собою, и имѣ таинственно отвѣчало гдѣ-то далеко въ тайгѣ сухое, отрывистое эхо... Кони остановились перевести духъ... Наступила тишина. Напряженное ухо чутко ловило раздававшіеся порой таинственные «лѣсные звуки». Вотъ что то завывло въ тайгѣ; гдѣ-то слышенъ трескъ кустарниковъ, черезъ которые продирается «что-то». Чудится, будто «оно» подкрадывается и гдѣ-то совсѣмъ близко...

Черные пни вырванныхъ съ корнями деревьевъ приняли фантастическія очертанія. То они казались сидящимъ медвѣдемъ, то Суодалба Аттахтахъ, уродливымъ чудовищемъ изъ якутской «олонхо» (былины), «съ тремя ногами на пупѣ»,—тѣмъ чудовищемъ, что зорко хранитъ волшебный камень «Сата», «могущій дряхлаго старика обратить въ крѣпкаго юношу»... Жутко... Мысль цѣпенѣтъ; нападаетъ полупетаргическое состояніе. Теряется способность ориентироваться, гдѣ находишься.

— Даже мана! (вотъ поварня!)—раздается веселый голосъ проводника. Мы на ночлегѣ въ «медвѣжьей» поварнѣ, гдѣ, какъ меня увѣряли въ Колымскѣ, «преждешибко чудило» (было неладно). Поварня—это низкій срубъ, съ плохо притворяющеюся дверью, плохо обмазаннымъ деревяннымъ камелькомъ, грозящимъ пожаромъ. Поварня пустуетъ отъ одного до другаго проѣзда рѣдкихъ путешественниковъ. Какъ ни неприглядна поварня,—она единственный пріютъ въ этой полярной

пустынь. И какъ страстно выглядываешь это жильё троглодита послѣ долгихъ часовъ, проведенныхъ на морозѣ. Ямщики быстро накололи дровъ (высохшихъ на корню деревьевъ возлѣ поварни цѣлый лѣсъ), развели огонь въ каминѣ, притащили съ сосѣдняго ручья глыбу льда, набили имъ чайникъ. Черезъ полчаса температура въ поварнѣ поднялась настолько, что можно было рискнуть снять кухлянку и мѣховой «ошейникъ» (боа), отъ котораго предварительно нужно было отрывать примерзшую бороду. Распакована «расходная» сума съ провизіей, изъ которой валить морозная струя, добыть кусокъ хаяка*), къ которому прилипаютъ пальцы, до такой степени онъ холоденъ; но чего не дѣлаетъ привычка! Не щадя зубовъ, грызешь хаякъ, запивая его горячимъ чаемъ, и «блаженная» теплота разливается по всему тѣлу. Пока пылаетъ въ каминѣ огонь, въ поварнѣ «тепло», т. е. передъ огнемъ градусовъ 8 тепла, а на нарахъ вдоль стѣнъ столько же градусовъ мороза. Но лишь только огонь упалъ, температура въ поварнѣ падаетъ градусовъ до 12—15 ниже нуля. Въ силу этого, огонь приходится поддерживать цѣлую ночь... Выпить чай. Въ это время подоспѣлъ ужинъ, кусокъ жирнѣйшей кобылятины; проводники отпустили коней, которые уже прекрасно приспособились къ мѣстному климату и не знаютъ никакого другаго корма, кромѣ подножнаго. Подъ заячьимъ одѣяломъ тепло, и сонъ не заставляетъ себя ждать. Бѣда лишь одна. Зная, что европейцы болѣе чувствительны къ холоду,

*) Хаякъ—замороженные сбитыя сливки, вмѣстѣ съ пахтаемъ.

якуты засыпаютъ, какъ зарѣзанные, рассчитывая совершенно вѣрно, что не имъ придется вставать, чтобъ поддержать огонь. Проснешься ночью отъ лютаго холода градусовъ въ 18. Все одѣяло «закуржавѣло»*), а уголь, покрывавшій голову, даже обледенѣлъ. Огонь въ каминѣ совсѣмъ замеръ и едва тлѣютъ нѣсколько искръ, покрытыхъ сизымъ пепломъ. Приходится обратиться изъ-подъ одѣяла, подложить дровъ и раздуть огонь. При этомъ проводники-якуты такъ подозрительно храпятъ, что не остается почти сомнѣнiя, что хитрецы не спали и ждали терпѣливо, пока холодъ заставитъ другихъ сдѣлать работу. На утро опять такой же безконечный переѣздъ до слѣдующей поварни. Утомленные кони плетутся еще медленное и дѣлаютъ уже лишь по четыре версты въ часъ. «Станки» по якутскому тракту отстоятъ другъ отъ друга на разстоянiи 150—300 верстъ. Держать ихъ обыкновенно богатые кущи, живущiе сами въ городѣ; «станцiей», т. е. одинокой юртой, закинутой въ тайгѣ, заправляетъ «джагабуль»—якутъ или же ламуть. Состоянiе «станковъ» крайне жалкое. «Кочта», т. е. средствъ передвиженiя, очень мало, а какой имѣется, обрѣтается въ плохомъ состоянiи. Кони и олени заморены, потому что содержатель возитъ на нихъ свою кладь. На многихъ «станкахъ» приходится дожидаться 2—3 дня, пока скотина «поправится». Въ 1888 г., когда я ѣхалъ въ Ср. Колымскъ, на ст. Тастахъ, я просидѣлъ въ глухой тайгѣ 22 дня. Путешественнику рекомендуется

*) Куржа—иней.

забирать провизіи какъ можно больше, потому что, по милости содержателей станковъ, онъ можетъ очутиться совершенно безъ всякихъ запасовъ въ 20 дняхъ разстоянія отъ жилья, какъ и было со мною въ 1888 г. Къ концу года, за маленькое вознагражденіе, содержатель станковъ получаетъ изъ окружныхъ правленій удостовѣреніе, что станціи содержались въ идеальномъ порядкѣ, и опять начинается пытка для ѣдущихъ съ почтой и для рѣдкихъ туристовъ. Купшы оттираютъ своими «связями» въ окружныхъ правленіяхъ инородцевъ отъ содержанія станковъ. Тамъ, гдѣ станція принадлежитъ якуту, тамъ порядокъ дѣйствительно идеальный: кони крѣпкіе, олени жирные и въ достаточномъ количествѣ.

Лишь на четвертый день мы добрались до «Малой», первой станціи отъ Ср. Колымска. Какъ жадно выглядели мы юрту послѣ трехъ ночлеговъ въ поварняхъ! Я и товарищъ мой глаза проглядѣли, высматривая, не покажется ли надъ деревьями снопъ искръ. Сотни разъ мы принимали за нихъ какую-нибудь звѣзду, загоравшуюся краснымъ пламенемъ. Наконецъ въ темнотѣ смутно вырисовались формы юрты, похожей на снѣжный бугоръ. Заслышавъ пріѣзжихъ, якуты выбѣжали, дружелюбно помогли вылѣзть изъ саней и оказали еще большую услугу, *втокнувъ* въ широко приподнятую дверь. Это нужно понимать буквально. Полный полярный костюмъ дѣлалъ насъ необыкновенно широкими, и безъ подталкиванія сзади намъ нечего было и думать пролѣзть въ двери. Мы въ юртѣ. Насъ охватываетъ острый запахъ коровника. Гдѣ-то изъ-за камина глухо и флегматично

мычить корова. Два пестренькихъ теленка положили головы на хребты другъ другу и изумленно смотрятъ на насъ. По юртѣ суетятся женщины, спѣшасія увеличить огонь и вскипятить наши чайники. Послѣ холода и поварень, — юрта кажется намъ идеальнѣйшимъ жилищемъ въ мѣрѣ. Хозяева помогаютъ отодрать примерзшую къ «ошейнику» бороду и вылѣзти изъ кухлянки. О, это операція нелегкая съ непривычки! Потомъ надо переменить обувь, стащить верхніе мѣховые шарорары и лишь послѣ этого подходишь къ камину, въ которомъ гудитъ и волнуется огромный огненный потокъ, убѣгающій въ низкую и широкую трубу. Подоспѣлъ чай. Мы зовемъ всю публику, ставимъ тарелку съ ржаными сухарями и кусочками сахара. Любопытна коллекція посудинъ, являющаяся тутъ на сцену. Иной якутъ пьетъ изъ деревянной чашки, другой изъ тарелки, изъ черпака, изъ обломка помадной банки, Богъ вѣсть какимъ чудомъ очутившейся здѣсь, наконецъ изъ сковороды, не стѣсняясь нисколько тѣмъ, что на ней слѣды рыбьяго жира. Нашъ попутчикъ, Митрофанъ Дауровъ, въ концѣ-концовъ выработалъ стереотипную фразу приглашеній, которую, какъ видно, ему доставляло величайшее удовольствіе произносить громогласно: Чашка турорумъ, чай кутомъ! (Ставьте чашки и наливайте чай). Брезгливому туристу нужно посовѣтовать отвернуться послѣ обѣда, чтобы не видѣть, какъ якуты вычищаютъ его котель. Хозяйка вначалѣ выбираетъ всѣ кости, которыя раздаетъ дѣтямъ, затѣмъ выпребетъ плоской роговой ложкой остатки, насколько это возможно. Но на стѣнкахъ котелка и на днѣ его остались

еще слѣды пищи, слѣды, не поддающіеся дѣйствию никакой ложки. Этому горю легко помочь; въ дѣло пускаются пальцы, чистотой которыхъ якуты похвататься не могутъ. Наконецъ и палецъ пересталъ уже захватывать что нибудь, но якутъ подозрѣваетъ еще существованіе питательныхъ частицъ на стѣнкахъ. Настаетъ очередь дѣйствовать языку. Это—дѣло дѣтей. Какой-нибудь краснощекій, косоглазый Буксанъ или Омукчанъ, или же Ытынякъ, подъ коротенькимъ плоскимъ носикомъ которыхъ хоть рѣпку сѣй, всовываетъ свою лохматую головку въ котель и принимается добросовѣстно вылизывать его. Послѣ этой послѣдней операціи, можно идти на пари, что въ котелкѣ нѣтъ болѣе и признаковъ пищи. Эта не совсѣмъ пріятная операція продѣлывается всегда, даже тогда, когда вы накормили якутовъ и дали имъ еще маленькій запасъ.

Съ томительнымъ однообразіемъ тянулись первые тринадцать дней путешествія. Та же мучительная «ступь» копей, тотъ же бѣшенный галопъ подъ гору, тѣ же повари или юрты. На четырнадцатый день мы перевалили черезъ Алазейскій хребетъ, границу Колымскаго округа. Подъемъ на хребетъ отлогій, да и сами горы ничего любопытнаго не представляютъ,—это скорѣе рядъ холмовъ. Слѣдуя мѣстному обычаю, мы навязали по тряпочкѣ на шею, стоявшемъ на вершинѣ. Тутъ были привязаны бѣлоснѣжныя крылышки куропадокъ, цвѣтныя ленточки, пучки конскихъ волосъ. Это были все жертвы *Дайдынъ Ичиге*, «Хозяину мѣста», т. е. духу горы. Такъ какъ подъемъ на хребетъ легкій, то якуты не находятъ нужнымъ слишкомъ баловать жертвопри-

ношеніями здѣшняго «духа горъ», находя, что онъ и безъ того добръ. То ли на страшномъ Верхоянскомъ хребтѣ, гдѣ купцы, какъ и дикари, бросаютъ Дайдынъ Ичите деньги, куски топленаго масла и жира и т. д. До станка оставалось еще 70 верстъ. Тамъ должны были кончиться наши мученія, потому-что вмѣсто коней всюду дальше передвиженіе производится на оленяхъ. Чтобы скорѣе добраться до станка, мы рѣшили выбрать трехъ лучшихъ коней и поскакать верхомъ, а кладь оставить плестись на остальныхъ коняхъ. Митрофанъ, не разъ проѣзжавшій этою дорогою, вызвался быть нашимъ проводникомъ. Вѣроятно, въ нашемъ полярномъ мундирѣ, на высокихъ якутскихъ сѣдлахъ, на косматыхъ, уродливыхъ коняхъ, мы были не особенно граціозными кавалеристами. Но кони были крѣпкіе и шли хорошей рысью. Бѣльшаго мы не требовали. Уже на небѣ показался и исчезъ серебряный рогъ молодика, уже высоко поднялись «три короля» (Оріонъ), когда наконецъ мы добрались до юрты. Оттуда выбѣжало нѣсколько ламутовъ, въ ихъ граціозныхъ, шитыхъ бисеромъ костюмахъ. Послышались ритмическіе звуки ламутскаго языка, прерываемые иногда гортанными, рѣзкими словами якутскаго. Конецъ мученіямъ! Завтра мы ѣдемъ на оленяхъ, на которыхъ намъ предстоитъ сдѣлать 2 тысячи верстъ. Съ трудомъ спускаюсь я съ коня, такъ какъ спина застыла, а ноги затекли. «Джагабылъ»-ламуть, безъ малахая, не смотря на морозъ, съ разсыпанными до плечъ черными волосами, скрестивъ на груди руки, кланяется и приглашаетъ войти въ широко распахнутую дверь...

III.

Покойный Ив. Дем. Черскій называлъ ламутовъ «французами съвера». Дѣйствительно, кличка эта очень удачна. Ламуты любятъ и умѣютъ наряжаться; въ то время, какъ якутскій «керегемсяхъ» (шеголь) очень неуклюжъ въ своемъ національномъ кафтанѣ съ широчайшими буфами, — костюмъ ламута эффектенъ и носитъ театральнй характеръ. Верхнй мѣховой кафтанъ — *кынтмакъ* — сшитъ въ талию и отороченъ бахромой изъ разноцвѣтнаго мѣха. Изъ-подъ *кынтмака* видѣнъ родъ передника, *налекынъ*, — наиболѣе характерная часть ламутскаго туалета. Налекынъ сдѣланъ изъ шкурокъ выпоротка и расшитъ узорами изъ бисера и окрашенных оленьихъ жилъ. Хитрымъ бисернымъ узоромъ расшитъ *ою* (мѣховой колпакъ) и *унта*, высокіе мокасины до пояса. Талія стянута наборнымъ поясомъ, на которомъ виситъ охотничій ножъ, пороховница и мѣшокъ съ пулями и *искажъ*, щипчики для выдиранія волосъ, если покажутся на бородѣ. Ламутъ всегда веселъ, готовъ плясать, подражая разыгравшимся оленямъ. Съ однимъ ножомъ идетъ онъ на медвѣдя, котораго якуты признаютъ божествомъ. Лицо ламута, темно-кирпичнаго цвѣта, открыто и выражаетъ сознаніе собственнаго достоинства. Честность этого народа поразительна. Колымскіе купцы вѣрятъ на-слово совершенно незнакомому ламуту и знаютъ, что слово его крѣпче всякихъ документовъ. Если ламутъ сказалъ *да*, то нѣтъ такихъ причинъ, которыя заставили бы его сказать *нѣтъ*. Я

приведу одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ. Колымскій купецъ Б. ведетъ исключительно торговлю съ ламутами. Они ежегодно являются къ нему даже съ береговъ Охотскаго моря и забираютъ порохъ, свинець, чай и табакъ. Такъ какъ ламуты считать не умѣютъ, то Б. на лоскуткѣ бумаги отмѣчаетъ на какую сумму забралъ дикарь. Лоскутокъ хранится у ламута. Этимъ дѣло кончается. Черезъ годъ дикарь привозитъ Б. бѣлокъ, лисиць и медвѣдей, показываетъ записку купцу, который и отбираетъ себѣ шкуры за долгъ. Случается, что на другой годъ ламутъ не является, но купецъ спокоенъ: онъ знаетъ, что неаккуратность объясняется двумя причинами: или ламутъ забрался въ такія дебри, куда еще никогда не заглядывалъ европейецъ, или же промыселъ былъ плохъ. Черезъ два, черезъ три года ламутъ опять является, приноситъ самъ свой вексель и съ лихвою вознаграждаетъ купца. Былъ такой случай. Ламутъ взялъ товаръ у дѣда Б. Прошло много лѣтъ, ламутъ не показывался. Черезъ 35 лѣтъ внукъ должника явился къ внуку кредитора съ полуистлѣвшимъ лоскуткомъ въ рукахъ, на которомъ съ большимъ трудомъ можно было разобрать полуистлѣвшія чернила. Оказалось, что кланъ, къ которому принадлежалъ должникъ, бѣжалъ отъ оспы въ самый глухой уголь края. Въ живыхъ осталось всего 2 — 3 человека. Терпя страшную нужду, они перебивались безъ пороха и свинца въ какихъ-то неизвѣстныхъ горахъ. Черезъ много лѣтъ внукъ должника наконецъ добылъ столько мѣховъ, что, по его мнѣнію, могъ уплатить купцу. Тогда, частью пѣшкомъ, частью верхомъ на

олень, онъ пространствовалъ много недѣль, пока добрался до Средне-Колымска съ пожелтѣвшимъ лоскуткомъ бумаги, который поручилъ ему передъ смертью дѣдъ. Къ сожалѣнію, оспа и водка быстро истребляютъ этихъ аборигеновъ края. Рядомъ съ истребленіемъ идетъ быстрое обнищаніе ихъ. Теперь почти перевелись богачи, имѣющіе стада въ тысячу оленей. Нужда заставляетъ этихъ вольныхъ дѣтей горъ идти въ «джагабылы» на станки, хотя дѣлаютъ они это съ крайнею неохотою.

Клапротъ въ своемъ сочиненіи «Asia polyglotta» говоритъ о китайскомъ происхожденіи ламутовъ. Онъ говоритъ, что самое слово «ламутъ» происходитъ отъ китайскаго слова «ламъ» (море) и означаетъ народъ, живущій у моря (Охотскаго). Во многихъ курсахъ этнографіи ламуты, тунгусы и юкагиры подводятся подъ одну группу. Это ужь совсѣмъ не вѣрно. Трудно найти на земномъ шарѣ еще два такихъ народа, которые бы жили рядомъ другъ съ другомъ и въ то же время представляли бы такую рѣзкую разницу въ языкѣ, преданіяхъ, нравахъ и т. д. А между тѣмъ причисленіе ламутовъ и юкагировъ къ вымершему «омокскому» племени дѣлается до сихъ поръ *). Сами себя ламуты

*) Приведу маленькую сравнительную таблицу языковъ трехъ племенъ, живущихъ рядомъ: якутовъ, ламутовъ и юкагировъ. Между самыми обыкновенными словами нѣтъ никакого сходства:

	По-якутски:	По-ламутски:	По-юкагирски:
Богъ:	тангара	сеауке	хайль.
Отецъ:	ага	амбанъ	этая.
Мать:	іе	пни	амя.

называютъ «бвынъ», а якуты ихъ именуютъ «омукъ», т. е. чужеземецъ, хотя послѣдніе съ большимъ правомъ могли бы примѣнить это названіе къ первымъ.

Однообразная снѣжная равнина. Кое-гдѣ виднѣются вѣхи, т. е. побѣлѣвшіе олени рога, привязанные къ кусту тальника, или же покачнувшійся крестъ. Мы мчимся гуськомъ на нартахъ, запряженныхъ оленями. Ламутъ, сидя бокомъ на санкахъ, спустивъ ноги на полозъ, управляетъ длиннымъ караваномъ, погоняя оленей особымъ свистомъ. Какъ измѣнилось здѣсь мѣсто! Я проѣзжалъ здѣсь четыре года назадъ лѣтомъ, и тогда это было громадное болото, на которомъ, Богъ вѣсть по какимъ примѣтамъ, проводникъ опредѣлялъ дорогу и мѣста, гдѣ можно проѣхать, не рискуя утонуть. Онъ всегда предупреждалъ не отставать отъ него ни на шагъ. Предупрежденіе необходимое, потому что мой товарищъ отсталъ и три дня блуждалъ, пока его не нашли проводники, истомленного голодомъ, искусаннаго комарами, потому что возлѣ костра товарищъ спалилъ нечаянно шапку и сѣтку. Вотъ и рѣчка Элѣгъ-Нѣхъ, въ которой четыре года тому назадъ я чуть не утонулъ: теперь, зимою, лишь крутые берега обозначаютъ ее. А лѣтомъ! И я вспомнилъ эту памятную для меня переправу. Какъ всѣ горныя рѣчки, Элѣгъ-Нѣхъ стремительно быстра.

Снѣгъ:	уола	яренута	ангу.
Человѣкъ:	киси	ба	горомма.
Женщина:	джахтаръ	ашиву	алвадей.
Солнце:	кюнь	нюлтанъ	элонта.
Луна:	ый	байге	киинта.
Звѣзда:	сулусъ	осіакать	мрунсунга.

Въ двадцати саженьхъ ниже она впадаетъ въ широкую рѣку Селеняхъ. Бродъ былъ глубокой. Вода доходила до сѣдла. Нѣкоторые кони были уже на берегу, другіе—карабкались на обрывъ. Я стоялъ въ водѣ. Нужно сказать, что при переправѣ черезъ стремительно-быстрыя горныя рѣки, нужно держать коня такъ, чтобы теченіе ударяло ему грудь. Въ эту минуту лошадь впереди меня сорвалась съ обрыва и упала. Грузъ, бывшій въ переметахъ, полетѣлъ въ воду. Одна сума, со всею провизіей, пошла ко дну; другая, легкая, съ нашею аптекой, понеслась по теченію мимо меня. Я нагнулся, что-бы схватить ее, но при этомъ нечаянно потянулъ за поводъ. Теченіе подхватило меня и понесло внизъ, гдѣ былъ глубокой обрывъ. Измученный конь сталъ тонуть. Оставалось спуститься съ сѣдла и пуститься самому вплавь. Сапоги налитые водою, тянули, какъ гири, ко дну. Къ счастью для меня, берегъ былъ близокъ... За то съ какимъ удобствомъ переѣзжали мы рѣку теперь! Да, если путешествовать по полярной тундрѣ, то только зимою. Холодъ, ночлеги въ поварняхъ, утомительные переѣзды—все это пустяки въ сравненіи съ разлившимися рѣками, съ комарами да съ глубокими болотами. На пятнадцатый день пути мы прибыли на берегъ Индигирки. Въ одинокой юртѣ, дожидаясь, пока передохнуть олѣны, мы встрѣтили Рождество. Якутки надѣли поверхъ обыкновенныхъ кожаныхъ балахоновъ — длинныя рубахи изъ пестраго ситца, внесли охапки сѣна, которое разостлали по полу. Самый старый якутъ прилѣпилъ къ «билерику» (почетному углу) тоненькій огарокъ восковой свѣчки. Въ «билерикѣ» на

задымленномъ кускѣ бѣлой бумаги прикрѣвленъ былъ самодѣльный крестикъ. Всѣ въ юртѣ, старики, старухи, взрослые, подростки и малыя дѣти, стали въ рядъ передъ «билерикомъ». Старикъ перекрестился и сталъ неподвижно. За нимъ перекрестились остальные и тоже остановились. Потомъ старикъ опять перекрестился и сказалъ: «Кристось!» То-же повторили остальные. Вотъ всѣ молитвы, которыя знаютъ эти дикари. Постоявъ неподвижно, старикъ потушилъ свѣчку, затѣмъ дикари пожали намъ и другъ-другу руки и начался банкетъ: хозяйка сварила нѣсколько зайцевъ и куропатокъ. «*Sol poccus origini!*» — напомнилъ я товарищу первую строфу гимна, распѣваемаго теперь во всѣхъ католическихъ странахъ. Когда же это солнце правды и любви засіяетъ надъ холоднымъ краемъ и обогрѣетъ этихъ жалкихъ дикарей? Неужели же тогда, когда весь край превратится въ могилу!

Митрофанъ размякъ. Онъ вспомнилъ родной Колымскъ, какъ теперь тамъ встрѣчаютъ праздникъ, какъ ходять «мушкированные».

— Вотъ теперь приложи ухо къ амбару, — сказалъ онъ, — и услышишь, какъ рыба, что тамъ запасена, между собою разговариваетъ. Отъ нея свою судьбу услышишь. А то ступай въ «бютяй» (ограду), ложись тамъ подъ коня и слушай. Гаврила Мартыановъ (молодой колымчанинъ, слѣпецъ) легъ объ Рождество подъ коня и слышитъ, какъ тотъ говорить другому коню:

«— Братъ, а знаешь, что будетъ съ человѣкомъ, что лежитъ подо мною?»

«— А что?

«— Ослѣпнуть ему черезъ годъ».

«Черезъ годъ ребятишки играли и засыпали Гаврилѣ глаза пескомъ. Тогда и темнота на него пала. Только дослушать надо до конца; хоть пріятное, хоть непріятное, а лежи. Коли встанешь раньше,—помрешь».

Старикъ якутъ прислушивался къ непонятныхъ для него звукамъ.

— Тохдиръ? (О чемъ рассказываешь?) — спросилъ онъ наконецъ Даурова. Тотъ сказалъ.

— Да, въ этотъ вечеръ и не то узнаешь! — зашамкалъ онъ. — Если у тебя есть косточка изъ медвѣжьей плюсны, ступай съ нею въ тальники. Тамъ найдешь торбаса (мокасины) «Талахъ Срья» (буквально — *твое туало*). Коли надѣть эти обутки, — тебя никто не увидитъ. Можешь снять тогда даже блестящія штуки, что у исправника на плечахъ, и то не замѣтятъ.

Въ разговоръ вмѣшались другіе якуты, и онъ принялъ болѣе реальный характеръ. Тутъ мы узнали, что изъ Якутска ѣдетъ теперь «джахтаръ нючалы», т. е. русская женщина, что у ней «тыль тонъ», *мерзлый языкъ*, т. е. она не понимаетъ ни слова по-якутски. Какъ оказалось, дѣло шло объ акушеркѣ, ѣхавшей изъ Петербурга на службу въ Средній Колымскъ. Богъ знаетъ, кто передаетъ якутамъ вѣсти, но они знаютъ, что дѣлается на трактѣ за двѣ тысячи верстъ отъ ихъ юрты. Лишь только кто-нибудь выѣдетъ изъ Верхоянска, объ этомъ черезъ недѣлю знаютъ уже въ Средне-Колымскѣ.

IV.

Станокъ Кюреляхъ. Дальше начинаются горы Тасъ-Хаята, наиболѣе дикое мѣсто по всему тракту; предстоитъ до станціи Тастахъ громаднѣйшій переѣздъ въ 300 верстъ. Утѣшеніе то, что «кочтъ» здѣсь прекрасный, такъ какъ станокъ содержитъ не купецъ, а якутъ или, вѣрнѣе метись Заморщиковъ. Откуда бы у якута такая широкая борода лопатой! Сегодня канунъ новаго года; по этому случаю «джагабыль» пилъ съ Митрофаномъ пѣлую ночь (здѣсь недавно проѣзжали купцы, такъ что водка имѣется). Утромъ Дауровъ въ блаженнѣйшемъ расположеніи духа поздравилъ насъ съ новымъ годомъ. Однако, передъ отъѣздомъ нужно было принять нѣкоторыя предохранительныя мѣры, чтобы не потерять Митрофана въ дорогѣ. Заморщиковъ оказалъ ему послѣднюю дружескую услугу, привязавъ ремнями къ нартѣ. Вскорѣ за станкомъ показались горы. Онѣ какъ бы обѣгали проѣзжихъ, чтобы лучше окружить ихъ. Вначалѣ вѣздъ былъ широкъ, потомъ ущелье становилось все уже да уже. Сзади горы какъ бы сомкнулись. Кругомъ—абсолютная тишина. Теперь долго мы не встрѣтимъ жилья. Во всѣ стороны открываются узкія ущелья. Тамъ никто изъ европейцевъ еще никогда не былъ. Въ 1889 г. явилась въ Нижне-Колымскѣ дѣвушка-чукчанка съ цѣлымъ табуномъ оленей. Оказалось, она принадлежала къ клану, кочевавшему въ горахъ Тасъ-Хаята, который весь вымеръ отъ оспы. До сихъ поръ горы эти считались безлюдными. Такимъ

образомъ узнали одновременно о неизвѣстномъ чукотскомъ кланѣ и о гибели его. Дорога становилась все болѣе и болѣе затруднительною: всюду громадные камни, да головоломные подъемы и спуски и наконецъ *тарыны*. Тарыны—это характерное явленіе полярныхъ странъ. Мѣстные рѣки въ котловинахъ отъ лютой стужи промерзаютъ до дна; кругомъ же съ горъ сбѣгаютъ стремительные горные ключи, подчасъ съ очень высокою температурою. Дойдя до рѣки и встрѣтивъ сплошной ледъ, такой ручей разливается по поверхности рѣки. Отъ холода вода быстро замерзаетъ, но новые потоки воды разливаются по холодному льду. Это и есть *тарыны*. Ихъ можно узнать издали, такъ какъ надъ ними стоитъ густой паръ. По *тарынамъ* приходится переѣзжать, такъ какъ другой дороги нѣтъ. Олени скользятъ и падаютъ по зеркальной поверхности, кверху летятъ брызги воды, которыя замерзаютъ отъ 60° мороза и падаютъ на лицо, какъ расплавленный металл. Еще хуже, если *тарыны* разольется подъ снѣгомъ, на который въѣзжаешь, ничего не подозрѣвая. Вдругъ проваливаешься въ воду, въ аршинъ иногда глубиною. Подобная ледяная ванна, когда нѣтъ возможности до ночи переодѣться, можетъ иногда кончиться очень печально. А горы все болѣе и болѣе тѣснымъ кольцомъ охватываютъ васъ. Гранитныя скалы стоятъ отвѣсно, въ видѣ исполинскихъ стѣнъ. А на вершинѣ ихъ, въ видѣ зубцовъ, грозно наклонились громадные камни и, кажется, вотъ-вотъ грозятъ обрушиться. На вершинѣ одной изъ такихъ стѣнъ проводникъ, метисъ Мартьянъ, указалъ намъ на двухъ *чубука* (видъ дикихъ барановъ), кото-

рые, по его словамъ, стояли тамъ. Но ихъ могъ замѣтить лишь острый глазъ дикаря. Въ эту минуту я былъ занятъ рѣшеніемъ вопроса, гдѣ я видѣлъ уже Мартьяна. Положительно мнѣ знакомы и эти сѣрые наглые глаза на выкатѣ, и эти отвислыя губы, и хриплый голосъ. Но гдѣ мнѣ пришлось съ нимъ столкнуться, я не могъ никакъ припомнить. Уже лишь подъ станкомъ я припомнилъ. Это было четыре года назадъ, послѣ того, какъ мы утопили провизію въ Элегъ-Нехѣ. Мы два дня ѣхали безъ пищи. Всѣ до такой степени ослабѣли отъ голода, что едва сидѣли на коняхъ. Въ двадцати верстахъ отъ жилья мы встрѣтили Мартьяна; узнавъ объ отчаянномъ положеніи, въ которомъ мы находились, онъ продалъ намъ нѣсколько гнилыхъ шукъ по рублю за штуку (мѣстная цѣна шуки—1 к.).

Въ наиболѣе пустынномъ мѣстѣ горъ стоитъ поварня Эллѣръ-сибить (т. е. убиенная). Расположеніе горъ и тальниковъ тамъ такое, что въ котловинѣ вѣчный шумъ, похожій на жалобный стонъ. Здѣсь двѣсти-тридцать лѣтъ тому назадъ ламуты устроили засаду и перебили соединенный отрядъ русскихъ и якутовъ, которыхъ захватили врасплохъ. Иностранцы объясняютъ шумъ тѣмъ, что это души убитыхъ мечутся по долинѣ, ища выхода. По долинѣ протекаетъ рѣка Догдо, о которой ламуты говорятъ, что въ ней есть золото. Насколько это вѣрно, не могу сказать. Вся рѣка покрыта тарынами. Теперь мы пробирались по нимъ довольно благополучно; но какіе адскія мученія пришлось здѣсь перетерпѣть весною 1888 г., когда мы странствовали въ Ср. Колымскѣ! Ледъ на рѣкѣ вздуло

буграми. Неподкованные кони (мы ѣхали верхомъ) скользили и падали. Пришлось спѣшиться и балансировать на гладкомъ, какъ зеркало, льду. На придачу, сильный противный вѣтеръ валилъ съ ногъ. Стоять не было возможности, и послѣднюю версту мы проползли тогда на четверенькахъ, держа поводъ въ зубахъ.

На пятый день горы кончились. Еще одинъ огромный подъемъ на *Туму-Тылмагъ* (мысь вѣтровъ), и сзади горы Тасъ-Хаята сомкнулись тѣсной стѣной. Впереди еще лишь страшный Верхоянскій хребетъ,—и конецъ полярному *steerplechase*. За станкомъ Тастахъ началась сказываться близость «города»: юрты пошли чаще: мы теперь не только почевали, но и привалъ дѣлали у жителей. Подъ самымъ Верхоянскомъ мы ночевали у «русскихъ», если только это имя приложимо къ людямъ, которые ни лицомъ, ни обычаями, ни языкомъ не отличались отъ якутовъ. Какъ оказалось, они не отличались отъ дикарей и вѣрованіями. Старикъ-хозяинъ разсказалъ мнѣ, какъ онъ недавно потерялъ двухъ коровъ. Заболѣлъ у него мальчикъ. Призвали шамана, который потребовалъ за работу корову. Не смотря однако на высокій докторскій гонораръ, мальчикъ умеръ. Старикъ встрѣтилъ шамана и обозвалъ его мошенникомъ.

— А, такъ ты ругаешься! Ладно, я за то тебѣ двухъ *абамъ* (нечистыхъ) въ животъ всажу,—сказалъ шаманъ. Испугался старикъ и насилу умолилъ еще за корову не сажать ему абагы.

— Ты почто же коровъ-то отдашь? Вѣдь шаманъ тебя пугалъ только,—сказалъ мой товарищъ.

— Пугаль? Ты спроси у Уйбана (Ивана), какъ шаманъ шутки шутить.

— Нѣтъ, тойонъ, съ шаманомъ шутить нельзя,— подалъ реплику Уйбанъ, здоровый, скуластый метись.— Лѣтомъ я посмѣялся надъ шаманомъ, а онъ разсердился и говоритъ: «пусть же заберется *абаи* къ тебѣ въ животъ». Пришелъ я въ юрту, легъ на *оронъ* (нары),— слышу, *онъ* ужь царапается. Я терплю, закрыль глаза, а онъ какъ задереть лапой, да какъ защелкаетъ зубами... Два дня куска рыбы видѣть не могъ. Тогда я скорѣе къ шаману, насилу упросилъ его. Вотъ какъ они шутятъ!

На небѣ сіялъ полный мѣсяцъ, окруженный радужными вѣнцами и ложными лунами. Вдругъ въ юртѣ поднялась необыкновенная суматоха. Старики, дѣти— всѣ высыпали на дворъ.

— Что тамъ такое?—спросилъ я.

— Мѣсяцъ замираетъ,—быль отвѣтъ. Начиналось лунное затменіе. Явленіе это, какъ видно, ни въ комъ не возбудило страха. Раздавались лишь жалостливыя возгласы дѣвушекъ и женщинъ:

— Бараганъ! (Бѣдняжечка!).

Якутская легенда, объясняющая это явленіе, довольно интересна. Дѣвушку-сиротку улусъ отдалъ въ работницы къ богатому тойону. Золь былъ онъ и мучилъ бѣдняжку работой. Разъ ночью послалъ ее къ *ойбону* (проруби) за водой съ берестянымъ турсукомъ. Поскользнулась дѣвушка, пролила воду и разбила турсукъ. Стоитъ она и плачетъ. «Никто, никто меня не пожалѣетъ!»—крикнула она. Жалко стало Кюнь-

тоёну (господину солнцу) — и упаль онъ на землю. Жалко стало и Ый-тоёну (господину мѣсяцу), и онъ тоже опустился возлѣ дѣвушки.

— Моя *кыс* (дѣвушка), — сказала Кюнь-тоёнъ, — я старше.

— Моя *кыс*, — сказалъ Ый-тоёнъ, — тебѣ днемъ и безъ того весело, а миѣ ночью скучно ходить. И рѣшили, что быть *кыс* у Ый-тоёна. Подхватилъ онъ ее и понесъ на «верхнее мѣсто». Испугалась дѣвушка, схватилась за талину, да такъ вмѣстѣ съ ней и попала на небо. Ее и до сихъ поръ можно видѣть на мѣсяцѣ. Порой *кыс* стоскуется по землѣ и замираетъ, тогда Ый-тоёнъ отъ горя «чернѣетъ», пока *кыс* не оживетъ.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ выѣзда изъ Средне-Колымска, мы прѣхали въ Верхоянскъ. «Городъ» этотъ — два-три десятка юртъ, расположенныхъ по берегу не Яны, какъ можно было бы заключить по названію, а двухъ огромныхъ лужъ, носящихъ далеко не поэтическое названіе Сахъ-байхаль и Икъ-байхаль, т. е. озера кала и мочи. Лѣтомъ эти «озера» вполне оправдываютъ свое названіе. У Верхоянска своя гордость: здѣсь находится «полюсь холода», здѣсь готовятся климаты стараго Свѣта и зарождаются тѣ «циклоны» и «антициклоны», за поступательнымъ шествіемъ которыхъ внимательно слѣдятъ тысячи метеорологическихъ станцій. Это ли не гордость! Впрочемъ, верхоянцы гордятся гораздо больше тѣмъ, что въ ихъ долигѣ зарождаются пѣсни, которыя потомъ распѣваются:

«По дебрямъ, гдѣ Лена шумитъ:
 Въ Нохтуйскѣ, въ Олекмѣ, въ Якутскѣ, въ Амгѣ,
 Вездѣ гдѣ мой слѣдъ выступалъ—
 Вдоль Яны унылой, въ полярной тайгѣ»,—

какъ горделиво говорить о себѣ мѣстный поэтъ С. Несчастный, полуинтеллигентъ, въ юности сосланный судомъ на житье въ одинъ изъ южныхъ городовъ Иркутской губерніи,—онъ тамъ спился совсѣмъ и въ пьяномъ видѣ учинялъ буйства, за которыя послѣдовательно пересылался «въ Нохтуйскъ, въ Олекминскъ, въ Якутскъ, въ Амгу», какъ поетъ про себя, и наконецъ въ Верхоянскъ, гдѣ совсѣмъ пропалъ. Пропился до такой степени, что потерялъ образъ человѣческой. Вотъ этимъ-то С. написаны многочисленныя пѣсни, очень популярныя въ Якутской области среди казаковъ и купцовъ. Наиболѣе популярны двѣ. Въ одной описывается прогулка по Янѣ и начинается она такъ:

«Былъ августъ первое число,
 Когда я взялся за весло
 И внизъ по Янѣ по рѣкѣ
 Помчался въ легкомъ челнокѣ».

Далѣе говорится, что «мой путь лежалъ въ тотъ край далекій, въ тотъ край, гдѣ царствуетъ Борея» (верхоянцы произносятъ «Бурей»). Другой популярной пѣсни С. я знаю тоже лишь начало:

«Верхоянскій край унылый,
 Край морозныхъ дней—
 Ты назначенъ мнѣ могилой
 Волей злыхъ людей.
 Я умру, въ долинѣ Яны
 Трупъ зарюютъ мой;

Будутъ пурги, ураганы
 Мой будить покой.
 Но напрасно: тамъ, въ могилѣ
 Смерть и тишина;
 Никакой въ семь мѣрѣ силѣ
 Не встревожить сна».

Если не ошибаюсь, стиховъ у С. великое множество. Всѣ они въ одномъ и томъ же духѣ.

Въ Верхоянскѣ мы пробыли недѣлю. Нашъ выѣздъ былъ крайне несчастливъ. Проводникъ напился, завезъ насъ въ тайгу, пошелъ разыскивать дорогу и забылъ про насъ, добрался до какихъ-то жителей и завалился тамъ спать. Все это происходило въ 12 часовъ ночи, при морозѣ въ 60°. При помощи Митрофана мы кое-какъ выбрались по слѣдамъ изъ тайги и возвратились въ Верхоянскъ. Только къ вечеру слѣдующаго дня мы окончательно уже уѣхали отсюда.

V.

Вотъ уже пять дней, какъ мы въ дорогѣ. Въ юртѣ, гдѣ мы остановились, застаемъ необыкновенное сборище. Тутъ якуты всѣхъ возрастовъ, но больше всего дѣтей отъ десятилѣтняго возраста до грудныхъ. Оказалось, ждали проѣзда *агабыта* (батюшки). Въ глухихъ мѣстахъ области якуты рождаются, вступаютъ въ бракъ и умираютъ, не видя священника. При проѣздѣ батюшки, онъ разомъ крестить дѣтей, вѣнчаетъ ихъ родителей и отпѣваетъ нѣсколько десятковъ покойниковъ.

Близился страшный Верхоянскій хребетъ. Опять пошла адская дорога по камнямъ и тарынамъ. Южный

склонъ хребта отлогъ, такъ что можно въѣхать почти на самую вершину его. За то сѣверный склонъ — это нѣчто невѣроятное. Спускъ падаетъ почти по отвѣсной стѣнѣ. Это—оленья дорога. А въ сторонѣ вьется узкая тропа на краю пропасти; это—дорода конская. Высота хребта на перевалѣ около 4 тысячъ футовъ. Внизу небо было совершенно ясное. Солнце ослѣпительно свѣтило. А на вершинѣ хребта загудѣла такая метель, что мы другъ-друга не слышали. Яростные порывы вѣтра валяли съ ногъ, грозили смести въ пропасть, какъ легкое перышко. Нарты связали вмѣстѣ, образовавъ громадный плотъ. Полозья перевязали ремнями, чтобы они прудили снѣгъ. Всѣхъ упряжныхъ оленей подвязали сзади этого плота. Ламуты стали осторожно спускаться съ горы. Онъ помчался съ бѣшенною силой. Если бы не привязанные сзади олени, плотъ разбился бы въ дребезги. А мы въ это время ползли внизъ по «конской» дорогѣ. Каждую минуту приходилось опускаться на четвереньки или же катиться комкомъ, благо теплая одежда смягчала удары. Да, Дайды Ичете, грозный хозяинъ мѣста, былъ не милостивъ къ намъ. Спускъ продолжался около трехъ часовъ. А подъ хребтомъ новое мученіе. Правда, метели тамъ не было; но долина р. Тукулана, по которой идетъ дорога, усѣяна камнями, не засыпанными снѣгомъ. По нимъ нарты прыгали, какъ лодка въ бурю по волнамъ. Разъ двадцать я вылеталъ изъ саней со стремительностью камня изъ праща. И такая адская дорога тянется 20 верстъ, вплоть до поварни. Вѣрхоанскій хребетъ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ представляетъ рѣзкій раздѣлъ между

растительностями. На южномъ склонѣ встрѣчаются березы, осины, сосны, тогда какъ за сѣвернымъ склономъ единственное дерево—лиственница. На одной изъ террасъ этого хребта беретъ начало р. Яна. Врангель, потомъ Августиновичъ и Черскій нашли въ Верхоянскомъ хребтѣ раковины *Monotis Salinaria*, тождественныя триасу о. Шпицбергена. Эти ископаемыя относятся къ области, такъ называемаго, мезозійскаго отложения. На вершинѣ хребта, какъ на вершинахъ всѣхъ полярныхъ горъ крайняго сѣверо-востока, *теплѣе*, чѣмъ въ долинахъ. Это любопытное явленіе зависитъ отъ полной тишины воздуха на равнинахъ въ этихъ широтахъ. Болѣе теплые слои поднимаются вверхъ, тогда какъ съ горъ, «какъ каскады», льются на равнины холодные воздушные потоки. Этимъ же объясняется отсутствіе ледниковъ на вершинахъ полярныхъ горъ, гдѣ можно было бы ожидать, что снѣжная линія начинается очень низко. Въ Чукотской землѣ есть гора. Фантазія первыхъ путешественниковъ окрестила ее «Сѣверный Парнасъ». Высота ея около 7 тысячъ футовъ, но снѣжной линіи на этой горѣ не существуетъ.

Каждый годъ этотъ переваль черезъ Верхоянскій хребетъ губить десятки купеческихъ коней. Есть другой путь. Рѣка Тумурканъ прорѣзываетъ хребетъ и долины ея могли бы служить прекрасной дорогой. Она еще совершенно не изслѣдована, хотя иные купцы рѣшаются посылать свои товары черезъ Тумурканъ. До какой степеніи путь этотъ пустыненъ, можно видѣть изъ слѣдующаго.

Верхоянскій купецъ г. Ш—въ отправилъ свою

кладъ новой дорогой и самъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нею. Дѣло было осенью, сыпалъ снѣжокъ. Ш — въ задремалъ и отсталъ отъ проводниковъ. Просыпается, — онъ одинъ съ нѣсколькими нагруженными конями. Слѣдъ занесло. Поѣхалъ онъ наугадъ въ одно ущелье и забрался, наконецъ, въ такую глушь, что ему стало ясно, что онъ сбился съ дороги. А снѣгъ все сыпалъ и сыпалъ. Проходитъ день-два, — никто не является. При Ш — вѣ была провизія и тюкъ оленьихъ шкуръ, изъ которыхъ купецъ смастерилъ себѣ шалашъ. Здѣсь тумурканскій Робинзонъ прожилъ 40 дней, пока его наконецъ нашли. «Чуть я не одичалъ тогда отъ страха», — рассказывалъ онъ потомъ.

Наконецъ, послѣдняя поварня передъ Алданомъ — *Ана-Суохъ*, т. е. «Безъ дверей». Ее выстроили лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ и забыли прикрѣпить двери; такую ее видѣлъ Врангель въ двадцатыхъ годахъ, такую ее мы застали въ девяностыхъ годахъ. Какъ видите, обычай держится здѣсь крѣпко. Съ одинаковымъ правомъ эта поварня можетъ быть названа также «безкаминной», потому что въ ней нѣтъ чувала. Огонь раскладывается прямо на полу, угрожая стѣнамъ пожаромъ. Дымъ выходитъ въ широкое отверстіе въ потолкѣ. Можно представить, что въ такой поварнѣ согрѣться не совсѣмъ легко.

Алданъ. Теперь мы въ «культурныхъ» мѣстахъ: олени исчезли, вмѣсто нихъ — кони. Станціи маленькія — 20—25 верстъ. По обѣимъ сторонамъ дороги непрерывно встрѣчаются признаки жилья: «бютяи» (ограды) и загороженные пашни. Въ юртахъ всюду встрѣчаются

первобытныя ручныя мельницы (къ такому именно жернову, вѣроятно, Самсона привязывали), на которыхъ перемальвается ячмень для лепешекъ. Намъ, жителямъ полярнаго края, все это кажется несомнѣнными признаками близости «Европы». Цѣлыхъ четыре года далекій Якутскъ былъ для насъ важнѣйшимъ культурнымъ центромъ. Правда, суровый Гмелинъ очень не высокаго мнѣнія объ этомъ «центрѣ». Позволю себѣ перевести 173-ю стр. изъ II тома библіографической рѣдкости «Reisen» Гмелина, о честности и безпристрастности котораго такого высокаго мнѣнія всѣ сибирскіе изслѣдователи.

«Поистинѣ можно сказать, что всѣ праздники посвящаются скорѣе дьяволу, чѣмъ Богу, и такое разгульное поведеніе служить весьма дурнымъ примѣромъ для многочисленныхъ здѣшнихъ язычниковъ, которые видятъ, что высшее благо обывателей состоитъ въ пьянствѣ. Но пьянство, которымъ заражаются люди въ эти дни, состоитъ не только въ томъ, чтобы напиваться, на примѣръ, вечеромъ. Ни одинъ астрологъ не могъ бы указать имъ счастливый часъ, въ который они не должны были бы пьянствовать; всѣ часы для нихъ въ этомъ отношеніи равны. Съ первымъ днемъ Рождества Христова у нихъ начинается заразительная горячка, отъ которой, на второй и третій день, люди выпадаютъ въ бѣшенство. Болѣзнь прорывается наконецъ на четырнадцатый день въ формѣ всеобщаго бѣшенства, которое проходитъ только въ теченіе 5—6 недѣль. Съ недѣлю передъ великимъ постомъ они испытываютъ новый припадокъ бѣшенства, отъ котораго

оправляются въ теченіе восьми дней. Весною, во время Пасхи, болѣзнь возвращается снова, съ тѣмъ только отличіемъ, что вслѣдствіе предшествовавшаго поста она бываетъ болѣе-злокачественною и оканчивается раньше, именно на седьмой день. Подобно тому какъ люди, перенесшіе тяжкую болѣзнь, нуждаются въ продолжительномъ отдыхѣ для поправленія силъ, такъ точно и жители послѣ праздниковъ лишь постепенно возвращаются къ своему прежнему образу жизни, который состоитъ въ томъ, чтобы пьянствовать только четыре дня въ недѣлю. Иногда болѣзненные припадки возвращаются съ удвоенною силою, и тогда люди пьянствуютъ ужь 8 дней подъ-рядъ. Я нахожу, что это пьянство есть своего рода горячка, выражающаяся въ частыхъ-припадкахъ, какъ падучая болѣзнь, и прекращающаяся, подобно падучей, только со смертію».

Такъ аттестуетъ жителей Якутска старикъ Гмелинъ. По повариѣ *Ана-Суохъ* можно видѣть, что въ Якутскѣ строго держатся старины. Но «у насъ теперь не то въ предметъ»: сегодня мы ночуемъ на послѣдней станціи Турулуяхъ, на берегу Лены. Завтра намъ лишь переѣхать рѣку, и мы въ Якутскѣ, послѣ 50 дней, проведенныхъ въ пути. Самая трудная часть дороги, ведущей «на югъ», такимъ образомъ, слѣлана.

ГЛАВА VIII.

По Ленѣ.

Якутскъ.—Первые дни въ «большомъ городѣ». — При какихъ обстоятельствахъ мы бывали вегетеріанцами въ Средне-Колымскѣ.— Якутское реальное училище. — Лена. — Легенда о происхожденіи горъ.— Затрудненія туриста.— Вѣчная мерзлота и Гмелинь.— Кабакіе короли.— Величіе и упадокъ «Дворянской волости». — Золотые прииски.— Киренскій округъ.— Бѣлые якуты.— Поселенцы.— Первая встрѣча съ новоселами.— Усть Куть. — Хабаровъ.— Братская степь.— Буряты.— Шаманство и ламаизмъ.

I.

Я четыре года не былъ въ Якутскѣ. Проживъ все это время «за предѣлами культуры», я горѣлъ желаніемъ увидѣть скорѣе «городъ», къ которому можно приложить это названіе.

Послѣдній переѣздъ отъ станціи Турулуяхъ идетъ все Леной и низкими островами, затопляемыми во время водополья.

— *Хасъ хала дайдынъ?* (сколько осталось до города)—безпрерывно спрашивалъ я у проводника-якута.

— Чугась (близко!)—неизмѣнно отвѣчалъ онъ.

Пробоваль я было нѣсколько разъ откидывать мохнатый *кокуль* моей *кухлянки* *), чтобы посмотрѣть, не видать ли города, но 45° морозъ заставлялъ быстро надвигать кашшонъ пониже. Но вотъ нарты запрыгали по громаднымъ кучамъ навоза. Городъ близокъ. Чѣмъ ближе, тѣмъ больше навоза. Наконецъ льда совсѣмъ не видно—одинъ лишь навозъ. Вотъ рядъ полуразобранныхъ барокъ-павозокъ, а выше, на угорѣ ярко сверкаютъ на солнцѣ стекла въ окнахъ чистенькихъ деревянныхъ домовъ. «Стекла!»—это мнѣ казалось верхомъ роскоши: уже четыре года какъ я ихъ не видалъ. Въ Средне-Колымскѣ зимой вставляются въ окна льдины, а лѣтомъ—кожа налима. А вотъ и обыватели: якутъ рядомъ съ быкомъ, якутъ позади быковъ, якутъ верхомъ на быкѣ; кажется, въ Якутскѣ и нѣтъ другихъ обывателей, кромѣ быковъ да якутовъ. Къ намъ поворачиваются смуглыя лица съ узенькими жирными глазами. Мой костюмъ (я одѣтъ по послѣднему журналу чукотской моды: въ шитой кухлянкѣ, въ мѣховыхъ штанахъ, въ отороченныхъ бобромъ *тарбасахъ*, Подарокъ моего друга чукчи Нута Нухва, въ чукотскомъ малахаѣ, отороченномъ лисьими лапами, и въ песцовыхъ рукавицахъ),—мой костюмъ, который приводилъ въ восторгъ шеголей на берегу Ледовитаго океана, здѣсь уже обращаетъ на себя вниманіе.

*) Кухлянка—длинная рубаха изъ шкуръ пыжика, шерстью внутрь. Чтобы мездра не портилась, поверхъ кухлянки одѣвается еще рубаха изъ оленьей замши (ровдуги)—*комлея*.

— *Хана барда, тоенумг?* (Откуда ѣдешь, господинъ?)—безпрерывно окликають меня.

— *Колымага, догорум!* (Изъ Колымска, пріятель).

— *Ыраг!* (Далеко!)

Якуть хочеть сказать обычное: «кяпсе!» (т. е. скажывай новости), но я обещаю ямщику хорошо на водку и велю гнать во всѣ лопатки.

Потянулись кривыя, запутанныя клубкомъ улицы, безконечно широкія, обстроенныя одноэтажными домиками. Но какимъ роскошнымъ показался мнѣ этотъ городъ послѣ полярныхъ пустынь! Опять навстрѣчу быки и якуты; но теперь уже въ перемежку съ другими элементами. Вотъ хитрое лицо, съ рыжей бородою; на встрѣчномъ бараній тулупъ, крытый сѣрымъ сукномъ. Это—*хайлагъ* (поселенецъ); еще и еще хайлахи. Вотъ безбородое, бабье лицо; на владѣльцѣ его — богатая бобровая шуба; это скопецъ, то-же подневольный житель. Изрѣдка, встрѣчалась особа, одѣтая *пограждански*. Въ Якутскѣ нѣтъ гостинницъ. Пріѣзжихъ здѣсь почти нѣтъ. А кто и пріѣзжаетъ, тотъ имѣеть знакомыхъ, у которыхъ останавливается. Былъ и у меня такой пріятель. Черезъ полчаса уже весь городъ зналъ, что пріѣхалъ человекъ изъ Колымска, и ко мнѣ стали являться совершенно незнакомые господа справляться, что слышно на сѣверѣ, допытываться, нѣтъ ли у меня *пышиного* (т. е. пушнины) или *юколы*, до которой въ Якутскѣ падки всѣ. Я удивлялся на первыхъ порахъ, зачѣмъ у меня спрашиваютъ *пышиное*, коли знаютъ, что я не купецъ. Но потомъ мнѣ объяснили, что это только предлогъ, чтобы посмотрѣть на новаго человека.

Я засталъ весь Якутскъ въ необыкновенной ажитации. Нѣсколько дней тому назадъ случилось одно казусное дѣло. Въ Якутскѣ на святкахъ ходять ряженые, «мушкированные», по-здѣшнему. Молодежь и даже пожилые люди, принадлежащіе ко всѣмъ слоямъ общества, отдѣльными группами, со своею музыкою, ходять изъ дома въ домъ, танцуютъ, дурачатся. Во время праздниковъ во всѣхъ тѣхъ домахъ, гдѣ принимаютъ ряженыхъ, вывѣшиваютъ надъ воротами фонарь. Всѣ мѣстные крупные чиновники считаютъ своимъ долгомъ принимать «мушкированныхъ». Въ томъ году, когда я пріѣхалъ, случился скандалъ. Нѣсколько масокъ вошли къ вице-губернатору, который радушно встрѣтилъ ихъ. Маски разыграли цѣлую интермедію. Каждая изъ нихъ называлась какимъ-нибудь учрежденіемъ: «областная полиція», «областное правленіе», «казначейство» и т. д. Одна изъ масокъ была одѣта генераломъ; къ нему адресовались всѣ остальные маски, и каждое учрежденіе въ стихахъ излагало тѣ реформы, которыя нужно было бы сдѣлать. Рѣчи были сдержанны и остроумны. Вице-губернаторъ аплодировалъ, чокался съ гостями, благодарилъ ихъ. Маски отправились къ слѣдующему чиновнику; тамъ повторили интермедію и были опять встрѣчены съ восторгомъ; съ ними опять чокались. Потомъ слѣдовалъ третій, четвертый, десятый домъ. Всюду чоканье и аплодисменты. Однако чоканья начинали сказываться. Чѣмъ дальше, тѣмъ маски становились все веселѣе и веселѣе, языки развязывались, прибавлялись новые куплеты, которыхъ прежде не было; маска, изображавшая генерала, заговорила, про-

изнесла рѣчь, замѣчательно напоминавшую рѣчь, сказанную однимъ крупнымъ мѣстнымъ чиновникомъ, но окарикатуренную. Скандалъ вышелъ форменный. На другой день стали разыскивать масокъ. Говорили о томъ, что ихъ пошлютъ путешествовать въ Колымскій округъ; но маски какъ въ воду провалились. Наконецъ онѣ сами явились съ повинной. Это были молодые чиновники областного правленія и нѣсколько учителей. Отдѣлались они дешево, сравнительно, конечно съ тѣмъ, чѣмъ имъ грозили: посидѣли нѣсколько дней на гауптвахтѣ.

Когда я пріѣхалъ, эта исторія только-что закончилась, но народилась новая, поразительная даже въ Якутскѣ.

Въ день моего пріѣзда я засидѣлся часовъ до 9 вечера у знакомыхъ. Собираюсь домой, а хозяйка меня спрашиваетъ:

— И. В., револьверъ при васъ?

Я удивленно посмотрѣлъ, не понимая въ чемъ дѣло.

Не только въ Средне-Колымскѣ, но и въ Чукотской землѣ я путешествовалъ безъ револьвера: оружіе нужно тамъ только лѣтомъ, когда можно встрѣтиться съ *Улу-Тойономъ* (медвѣдемъ).

— Викторъ, проводи гостя,—сказала хозяйка мужу своему. Тотъ одѣлся, взялъ револьверъ, отстегнулъ кабуръ, попробовалъ хорошо ли вынимается оружіе и мы отправились. На улицахъ была мертвая тишина, всѣ ворота и ставни наглухо забаррикадированы. Гдѣ-то далеко, далеко мерцалъ одинокій

огонекъ. Фонарей — ни одного. Вдругъ хозяинъ мой остановился. Двѣ какія-то фигуры вырисовались во тьмѣ.

— *Кимъ кале?* (кто идетъ?)

— *Бисии, сахаларъ* (мы, якуты!)—отвѣтили незнакомцы. Мы пошли дальше. Одинъ изъ якутовъ былъ вооруженъ громадной дубиной, другой—чѣмъ-то очень похожимъ на ухватъ.

Когда наконецъ съ большимъ трудомъ удалось мнѣ достучаться дома, когда наконецъ послѣ цѣлаго ряда опросовъ меня впустили въ квартиру,—я узналъ въ чемъ дѣло.

Оказалось, что въ послѣднее время цѣлый рядъ убійствъ и грабежей встревожили весь городъ. Подъ самымъ Якутскомъ, подъ знаменитыми *тремя соснами*, среди бѣла дня были убиты и ограблены скопцы и кое-кто изъ невольныхъ жителей Якутска. Такъ какъ подъ Якутскомъ много *хайлаховъ* (уголовныхъ ссыльно-поселенцевъ), то убійства здѣсь не рѣдки; но теперь испугало всѣхъ то обстоятельство, что *блатную контору* (разбойничью шайку) содержалъ нѣкій К., довольно извѣстный въ городѣ человекъ, устраивавшій вечера, на которыхъ собирались многіе, пили шампанское, рѣзались въ карты, а въ то время молодцы К. оперировали надъ проѣзжими. Открылось дѣло случайно, при чемъ оказалось, что не малое содѣйствіе ворами оказывалъ квартальный, извѣстный подъ именемъ Никитки. Многіе усиленно старались замять дѣло. Я уѣхалъ прежде, чѣмъ эта исторія закончилась, такъ что не знаю дальнѣйшихъ перипетій ея.

Рядъ разоблаченій навелъ ужасъ на обывателей. Довѣрялись лишь собственной силѣ. Изъ города выѣзжали лишь группами, да и то сильно вооруженными.

Какъ видите, не мало матеріаловъ для захватывающаго уголовнаго романа могъ бы дать городъ, который, вопреки увѣренію Герцена, что нѣтъ мѣста, которое бы не было откуда-нибудь близко,—далеко отстоятъ отовсюду.

II.

Какъ извѣстно, русскіе открыли Лену въ 1628 г. Десять удалцовъ, подъ предводительствомъ Василія Бугра, на лыжахъ перебравшись съ Енисея на эту величайшую сѣверную рѣку, на берегахъ которой жило около 150 тысячъ якутовъ. Дикари дѣлились на девять колѣнъ (улусовъ), каждый улусъ—на нѣсколько *наслеговъ* (клановъ). Нужно знать, что якуты принесли съ юга, съ Байкала, откуда ихъ вытѣснили буряты, слѣды кое-какой культуры. И все-таки десять удалцовъ справились съ цѣлымъ громаднымъ племенемъ. Всѣ эти завоеватели были *промышленники*. Званіе это приводило въ сильное смущеніе иностранныхъ писателей, въ сочиненіяхъ которыхъ, по эту пору, можно встрѣтить немало курьезовъ *).

*) Самуиль Энгель, напримѣръ, писатель XVII вѣка, говоритъ, что слово «промышленникъ» привело его въ немалое смущеніе «Je me suis informé auprès des plusieurs personnes que je croyois à même de m'expliquer ce nom de *Promyschleni*, ce que c'étoit; l'un voulut que c'étoit une secte; un autre des rebelles, un troisième des gens qui levoient le tribut».

Въ 1636 г. явился на Лену сотникъ Бекетовъ и заложилъ Якутскій острогъ. Въ высшей степени интересна легенда о завоеваніи края, сложенная якутами. Она существуетъ и у якутовъ, и у русскихъ съ незначительными вариациями. Въ легендѣ центральнымъ свѣтиломъ является богатырь Дыгинь, одинъ изъ якутскихъ *урастасъ* (царьковъ). Вотъ этотъ рассказъ въ такомъ видѣ, какъ сообщилъ его мнѣ старый казакъ.

«Это было послѣ того, какъ Ермакъ Тимофеевичъ забралъ Сибирь и утонулъ въ Иртышѣ. Эсаулъ его Иванъ Кольцо и говоритъ тогда *): «коли онъ померъ, такъ и мнѣ мою голову почто жалѣть; пойду воевать дальше. Доспѣли казаки карбасы да поплыли *пусто* (исключительно) по рѣкамъ: одна рѣка кончится, — казаки карбасы на плечи и идутъ напроходъ пока пойдетъ другая. Посерединѣ зимовье построятъ. Немало рѣкъ такъ они проплыли, много инородцевъ побѣдили, но и самимъ *мольчъ страсть* какъ худо бывало; приходилось и такъ, что своихъ же ѣли. Пришли наконецъ въ якутскую землю. Собралось якутишекъ видимо-невидимо и лопочуть по-своему: «кпяся, догоръ!» — сказываютъ, значить, ребята, что хорошаго.

— Я съ вами торгъ завести хочу, — говоритъ Иванъ Кольцо, — продайте мнѣ столько земли, сколько захватить бычья шкура. Якуты продали. Извѣстно, что и говоритъ: звѣрь-звѣрьемъ были, звѣрьемъ и остались.

*) Мнѣ приходилось уже замѣтить, что такъ называемую историческую память у русскихъ крайняго сѣверо-востока Сибири совсемъ отшибло. Изъ завоевателей они помнятъ лишь Ермака и Кольцо.

Только Иванъ Кольцо обманулъ ихъ: шкуру разрѣзалъ на тонкіе ремни, оцѣпилъ большое поле *), настроялъ башни и говоритъ: теперь стану войновать съ вами. Стали войновать. У якутовъ былъ тогда *улаханъ* (большой) богатырь Дыгынъ. Сказываютъ, въ крыльцахъ (плечахъ) *въ емъ* печатная сажень была. Засѣли казаки въ башни и палятъ оттуда изъ ружей, а якуты въ нихъ стрѣлки пуцаютъ. Дался диву Дыгынъ. Кончилась у казаковъ ѣда, и вышли изъ башни доспѣвать ее. *Харынъ* (худо) стало имъ тутъ. Дыгынъ былъ большой богатырь, храбрый, многихъ казаковъ перебилъ, а его самого убить никакъ нельзя. Въ тѣ поры пустился Иванъ Кольцо на хитрости. Въ башнѣ подвѣсили большую и тяжелую плашку, а подъ нею нацѣпили корольковъ разныхъ и ленточекъ. Послалъ потомъ Иванъ Кольцо къ якутамъ и наказываетъ: «давайте мириться, приходите къ намъ въ гости». Якутишки съ дуру и пошли. Пришелъ и Дыгынъ. Зашли это, значить, въ башню, засмотрѣлись на корольки да на ленточки, а Иванъ Кольцо велѣлъ казакамъ подрубить веревки, на которыхъ держалась плашка. Упала она и придавила всѣхъ. Тутъ они всѣ и подошли. Иванъ Кольцо вырвалъ у Дыгына глазъ, заспиртовалъ да отправилъ къ самому царю. Вотъ такъ глазъ былъ! тридцать фунтовъ вѣсилъ. Посмотрѣлъ царь на подарокъ, подивился и говоритъ: «почто живьемъ мнѣ богатыря не доставили?» Съ тѣхъ поръ и стала область нашей,—закончилъ казакъ свой

*) Эпизодъ съ бычачьей шкурой *буквально* взятъ съ якутскаго. Интересно слышать легенду о постройкѣ Карагена на крайнемъ сѣверо-востокѣ.

разсказъ,—а якутишки разбѣжались по тайгѣ, да по бадаранамъ (болотамъ), по гольцамъ да по *самытерамъ* (поемнымъ лугамъ), такъ что насилу потомъ ихъ начальство и нашло».

Однако «якутишки» разбѣжались не непосредственно послѣ смерти Дыгына *). Въ 1638 г. назначенъ былъ въ Якутскъ первый воевода, стольникъ Петръ Петровичъ Головинъ; въ товарищи данъ ему былъ стольникъ же Матвѣй Богдановичъ Глѣбовъ, да въ дѣльцы дьякъ Ефимъ Филатовъ. Всѣ они прѣѣхали въ Якутскъ 6-го іюня 1640 г., въ сопровожденіи нѣсколькихъ стрѣльцовъ, казаковъ, людей служилыхъ и торговыхъ гостей-устюжанъ.

«Началось управленіе, а съ нимъ отягченія и огромные налоги, не для правительства однакожъ, а для собственныхъ корыстныхъ видовъ укрывателей»,—говоритъ У. С. Москвинъ, якутскій купецъ, оставившій послѣ смерти своей рукопись-лѣтопись: «Воеводы и начальники города Якутска и ихъ дѣянія», доведенную до 1821 г.

«Покоренныхъ тѣснили, тиранили и пытали, подѣ предложомъ неуплаты будто бы ясака; но сколько такового требовалось,—не сказывали». Доведенные до отчаянія страшными цытками, казнями и грабежемъ, якуты возстали. Но имъ не подѣ силу было тягаться съ вооруженнымъ *огненнымъ боемъ* «ніуча» **). Возстаніе было

*) Царекъ этотъ—историческое лицо.

***) *Ніуча*, такъ якуты называютъ русскихъ. Интересно слѣдующее. Я уже говорилъ, что якутовъ вытѣснили съ береговъ Байкала буряты, которыхъ, въ XII в., въ свою очередь, вытѣснила изъ

усмирено. Послѣдовалъ рядъ лютыхъ казней. По приказанію Головина, рѣзали у якутовъ носы и уши, выкалывали глаза, вѣшали за ребра, закапывали живыхъ въ землю по горло и по глаза. Въ крѣпости въ Якутскѣ имѣлся особый застѣнокъ, гдѣ съ утра до поздней ночи заплечные мастера были завалены спѣшной работой.

Но къ счастью для края, при первой же дѣлежкѣ стольники не поладили между собою, и Глѣбовъ, который считалъ себя обиженнымъ, послалъ въ Москву громовый доносъ. Онъ былъ настолько убѣдителенъ, что въ 1645 г. пріѣхалъ въ Якутскъ дьякъ Сушелевъ для производства слѣдствія, а въ 1646 г. Головинъ былъ смѣненъ. Его отвезли въ Тобольскъ, гдѣ онъ былъ «подыманъ на козель» и битъ нещадно батогами. Дѣло о немъ заключалось въ двухъ громадныхъ свиткахъ, по нѣсколько пудовъ въ каждомъ. Послѣдовалъ цѣлый рядъ стольниковъ, которые долго не засиживались. Большая часть ихъ попадала подъ судъ; но якутамъ отъ этого было не легче. Положеніе ихъ стало невыносимо, когда 5-го іюля 1675 г. назначенъ былъ якутскимъ воеводою Андрей Аѳанасьевичъ Барнышевъ.

«По вступленіи своемъ на воеводство,—говоритъ лѣтопись Москвина,—онъ принялъ строгія мѣры, по обстоятельствамъ ли, или по собственной прихоти,—неизвѣстно; только при немъ Якутскъ увидѣлъ чуть ли не каждодневныя смертныя казни, въ различныхъ

Сѣвернаго Китая могучая монгольская орда *Нѹча* (см. Всеобщ. исторію Вебера, т. VII, стр. 303). Замѣчательно, что якуты окрестили этимъ именемъ своихъ завоевателей въ позднѣйшее время.

жестокихъ видахъ, надъ раскольниками и якутскими родоначальниками».

Нужно сказать, что съ первыхъ же лѣтъ своего существованія Якутскъ сталъ мѣстомъ изгнанія для раскольниковъ и государственныхъ преступниковъ; послѣдніе прибывали часто съ урѣзанными языками.

Воевода Барнышевъ не садился и за столъ, не предавъ когонибудь самой лютой казни, которая налагалась за ничтожные проступки. Осужденныхъ четвертовали, сажали на колъ, варили живыхъ въ котлахъ и т. д. Въ видѣ только особой милости, когда воевода былъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ замѣнялъ лютыя казни—простымъ повѣшеніемъ. Но Барнышевъ почти никогда не былъ въ духѣ. 3-го іюля 1678 г. воевода за лихоимство былъ отправленъ въ тобольскій приказъ. При воеводѣ Приклонскомъ, 27-го сентября 1682 г., якуты сдѣлали послѣднюю попытку къ возстанію. Къ нимъ пристали раскольники и нѣсколько казаковъ, женатыхъ на якуткахъ. Возстаніе кончилось полнымъ пораженіемъ инсургентовъ. Вождь Дженникъ, родоначальникъ Кангалахскаго улуса, былъ взятъ раненымъ въ плѣнъ и отправленъ въ Якутскъ, гдѣ и умеръ въ застѣнкѣ. Съ него содрали съ живаго кожу и въ нее обернули младенца, котораго родида жена Дженника, когда ее подняли на дыбу.

Остатки разбитыхъ якутовъ бѣжали на Виллой, на Яну, на Колыму и заселили эти мѣста. Бѣглецы приносили въ далекіе края страшную вѣсть про завоевателей, и страхъ былъ до того великъ, что русскіе дошли до береговъ Колымы, встрѣтивъ на пространствѣ

почти въ три тысячи верстъ только *одно* сопротивленіе со стороны ламутовъ, въ ущельѣ Эллёръ Сибить *).

До сихъ поръ на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири вы можете слышать, какъ слѣпая старуха въ темной юртѣ, освѣщенной лишь огнемъ въ чувальѣ, монотонно, речитативомъ сказываетъ *оломо* (былину) про страшную смерть Дженника. Якутскій эпосъ отличается замѣчательнымъ богатствомъ образовъ и описаній. Старуха детально описываетъ, какъ свершалась ужасная операція сдиранія кожи, какіе именно «бысахъ» (ножи) употреблялись; а на *оронахъ* (нары подъ уклономъ стѣны въ юртѣ), блѣдые отъ страха, сидятъ якуты и боятся проронить хоть бы слово.

Начался XVIII вѣкъ. Въ Европейской Россіи шла радикальная ломка стараго общественнаго строя; но до Якутска не доходилъ даже далекій отзвонъ реформъ. Гуще стали прибывать лишь полневольные люди, не удержавшіеся при частой смѣнѣ правительствъ послѣ смерти Петра Великаго. Много знатныхъ вельможъ покончили дни свои въ полярной тундрѣ. Такъ, въ Средне-Колымскѣ страдалъ и умеръ, въ царствованіе Елисаветы, графъ Головкинъ, бывшій кабинетъ-министръ, за которымъ послѣдовала жена. По праздничнымъ днямъ его, больного, силой приводили въ церковь, чтобы тамъ терпѣть поруганіе и слушать, какъ священникъ, по окончаніи литургіи, читаетъ обвинительный актъ и приговоръ его враговъ.

*) Котловина въ горахъ Тасъ-Ханятахъ, между рѣками Яной и Индигиркой.

X Воеводы были по-прежнему царьками въ Якутскѣ; слѣдственной комиссіи было не безопасно являться къ нимъ. Часто воеводы велѣли заковывать ревизоровъ въ кандалы, стегать кнутомъ и отправляли назадъ въ Иркутскъ. Вотъ картинка изъ этого времени.

28-го іюня 1730 г. вступилъ на воеводство камергеръ Ѳаддей Ивановичъ Жадовскій. По аттестаціи лѣтописца, это былъ «отъявленный грабитель». Наконецъ онъ крупно проворовался: въ 1732 г. Жадовскій присвоилъ себѣ грузъ въ 11,670 пуд. хлѣба, крупы и желѣзныхъ издѣлій, который долженъ былъ отправить въ Охотскъ. Командиръ этого края Скорняковъ-Писаревъ донесъ объ этомъ иркутской провинціальной комиссіи. Нарядили слѣдственную комиссію, или «канцелярію якутскихъ слѣдственныхъ дѣлъ», которая состояла изъ того же Скорнякова-Писарева *), поручика Шнадера и канцелериста Портнягина. Въ началѣ февраля 1733 г. ревизія прибыла въ Якутскъ, 7-го февраля открылись засѣданія, 9-го февраля отдали приказаніе посадить Жадовскаго подъ арестъ: на слѣдующій же день воеводу заковали, привели въ канцелярію и прочитали ему распоряженіе иркутской провинціальной канцеляріи.

*) Это былъ тотъ самый Григорій Григорьевичъ Скорняковъ-Писаревъ, который въ молодости былъ посланъ Петромъ В. за границу для образованія. Онъ учился въ Берлинѣ математикѣ. Въ 1715 г. былъ назначенъ преподавателемъ математики въ морской академіи, а въ 1722 г. за ссору съ Шафировымъ лишенъ чиновъ, но скоро прощенъ. Въ 1726 г. онъ очутился въ Камчаткѣ за заговоръ противъ Меншикова. Командиромъ Охотска его назначили въ 1731 г.

Стали разбираться въ дѣлахъ; но они были до такой степени запутаны, что комиссія отчаялась добиться чего нибудь. Вдругъ ее осѣнила гениальная мысль. «Жадовскаго нужно наказать. Онъ запуталъ дѣла. Что же можетъ быть ужаснѣе, чѣмъ заставить его самого разобраться въ этомъ канцелярскомъ кавардакѣ?» Жадовскаго въ цѣпяхъ повели въ воеводскій приказъ, который былъ въ крѣпости, посадили за судейскій столъ, приставили крѣпкій караулъ изъ 24 человекъ и приказали «разбирать дѣла».

Но тутъ вышелъ совершенно неожиданный скандалъ. Казачій голова Алексѣй Аргуновъ, протоіерей Тарылковъ и какой-то «попъ Григорій», вмѣстѣ съ казаками, «дѣтymi боярскими и людьми служивыми» разбили караулъ, расковали Жадовскаго, заперли ворота въ крѣпости, завалили ихъ колодами и торжественно отслужили молебень на площади за избавленіе отъ нашествія враговъ.

Слѣдователи, оставшіеся внѣ крѣпости, обложили ее со всѣхъ сторонъ войсками, не впускали никого въ крѣпость, а выходящихъ оттуда схватывали, пытали и казнили. Прибыла денежная почта изъ Иркутска, слѣдователи деньги забрали себѣ, а въ Иркутскъ отписали о казусѣ и просили *секурса* у вице-губернатора Жолобова въ видѣ роты солдатъ. Пошла правильная осада. Такъ какъ сидѣть было скучно, то слѣдователи «стали брать обывательскихъ женъ и дѣвокъ себѣ на постелю». Способъ былъ примитивный: за намѣченной жертвой присылали двухъ солдатъ. Такъ, между прочимъ, послали за красавицей-женою капитана Дмитрія

Павлуцкаго. Когда онъ вздумалъ-было защищать свою жену, Скорняковъ-Писаревъ приказалъ его «за явное сопротивленіе военному караулу» *отбить батогами*. Къ слову скажу, что это тотъ самый Павлуцкій, популярный Роландъ, гроза чукчей, погибшій въ 1742 г. въ битвѣ съ этимъ народомъ. Именемъ Павлуцкаго чукчанки до сихъ поръ пугаютъ своихъ дѣтей. «Дюрандель» его, шпага, передается до сихъ поръ изъ рода въ родъ у чукотскихъ *эремъ* (царьковъ).

Между тѣмъ, осажденнымъ надоѣло сидѣть въ крѣпости. Въ ночь на 18-е февраля осажденные сдѣлали вылазку, окончившуюся блестящей викторіей. Непрiятель былъ разбитъ, предводители — взяты въ плѣнъ. Жадовскій приказалъ заковать въ цѣпи всю комиссію и заточить ее въ темницу. Черезъ два дня поручикъ Шнадеръ запросилъ пардону и написалъ на имя Жадовскаго «униженную промеморію». Воевода смиловался, выпустилъ на волю и дозволилъ ему быть слѣдователемъ, не надъ собою, конечно, а *надъ прибывшей комиссіей*. Девятнадцатаго февраля Жадовскій отписалъ о случившемся. Какой характеръ онъ придалъ дѣлу, видно, отчасти, изъ того, что при реляціи было приложено прошеніе Павлуцкой. Заключение доклада было таково: Жадовскій предлагалъ отправить Скорнякова-Писарева въ Жиганскъ, гдѣ тогда было 6 жителей, безъ суда и слѣдствія.

Отвѣтъ изъ иркутской канцеляріи не менѣе замѣчательный, чѣмъ докладъ. Тамъ уже забыли, зачѣмъ слѣдователи были посланы. Жадовскаго благодарили и приказывали ему описать имѣніе Скорнякова-Писа-

рева и сослать его, но только не въ Жиганскъ, а въ другое мѣсто, потому-что въ Жиганскъ отправляли въ ссылку вице-президента коммерцъ-коллегіи Фика, относительно котораго предписывалось не давать ему ни бумаги, ни чернилъ и *запретить разговаривать* *).

Такъ кончилось это казусное дѣло.

X III X

При чтеніи «Gulliver's travels» мнѣ никогда не приходило въ голову, что, пожалуй, самъ когда-нибудь окажусь въ положеніи доктора Лимуэля Гулливера, возвратившагося изъ путешествія въ далекія страны. А вѣдь выпшло именно такъ. Привыкнувъ къ извѣстнымъ первобытнымъ мѣркамъ жизни въ Колымскомъ краѣ, мнѣ крайне трудно было сразу отрѣшиться отъ нихъ, когда я пріѣхалъ въ Якутскъ. Обыватель-колымчанинъ, въ первый разъ выѣхавшій изъ своей глуши въ «Якучко», о которомъ слышитъ массу чудесъ съ дѣтскихъ лѣтъ, совершенно тамъ теряется. Первый мѣсяцъ его нельзя никуда выпускать одного, потому что онъ заблудится. За нимъ нужно зорко смотрѣть, иначе онъ объѣстся хлѣбомъ, который до сихъ поръ былъ для него величайшимъ и рѣдкимъ лакомствомъ. Первое время колымчанинъ безъ просыпа пьетъ, потому что водка стоитъ

*) Скорняковъ-Писаревъ былъ скоро процѣнь, но въ 1740 г. былъ снова арестованъ за притѣсненія подчиненныхъ и за ссору съ Берингомъ, однако черезъ годъ Елизаветой былъ опять процѣнь. Послѣ этого строптивый комендантъ, кажется, успокоился.

не три рубля, а лишь 40 копѣекъ за бутылку. Правда, не смотря на то, что отвыкъ отъ улицъ, я не блуждалъ въ Якутскѣ, но тѣмъ не менѣе доставлялъ не мало темъ для шутокъ мѣстнымъ товарищамъ. Они все предостерегали меня не набрасываться такъ на хлѣбъ, приводя въ примѣръ плачевную участь моего попутчика, Митрофана Даурова, который отпраздновалъ день приѣзда тѣмъ, что съѣлъ фунтовъ 8 ржаного хлѣба. Въ самомъ дѣлѣ, въ шуткахъ товарищей была извѣстная доля правды. Съ первыхъ же дней прибытія въ Средне-Колымскъ мы убѣдились, что мѣстныя условія, волей неволей, дѣлаютъ изъ человѣка такое существо, о которомъ говоритъ Байронъ въ «Донъ-Жуанъ»:

«But man is a carnivorous production
And must have meals, at least one meal a day.
He cannot live, like woodcocks, upon suction,
But, like the zharc and tiger, must have prey».

Какъ мы ни ухитрялись разнообразить столъ «of a carnivorous production», — это намъ не удалось; пришлось отказаться совершенно отъ хлѣба, не смотря на то, что нужда сдѣлала насъ необыкновенно изобрѣтательными: для экономіи муки у насъ изобрѣли *хлѣбъ съ рыбой*. Мука замѣшивалась съ размятой въ ухѣ вареной рыбой, изъ которой предварительно были вынуты всѣ кости. Потомъ хлѣбъ формировали обыкновеннымъ образомъ. На 25 фун. муки мы клали 15 фун. рыбы. Но и такой хлѣбъ былъ слишкомъ дорогъ. Бывали кратковременные періоды однако, когда мы изъ «carnivorous productions» превращались въ строгихъ вегетаріанцевъ. Это бывало весной, между 15-го мая

и 1-го іюня, когда всѣ зимніе продукты кончались, а тони бывали еще залиты водой или же покрыты льдинами и плавникомъ, принесеннымъ съ верховьевъ рѣкъ. Тяжело въ такое время жить въ Средне-Колымскѣ! Куда ни глянешь; — опухшія отъ голода мертвенно желтыя лица и горящіе глаза, въ которыхъ отражается отчаяніе. Обыватели перебиваются вареными ремнями, обглоданными костями, выброшенными еще осенью, налимьими кожами, которыми затянута окна и т. д. Тощія до невѣроятности собаки, шатаясь отъ голода, тихо бродятъ по берегу. Въ эту пору на нихъ нападаетъ особенная болѣзнь, которая выражается въ параличѣ заднихъ ногъ и распуханіи головы. Отъ этой болѣзни собаки околѣваютъ черезъ 3 — 4 дня, а живые товарищи ихъ пожираютъ трупы. Даже за деньги въ городѣ ничего, кромѣ муки изъ запаснаго магазина, купить невозможно. Я писалъ уже, что цѣна муки, 14 руб. за пудъ, совершенно недоступна для обывателей. Вотъ въ эти-то періоды мы превращались въ вегетаріанцевъ. Чтобы муки хватило до тѣхъ поръ, пока отойдутъ тони, — мы ее раздѣляли на строгіе раціоны: по $\frac{3}{4}$ ф. въ день и... ничего больше. Обладавшіе хорошимъ аппетитомъ становились изобрѣтателями. Одинъ изъ нихъ открылъ «декокть», какъ назвала публика новое блюдо. Оно состояло изъ громаднаго количества дикаго шавеля, свареннаго въ водѣ съ солью. Для «вкуса», на громадный котель клались еще ложки двѣтри *соры* (родъ кислаго молока), если она оставалась отъ зимнихъ запасовъ. Изобрѣтатель питалъ слабость къ своему дѣтищу и великодушно жертвовалъ своимъ

временемъ. Съ ранняго утра онъ отправлялся съ большимъ мѣшкомъ за «городъ» собирать шавель, приводя въ немалое изумленіе обывателей. Они ломали головы и никакъ не могли придумать, зачѣмъ намъ понадобилась «травя». Къ обѣду мѣшокъ бывалъ наполненъ. Изобрѣтатель набивалъ шавелемъ котель и варилъ «декоктъ». Къ великому огорченію товарища, среди насъ было мало охотниковъ пробовать варево, не смотря даже на такіе сильные аргументы, какъ: «ѣшьте, господа, вѣдь это не по бюджету».

Гораздо удачнѣе принялась выдумка другаго изобрѣтателя. Нужно сказать, что мука въ Средне-Колымскѣ доставляется въ сыромятныхъ сумахъ. Такъ какъ конямъ часто приходится переходить въ бродъ рѣчки или же дорога идетъ по глубокимъ *бадаранамъ* (болотамъ), то мука всегда подмокаетъ. На днѣ каждой сумы лежатъ нѣсколько большихъ твердыхъ желтыхъ комьевъ перепрѣлой муки. Эти комья мы собирали, дробили ихъ молотомъ и варили клейстеръ для переплета книгъ и для оклейки нашихъ избъ старыми газетами. Эти-то комья обратили вниманіе другаго изобрѣтателя. Разъ, въ концѣ мая, публика, заглянувъ въ нашу штабъ-квартиру, такъ-называемый «павловскій домъ», была крайне изумлена, заставъ изобрѣтателя съ большимъ кузнечнымъ молотомъ въ рукахъ. Онъ дробилъ на полу нѣсколько громадныхъ комьевъ.

— Что вы дѣлаете?

— А вотъ помогите, увидите,—загадочно сказалъ изобрѣтатель. Охотники помочь нашлись. Комья были измельчены старательно, просѣяны сквозь сито, и, къ

общему изумленію, изобрѣтатель замѣсилъ изъ нихъ лепешку. Новое открытіе произвело настоящій фурроръ. Въ ту весну уже никто не оклеивалъ своей избы. Изобрѣтатель пробовалъ даже убѣдить публику жарить лепешку на «свѣчкахъ», оставшихся отъ зимнихъ запасовъ. Свѣчи отливались нами же изъ совершенно свѣжаго оленьяго жира, такъ что употребить такую свѣчу въ пищу можно было, не рискуя прослыть пошехонцемъ. Проектъ изобрѣтателя, однако, не принялся, но только потому, что жаль было свѣчей.

Какъ видите, въ предостереженіяхъ якутскихъ знакомыхъ съ указаніемъ на судьбу Митрофана была извѣстная доля истины. Въ первые дни пребыванія въ Якутскѣ мнѣ казалось также страннымъ, что извѣстіе о прибытіи почты не производитъ никакой особенной сенсациі. То ли дѣло въ Колымскѣ! Ждешь почту четыре мѣсяца. Послѣдніе дни только и разговора, что о ней. Наконецъ, она прибыла. Объ этомъ, запыхавшись, сообщаетъ какой-нибудь якутъ, который сейчасъ же, стремглавъ, мчится въ полицейское правленіе, хотя почта, конечно, ему ничего не везетъ. За якутомъ по одному и тому же направленію мчится весь городъ. Мальчишки кричатъ: «почта кале!» (прибыла). Вотъ, обгоняя обывателей, спѣшатъ товарищи. Впереди всѣхъ, конечно, «печникъ». Онъ рѣшается разстаться лѣтомъ со своими печками и кирпичами, а зимой съ книгами, только когда почта прибываетъ. «Поэтъ» написалъ цѣлую шуточную поэму, въ которой воспѣвается «печникъ», мчащійся въ полицейское правленіе, путаясь въ полахъ длиннѣйшей шубы. А послѣ полученія пи-

семь! Безконечные разговоры; обсужденіе новостей, перечитываніе «новыхъ» журналовъ, вышедшихъ годъ тому назадъ!.. И мнѣ странно слышать въ Якутскѣ жалобы на оторванность, когда письмо изъ «Россіи», изъ Москвы, прибываетъ на 45-й день. На 45-й день! А лѣтняя почта идетъ изъ Якутска въ Средне-Колымскъ четыре мѣсяца.

...Когда-то Якутскъ выдѣлилъ цѣлую фалангу отъ важныхъ изслѣдователей, которые съ небольшими средствами сдѣлали больше, чѣмъ нѣкоторыя экспедиціи, снаряженныя съ большими затратами. Изъ Якутска вышли Михайло Стадухинъ, Дежневъ, открывшій проливъ между двумя материками, Никита Шалауровъ, Ляховъ, Баховъ, Лаптевъ, Павлуцкій, пятидесятникъ Андреевъ, первый принесшій вѣсть о землѣ «усмотрѣнной имъ съ Медвѣжьихъ острововъ въ великой отдаленности», и др. Тогда Якутскъ былъ центромъ, куда стремились энергичные, предприимчивые искатели приключеній и дорогихъ мѣховъ. Любителей «пышнаго» и теперь здѣсь не мало, но они предпочитаютъ брать его при помощи водки. Все, кромѣ пушнины, ихъ нисколько не интересуетъ. Возлѣ Якутска, по Алдану, въ громадномъ количествѣ выступаетъ желѣзная руда. Въ самомъ городѣ, на базарѣ за безцѣнокъ продаются громадныя глыбы ея, взятія *прямо съ поверхности* земли. Якуты обрабатываютъ ее такъ же, какъ древніе греки. Они обкладываютъ кусокъ руды въ комелькѣ углями, поддерживая жаръ маленькими ручными мѣхами; когда углеродъ выгоритъ, кузнецы обламываютъ шлакъ и полученную ноздреватую массу обрабатываютъ моло-

тами. Изъ мѣстнаго желѣза якуты выковываютъ охотничьи ножи, славящіеся во всей области. Несмотря на то, что мѣстныя залежи желѣзной руды совсѣмъ не трудно изслѣдовать,—въ этомъ отношеніи не сдѣлано почти ничего. Предки нынѣшнихъ ловцевъ «пышнаго» при помощи бутылки, первые изслѣдователи, которыми могъ бы гордиться Якутскъ, если бы зналъ чтѣ-нибудь о нихъ, погибли безслѣдно, какъ древніе богатыри. Въ послѣднее время стало хотъ увеличиваться число учащихся, а то большинство купечества было не такъ давно поголовно безграмотно. Тогда на самыхъ аристократическихъ вечерахъ иначе не говорили, какъ якутски. Въ настоящее время въ Якутскѣ — духовная семинарія, реальное училище, женская прогимназія, якутское миссіонерское училище и 5 городскихъ начальныхъ школь. Всѣхъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ, среднихъ и низшихъ, 488. Это на 6,499 человѣкъ населенія. Реальное училище существуетъ съ 1892 г. Исторія его довольно интересна. Лѣтъ 13 тому назадъ городъ ходатайствовалъ объ открытіи реального училища. Разрѣшеніе пришло лишь на открытіе шестиклассной классической прогимназіи. Якутятамъ, плохо понимавшимъ по-русски, вколачивались въ голову тонкости латинской грамматики, съ помощью которой они должны были насаждать потомъ культуру въ родныхъ улусахъ. И теперъ еще педагогическій персоналъ въ Сибири оставляетъ желать многого, въ особенности на окраинахъ. Я приведу характеристику, сдѣланную г. Чудновскимъ въ книгѣ его «Внисейская губернія къ трехсотлѣтнему юбилею Сибири». Книга эта удо-

стоена преміи красноярской городской думы, такъ-что сомнѣваться въ вѣрности характеристики нѣтъ основаній.

«На страницахъ сибирскихъ органовъ печати неоднократно изображался служебный персоналъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній: кутежи, скандалы, взаимные раздоры, интриги за мелкіе интересишки—вотъ къ чему сводится вся жизнь насаждателей нашего просвѣщенія. Въ большинствѣ своемъ педагогическій персоналъ состоитъ изъ людей пришлыхъ, стекающихся сюда изъ разныхъ уголковъ Россіи ради карьеры и увеличеннаго оклада жалованья. Образовательный цензъ этихъ людей, въ большинствѣ случаевъ, крайне сомнительнаго свойства: люди съ университетскимъ образованіемъ составляютъ между ними рѣдкое явленіе! Мы знавали преподавателей математики, затрудняющихся при рѣшеніи самыхъ незамысловатыхъ арифметическихъ задачъ, преподавателей русской словесности, плохо знакомыхъ съ основными правилами русской грамматики и закончившихъ свое образованіе на 3-мъ классѣ духовной семинаріи и т. д.» *). Н. М. Ядринцевъ, въ своей книгѣ «Сибирь, какъ колонія», приводитъ рассказъ одного сибиряка про свою гимназію. «Я помню свою гимназію, какъ собраніе монстровъ-преподавателей, которые ежедневно передъ нами не столько излагали познанія, сколько давали разныя комическія и эквилибристическія представленія: одинъ рассказывалъ изъ

*) С. А. Чудновскій, «Енисейская губернія» (статистико-публицистическіе этюды), Томскъ, 1885 г., стр. 168.

битые анекдоты; надъ другимъ, нѣмцемъ, глумились и хохотали до упаду; третій гонялся за нами съ костью-лемъ; въ корридорахъ и на окнахъ артель учениковъ ставила часовыхъ, чтобы предупреждать пьющихъ въ корридорѣ водку учителей о появленіи инспектора. Тутъ было не до науки. «Въ обозрѣваемомъ нами районѣ (т. е. въ Енисейской губерніи); — говорить г. Чудновскій,—не всегда предстоить необходимость сторожить появленіе начальства, такъ какъ у насъ бываютъ «директоры», предсѣдательствующие на всѣхъ кутежахъ и пирушкахъ» (ib., стр. 169). Такую мрачную картину набрасываетъ изслѣдователь. И это въ Енисейской губерніи, не особенно далеко отъ «Россіи». Можно представить, что творилось въ Якутскѣ и какіе тамъ педагоги насаждали плоды классической литературы въ умахъ якутятъ! Черезъ 13 лѣтъ пришло разрѣшеніе преобразовать классическую прогимназію въ шестиклассное реальное училище.

Въ послѣднее время просвѣщеніе въ Якутскѣ сдѣлало значительные успѣхи. Я даже знаю якутовъ, которые съ величайшимъ трудомъ, съ медленнымъ обзозомъ, добрались до Томска (4 500 вер. отъ Якутска) и которые, послѣ блистательно выдержаннаго экзамена на аттестатъ зрѣлости, поступили въ университетъ.

Особенно тепло относился къ учащимся бывшій губернаторъ ген. Свѣтлицкій, который потомъ былъ переведенъ на такой же постъ въ Иркутскъ. О немъ долго и искренно сожалѣло все населеніе области. «Улаханъ-тоёна Константина» знаетъ всякій якутъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ высоко-гуманныхъ, просвѣщен-

ныхъ людей, которые дѣйствуютъ облагораживающимъ образомъ даже на такую грубую среду, съ какою туристъ встрѣчается въ Якутскѣ.

Я прибылъ въ Якутскъ въ началѣ февраля. Въ это время городъ совершенно замираетъ до начала іюня, когда съ верховьевъ рѣки прибываютъ пловучіе магазины—*навозки*. Тогда городъ кишитъ жизнью. Къ этому же времени являются изъ сѣверныхъ округовъ караваны съ пушниной, мамонтовой костью и кабарговой струей *). Черезъ недѣлю товаръ на повозкахъ раскупленъ, пріѣхавшіе разъѣзжаются, и городъ опять замираетъ на годъ, пробуждаемый порой на мгновеніе крупнымъ скандаломъ или же изъ ряда вонъ выходящимъ преступленіемъ.

IV.

— Да, годика два еще прослужу здѣсь, а потомъ уѣду, гдѣ потеплѣе, на югъ!—такъ говорилъ мнѣ верхолянскій исправникъ. Я тогда уже зналъ мѣстную терминологию и зналъ, что «уѣхать на югъ» совсѣмъ не значитъ отправиться въ Италію, или же хотя бы въ Крымъ, а всего лишь въ Олекминскъ. Какъ же мнѣ формулировать мою поѣздку, если до перваго привала, до

---

*) Въ 1887 г. привезено было изъ сѣверныхъ округовъ мамонтовой кости на 29,700 р., кабарговой струи на 15,400 р., пушнины на 189,700 р. Въ 1888 г. мамонтовой кости привезено на 55,500 р., кабарговой струи на 15,000 р., пушнины на 183,020. Въ 1889 г. привозъ на Якутскую ярмарку изъ сѣверныхъ округовъ выразался въ слѣдующихъ цифрахъ: мамонтовыхъ клыковъ на 57,600 р., кабарговой струи на 22,200 р., пушнины на 250,170 р.

Иркутска, мнѣ нужно сдѣлать 2,813 верстѣ? Свершить этотъ переѣздъ мнѣ нужно какъ можно скорѣе, потому-что я выѣхалъ изъ Якутска 6-го марта, такъ-что весна была уже совсѣмъ близко. Изъ этихъ 2,813 вер., отдѣляющихъ Якутскъ отъ Иркутска, 2,600 приходится сдѣлать все по одной и той же рѣкѣ, по Ленѣ. Больше въ поварняхъ, въ привалахъ на открытомъ воздухѣ не представляется надобности. Станціи отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи 13—20 верстѣ, къ немалому огорченію ѣдущихъ въ почтовомъ возкѣ, такъ какъ къ громадной поверстной платѣ (4¹/₂ к. съ коня) прибавляется еще частый расходъ на экипажъ, ямщикамъ на водку и государственный сборъ (вмѣсто прежнихъ подорожныхъ). Если принять въ соображеніе, что до Иркутска 170 станцій, то путь до Иркутска стоить около 350 р. (за прогоны 253 р., государственнаго сбора 34 р., за экипажъ—20 р. и ямщикамъ «на водку» 30 р.). «На водку» является необходимой контрибуціей. Хотя на каждой станціи виситъ таблица, гласящая, что ямщикамъ строго воспрещается просить на водку, но пусть пассажиръ попробуетъ не давать денегъ! Его повезутъ шагомъ, вывернутъ двадцать разъ и хоть два раза искупаютъ въ наледи. Станція стоитъ всегда на высокомъ, крутомъ берегу рѣки. Кони запряжены. Два человѣка съ трудомъ держатъ горячихъ коней подъ уздцы и осторожно сводятъ ихъ съ наиболѣе крутаго обрыва. Вотъ ведущіе отскочили въ сторону, и кони помчались бѣшенымъ галопомъ, осыпая ваше лицо пѣлой тучей морозной пыли. Такъ мчатся они версты три, пока ямщику удастся удержать ихъ, а передъ новой

станціей такимъ же аллюромъ кони взбираются на косо-горь. Станціи всѣ на одинъ ладъ. Это—рубленая изба о двухъ свѣтлицахъ: одна—для проѣзжающихъ, другая—ямщицья. Въ чистой комнатѣ на стѣнахъ всегда одно и то же. Тѣ же часы съ кукушкой, слегка попорченной, такъ-что птичка только кукуетъ, но тщетно старается выбраться изъ окошечка. Подъ часами—описание пути до слѣдующей станціи. Изъ него вы узнаете, что лѣтомъ здѣсь пассажиры перевозятся въ лодкахъ, которыя тянутъ бичевой кони; весною же и осенью дороги нѣтъ, есть лишь тропа для верховыхъ коней черезъ горные кряжи. Остальныя стѣны облѣплены лубочными картинками. Тутъ—«Какъ мыши кота хоронятъ» и иллюстраціи къ народнымъ пѣснямъ (чаще всего встрѣчается пляшущая дѣвица съ надписью: «Ахъ, ты, парень-паренекъ, не кричи во весь ротокъ! Мой батюшка у воротъ, зоветь меня да въ огородъ, полоть лукъ то и чеснокъ»). Очень часто встрѣчаются картинки вольнаго содержанія: солдатъ, катящій въ телѣгѣ, обнявшись съ двумя бабами, съ подписью: «Катай по всѣмъ по тремъ, Ивановна», а то «Кузница для передѣлки стариковъ въ молодыхъ» и т. д. Очевидно, вкусы всѣхъ приленскихъ почтарей замѣчательно тождественны, потому что однѣ и тѣ же картинки попадаются отъ Якутска до Жигалова. Иногда на столѣ лежитъ еще книжка въ старинномъ кожанномъ переплетѣ. Разверните ее: это—«Новости русской литературы» за... 1804 г., отпечатанныя въ типографіи Лообія, Гарпія и Попова. Анонимный авторъ доказываетъ проѣзжимъ въ статьѣ «Мысли уединеннаго мудреца» суету міра и пре-

лести наслажденія добродѣтелью на лонѣ природы. Ахъ, какъ видно, «уединенный мудрецъ» напрасно потратилъ всѣ перлы своего краснорѣчія! Въ чемъ ужъ другомъ, а въ излишней «добродѣтели» приленскихъ крестьянъ заподозрить нельзя. Я странствовалъ долго на крайнемъ сѣверо-востокѣ, но тамъ, въ пустынѣ, рѣдкій встрѣчный дикарь непремѣнно другъ. Я братался и спалъ въ одной палаткѣ съ чукчами, которыхъ Лотерусъ называетъ «natio ferocissima et bellicosa», а Георги въ своемъ трудѣ «Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs» аттестуетъ такъ: «Чукчи болѣе дики, грубы, упрямы, свирѣпы, вороваты, вѣролонны и мстительны, чѣмъ всѣ окружающіе ихъ дикари» (цитир. сочиненіе, стр. 350). А между тѣмъ, у «вороватаго племени» у меня ничего никогда не пропало; у «свирѣпыхъ дикарей» мнѣ никогда не приходило на мысль, что я забылъ дома мой револьверъ, который лежалъ тамъ заржавленный и разряженный, потому что въ Колымскомъ краѣ въ немъ не представлялось никакой надобности. А тутъ, на Ленѣ, гдѣ деревни отстоятъ такъ близко другъ отъ друга, мнѣ не одинъ разъ давали совѣтъ держать револьверъ въ исправности, а на слова мои, что мой багажъ слишкомъ скуденъ, чтобы прельстить кого-нибудь, мнѣ отвѣчали: «у насъ *приньютъ* (т. е. убьютъ) и *сдѣлаютъ крѣпкую* за цѣлковый». Такъ какъ мнѣ приходилось ѣхать день и ночь, признаться, порой, какъ выѣдешь въ глухую полночь со станціи, невольно станеть жутко. А тутъ еще ямщикъ погоняетъ коней самымъ распространеннымъ здѣсь образомъ, т. е. свиснетъ «разбойничьимъ посвистомъ» и таркнетъ: «со-

кольники, гррабятъ!» Конямя знакомъ этотъ крикъ. Они сейчасъ же прижмутъ уши и мчатся во весь опоръ. А то ямщикъ, замѣтивъ, что вы не спите, станеть «забавлять васъ», т. е. расскажеть, какъ «иногда» на этомъ самомъ мѣстѣ богатаго приискателя «за машинку» (т. е. за глотку) схватили, отобрали у него деньги, «сдѣлали ему крышку» и бросили въ прорубь...

Первые дни пути мы ѣхали все якутскими мѣстами. На короткихъ долинахъ всюду виднѣлись разбросанныя юрты съ огромными «бютями» (оградами) возлѣ нихъ. Ямщину правили либо якуты, либо объякутившіеся крестьяне. Якуты здѣсь рассказываютъ смутную легенду, что въ давнія времена они жили на югѣ «у моря», рядомъ съ племенемъ *хоро* *). При богатыряхъ Сахаргана-Бьяргянь и Батабатырѣ якуты пошли дальше на сѣверъ, на Лену. *Хоро* преслѣдовали ихъ и хотѣли всѣхъ перебить, да, на счастье, луна пошла на ущербъ. А *хоро* имѣли обыкновение не предпринимать никакого похода между полнолуниемъ и новолуниемъ. Этимъ временемъ воспользовался Сахаргана-Бьяргянь и спѣшно повелъ свой народъ впередъ по Ленѣ до того мѣста, гдѣ они живутъ теперь. Эти якуты гораздо энергичнѣе, здоровѣе и менѣе забиты, чѣмъ ихъ собратья на крайнемъ сѣверо-востокѣ. «Хайлакамъ» (уголовнымъ ссыльно-поселенцамъ) здѣсь не живется такъ привольно, какъ на дальнемъ сѣверѣ. Прежде всего, улусъ старается сбыть поселенца: ему даютъ кругъ масла, мѣшокъ ячмен-

*) *Хоро* значитъ монголы; вѣроятно, тутъ рѣчь идетъ о бурятахъ.

ной муки, рублей 5 деньгами, лишь бы онъ уходилъ куда хочетъ и больше не возвращался. Возвратившихся ждуть иногда крупныя непріятности. Не рѣдки даже страшныя драмы: якуты бросаютъ возвратившагося поселенца въ прорубь; благо *хаймак* существо совершенно безправное, за которое заступиться некому.

На тѣхъ станціяхъ, гдѣ ямщики—якуты, туристы, не говоряшіе по-якутски, бываютъ поставлены въ критическое положеніе. Объяснитесь съ челювѣкомъ, который на всѣ ваши вопросы отвѣчаетъ «кулганъ суохъ!» (т. е. *ула нѣтъ*, не понимаю). Можно наблюдать такую сценку:

— Принеси соломы въ сани!—кричитъ проѣзжій.

— Бу баръ! (вотъ оно),—отвѣчаетъ ямщикъ и подаетъ подушку.

— Соломы, говорятъ тебѣ, идоль поганый!

— Бу баръ!—недоумѣвающимъ голосомъ отвѣчаетъ «идоль», всовывая кошму.

Проѣзжій приходитъ въ бѣшество. Онъ показываетъ растопыривъ руки, что ему нужна охапка соломы. А якутъ понимаетъ своеобразно: онъ вталкиваетъ пассажира въ возокъ и пробуетъ опоясать его доху.

— Толмача! Толмача сюда!—кипятится несчастный. Является толмачъ, объякутившійся крестьянинъ, которому, наконецъ, удается втолковать, что требуется; большею частью при помощи такого приема: приѣзжій беретъ одну соломинку, показываетъ ее переводчику и говорить: «много надо!»

Въ иной деревнѣ на козлы взберется ямщикъ, по типу совсѣмъ якутъ: глаза косые, бороды нѣтъ, скулы

выдаются; по-русски знаетъ лишь нѣсколько словъ. Попробуйте, однако, спросить его:

— Ты якутъ?

— Ми кристьянъ!—обидчиво отвѣтитъ онъ.

У поселенцевъ дѣти уже всегда объякутъли.

Лена—боевая артерія всего края, единственная дорога по немъ. Деревни ютятся у самаго берега рѣки. Это все невольные засельщики: предковъ ихъ пригнали сюда, чтобы было кому править ямшину. Далѣе, по обѣ стороны рѣки, полная пустыня. Изъ всѣхъ сибирскихъ рѣкъ Лена самая живописная. Дикая красота ея поражаетъ своею причудливостію. Оба берега гористы. Они то круты и обрывисты и состоятъ изъ краснаго песчаника, то волнисты. Песчаникъ кажется сложеннымъ рукою человѣка, до того кладка плитъ правильна. Въ иномъ мѣстѣ обрывы нависли надъ рѣкою и, кажется, обрушились бы, если бы ихъ не подпирала исполинскія естественныя колонны изъ того же плитняка. Подъ обрывомъ, надъ самой рѣкой, по узкому карнизу, вьется бичевникъ. Далѣе берега тянутся въ видѣ исполинскихъ стѣнъ, сложенныхъ руками циклоповъ. Ряды стройныхъ листовенницъ и пихтъ, дѣлящихся по обрывамъ, кажутся воинами, лѣзущими на приступъ на эти бастіоны. А тамъ далѣе, на самомъ гребнѣ, какъ первые солдаты, взобравшіеся на крѣпость, высится нѣсколько отдѣльныхъ пихтъ. Стѣны изъ краснаго плитняка чередуются съ волнистыми сѣрыми гранитными массами. Грозно торчатъ отдѣльные острия глыбы, наклонившіяся надъ самой рѣкой. А далѣе слѣдуютъ пласты разноцвѣтнаго шифера и зеленаго порфира,

придающие берегу сказочно-фантастическій характеръ. Берегъ изрытъ глубокими пещерами. Въ одной изъ нихъ, въ 150 верстахъ отъ Якутска, д-ръ Киберъ натолкнулся на странное явленіе: посреди пещеры, на каменистой почвѣ, не смотря на мракъ, господствующій тамъ, растутъ нѣсколько листовнищъ. Съ горъ во многихъ мѣстахъ сбѣгають на рѣку теплые минеральные ключи, изъ которыхъ нѣкоторые далеко распространяють запахъ сѣрнистаго водорода. Направо и лѣво отъ береговъ — сплошныя гряды горъ, коегдѣ разрываемыхъ многочисленными притоками Лены, бассейнъ которой занимаетъ 925,000 квадр. миль. Въ этихъ горахъ, въ особенности въ лежащихъ на востокъ, много такихъ мѣстъ, гдѣ еще никогда не бывалъ европеецъ. Двѣсти сорокъ лѣтъ тому назадъ, казачій атаманъ Поярковъ едва не погибъ, пробираясь съ своими удалцами по Алдану и Тюмтону на Зею и Амуръ. Лишь ламуть чувствуетъ тамъ себя вполне какъ дома. Очевидно, на правый берегъ Лены больше всего упало крупницъ земли изо рта злаго духа во время его спора съ Юрюнгъ-Аи-Тоёномъ, о чемъ рассказываютъ якуты. Прежде земля была покрыта водою. Злой духъ заспорилъ съ Юрюнгъ-Аи-Тоёномъ, кто сильнѣе.

— Ты что умѣешь дѣлать,— спросилъ «бѣлый богъ»?

— Я могу нырнуть въ воду и достать со дна комокъ глины,—отвѣтилъ злой духъ. И сдѣлалъ такъ, и вынесъ во рту глину. Юрюнгъ-Аи-Тоёнъ взялъ ее и вымѣнилъ изъ нея землю. Она была совсѣмъ плоская. Только злой духъ не всю глину отдалъ: часть ея онъ спряталъ въ глоткѣ. Замѣтилъ это «бѣлый богъ» и

ударилъ злаго духа по шеѣ. Глина выскочила и рассыпалась крупицами по землѣ. Гдѣ упала крупица, тамъ появились горы.

На четвертый день путешествія я уже ѣхалъ по маленькому, но шеголеватому Олекминску, отстоящему отъ Якутска на разстояніи 600 верстѣ. Городокъ состоитъ изъ двухъ частей: собственно Олекминска и смежнаго съ нимъ скопческаго селенія Спасскаго. Спасское гораздо красивѣе и богаче города. Въ рукахъ скопцовъ находятся почти всѣ ремесла, требующія искусства, кромѣ того, ихъ деревня снабжаетъ не только городъ молочными продуктами, огородиною и, отчасти, хлѣбомъ, но доставляетъ эти продукты въ значительномъ количествѣ на пріиски.

«Вѣчная мерзлость», залегающая подъ почвой всей Якутской области, начинается въ Олекминскѣ лишь на глубинѣ отъ $1\frac{1}{2}$ аршинъ. Глубина этого мерзлаго пласта неизвѣстна. Какъ извѣстно, въ Якутскѣ рыли колодезь и на глубинѣ 55 сажени все еще была та же мерзлота. Температура почвы тамъ на глубинѣ сажени— $11,25$, на глубинѣ же 55 саж.— $3,12^{\circ}$. Первый о вѣчно мерзлой почвѣ оповѣстилъ старикъ Гмелинъ. Ему никто не повѣрилъ. Ученые поднимали его на смѣхъ, потому что сообщеніе Гмелина противорѣчило всѣмъ теоріямъ о внутренней теплотѣ. Лишь въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія Миддендорфъ подтвердилъ наблюденія, сдѣланныя еще въ прошломъ столѣтіи, и убѣдилъ міръ въ существованіи явленія, извѣстнаго въ цѣлой странѣ всякому.

III.

Вотъ уже десятый день, какъ я въ дорогѣ. Рѣка, которая подъ Якутскомъ имѣла около 15 верстъ въ ширину, теперь значительно сѣззилась. Деревни пошли все больше да больше. Мы проѣхали уже первый «золотой центръ» олекминской системы, «разведенцы» (т. е. резиденцію) Мачу, и близимся къ знаменитой «Дворянской волости», рассказы о которой можете услышать даже въ Пермской губерніи. Первыми провозвѣстниками близости «золотой волости» являются капища приленскихъ «кабацкихъ королей» — подвалы со спиртомъ. Въ видѣ сторожевой цѣпи «подвалы» эти охватили кольцомъ «тайгу» *) и какъ бы сторожатъ, чтобы ни одинъ прискаатель не ушелъ, не оставивъ въ капищахъ «кабацкихъ королей» весь результатъ своей каторжной работы. Короли эти — настоящіе патенты. Благодаря деньгамъ, въ ихъ рукахъ огромная округа, съ мѣстнымъ начальствомъ вмѣстѣ. Помимо эксплуатаціи населенія, закабаливанія на вѣковѣчныя времена инородцевъ и т. д., короли эти творятъ вещи, совершенно невѣроятныя. Въ своей прекрасной статьѣ «По Ленѣ», помѣщенной въ лѣтнихъ книжкахъ «Вѣст. Европы» за 1893 г., г. Птицынъ сообщаетъ фактъ, какъ эти короли совершили нѣсколько убійствъ. О заходустныхъ дореформенныхъ судахъ Сибири населе-

*) Кромѣ общезвѣстнаго смысла, *тайна* означаетъ также совокупность золотыхъ присковъ въ данномъ районѣ.

не говоритъ: «набей возъ людей, да привези возъ золота судьямъ — чистымъ выйдешь». Судъ два раза оправдывалъ кабацкихъ королей (дѣло поднялъ генераль-губернаторъ). Тогда генераль-губернаторъ переслалъ дѣло въ сенатъ. Улики были слишкомъ ясны и рѣшеніе было постановлено: «королей», разгуливавшихъ на свободѣ, заковали и отвезли на каторгу. Къ этому примѣру можно было бы прибавить десятокъ другихъ: «Кабацкій король» — обыкновенно грубое, невѣжественное существо, вѣчно полупьяное, наглое и самодовольное. Доходъ нѣкоторыхъ среди нихъ достигаетъ даже тысячъ до тридцати въ годъ; тѣмъ не менѣе, «кабацкій король» живетъ въ грязи, выгадывая даже на хлѣбѣ, который съѣдаютъ батраки. Въ работники онъ всегда старается залучить «варнака» (поселенца), потому что его выгоднѣе нанять и легче обчитать, чѣмъ «чалдона» (крестьянина). Дать кому-нибудь «варнацкій расчетъ» значить на Ленѣ сильно обмануть работника. Сибирскія газеты наполнены подвигами этихъ «королей». Главнымъ центромъ ихъ дѣятельности, почти до послѣдняго времени, былъ Витимъ, резиденція «Дворянской волости».

— Почто вы ее прозвали такъ? — спросилъ я ямщика.

— Да какъ не «Дворянская волость», коли тамъ крестьяне не пашутъ, работы не любятъ, а ѣдятъ сытно и живутъ, какъ господа?

Такъ оно и было до самаго послѣдняго времени. Недалеко отъ Витима находятся знаменитые Витимскіе золотые прииски. На одномъ изъ нихъ, Успенскомъ, добыто въ 1892 г. 110 п. 32 ф. 54 зол. золота. Богат-

ство процентнаго содержанія золота можно видѣть изъ слѣдующаго: въ 100 пуд. песка находится 5 з. $1\frac{1}{4}$ д. золота. Такихъ богатыхъ росыпей на всемъ земномъ шарѣ не особенно много. На всѣхъ Витимскихъ прискахъ было намыто въ 1892 г. 290 п. 25 ф. '93 з. 42 д. *); но это далеко не самая большая добыча. Годами на Витимской системѣ работаетъ въ «операцию» до 7,500 чел. Работы вообще на прискахъ крайне тяжелы, тѣмъ болѣе въ Якутской области, гдѣ залегаетъ такъ называемая «вѣчная мерзлота». Тяжелы открытыя работы, еще труднѣе, «ортовыя» или шахтовыя. Въ «ортахъ», т. е. подземныхъ галлерейхъ, прискатели нерѣдко работаютъ по колѣно въ ледяной водѣ. Послѣ утомительнаго каторжнаго труда сомнительный отдыхъ въ общихъ баракахъ, которые даже по официальному отчету аттестуются такъ: «помѣщенія для рабочихъ въ гигиеническомъ отношеніи заставляютъ желать многаго». Точно такъ же должно быть и продукты не всегда важные, если на прискахъ иногда поголовно болѣютъ гастрическими болѣзнями. Въ 1892 г. весною на прискахъ было около сотни умершихъ въ нѣсколько дней отъ кроваваго поноса. Въ сибирскую печать объ этомъ проникъ смутный слухъ; газеты же Европейской Россіи объ этомъ не узнали ничего. Цынга — заурядная болѣзнь на прискахъ. Впрочемъ, тамъ же въ тайгѣ ра-

*) Всего въ Якутской области, на двухъ системахъ Олекминской и Витимской, добывается въ годъ 485 п. 9 ф. 58 з. 52 д. (1890 г.); для этого было промыто 84.752,013 пуд. золотосодержащихъ песковъ.

стеть и специфическое лѣкарство—черемша *). И вотъ, рабочій, назавшійся, наголодавшійся на каторжной работѣ въ теченіе цѣлой «операціи», 10-го сентября получаетъ расчетъ. До сихъ поръ въ его карманѣ не было ни копѣйки; все забиралось въ компанейскихъ магазинахъ «на книжку». Теперь у него сразу оказался цѣлый капиталъ. Правда, далеко не весь заработокъ достается рабочему **), но все же оставшаяся сумма значительна для поселенца, напримѣръ, для котораго и гривенникъ—капиталъ. Въ тайгѣ прискаатель былъ безсловеснымъ животнымъ въ рукахъ компаніи. Теперь представьте, что вся эта тысячная толпа въ одинъ и тотъ же день (10-го сентября) вдругъ оказывается на свободѣ. Въ первой же деревнѣ она старается наверстать все за годъ. Такимъ мѣстомъ являлся Витимъ. Село становилось мѣстомъ дикаго, сумасшедшаго разгула. Многочисленные магазины, кабаки, трактиры, все населеніе поголовно — только и ждали этого дня. Прискаатель начнетъ съ того, что сброситъ съ себя рваную «лопаты» (одежду), взятую за дорогую цѣну «на книжку» изъ компанейскихъ магазиновъ, и нарядится въ сапоги бутылками, въ бархатные шаровары

*) *Черемша*, *Allium ursinum*, видъ дикаго чеснока. Отъ корня идетъ малиноваго цвѣта перо, длиною около полуаршина, съ половины расширяющееся въ зеленое, полосатое, шириною въ вершокъ перо. Молодыми листьями этого растенія въ самое короткое время радикально излѣчивается цынга въ самой злой формѣ.

**) Въ операцію 1891 г. рабочимъ причиталось 2.483,757 руб. 45 коп.; но получили они лишь 660,496 р. 73 к. По «книжкамъ» компанія высчитала у нихъ 1.431,272 р. 37 к. Кромѣ того, штрафовъ 8,834 р. 65 к. («Отчетъ Якуг. обл.», 1891 г.).

и поддевку, въ бобровую шапку. Онъ надѣваетъ нѣсколько шелковыхъ рубахъ одну на другую, одна короче другой и различныхъ цвѣтовъ, чтобы видно было. Въ магазинѣ купить часы, да не одни, а пару. После этого пріискатель принимается «гулять». Найметъ трехъ бабъ, запряжетъ ихъ въ телѣгу и съ гикомъ разѣзжаетъ по селу; а то купить дорогую шаль, сядетъ на нее и четыре нанятыхъ «чалдона» (крестьянина) несутъ его изъ кабака въ кабакъ. Другой еще изобрѣтательнѣе. Купить въ магазинѣ нѣсколько кусковъ ситца и разстелетъ ихъ по грязи. Впереди пляшетъ по нимъ пріискатель со штофомъ въ рукахъ, а сзади его ведутъ по ситцу специально нанятаго *коня* (это въ знакъ презрѣнія къ деньгамъ) и идутъ музыканты. Пріискателю хочется хоть минуту видѣть себя въ положеніи *хозяина*, который можетъ бить. И вотъ онъ нанимаетъ крестьянина, которому даетъ пощечины, по 5 руб. за каждую. Что касается разврата, то онъ достигаетъ чудовищныхъ, животныхъ размѣровъ. Къ услугамъ пріискателя не только *поголовно* все молодое женское населеніе, но и масса проститутокъ, специально къ этому дню прибывшихъ изъ Якутска и Иркутска. Нужно имѣть въ виду, что иные пріискатели выносятъ изъ тайги двѣ и даже три тысячи рублей, считая съ платой за «подъемное» и «старательское» золото, за которыя компанія выдаетъ рабочему отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. за золотникъ *). Кромѣ того, многіе ухит-

*) Наибольшій годовой заработокъ рабочаго 1,240 р. въ годѣ, а средній—550 р.

ряются выносить еще «пшеничку» (краденое золото). Все это оставлялось въ Витимѣ. Въ пьяномъ видѣ надъ пріискателями учинялись преступленія. Оборотъ рабочаго было самымъ невиннымъ дѣломъ. Каждый годъ послѣ 10-го сентября въ Ленѣ, на берегу въ кустахъ и т. д. находили десятка два мертвыхъ тѣлъ. Многіе пріискатели пропадали безслѣдно, потому что въ нѣкоторыхъ витимскихъ вертепахъ имѣются подполья, умѣющія хранить тайны. Факты эти я передаю со словъ официального лица, близко знавшаго мѣстные нравы, много разъ бывавшаго тамъ на слѣдствіяхъ. Убіиства эти совершались, большею частью, совершенно безнаказанно, потому что среди рабочихъ масса поселенцевъ, о которыхъ вспомнить некому *). Черезъ 2—3 дня сумасшедшаго разгула пріискатель пропивалъ все; тогда въ кабакъ и въ руки бабъ шла нарядная «лопата» (одежда), часы, золотыя массивныя самодѣльныя кольца, похожія на звенья отъ кандаловъ. Тогда пріискатель опять записывается на новую операцію или же идетъ, по найму витимскаго крестьянина, въ «спиртоносы», т. е. берется доставлять контрабандой водку на пріиски. На это идутъ лишь люди отважные, потому что отвѣтственность громадная. Большею частью, объѣзды, захвативъ спиртоноса, отбираетъ у него все и избиваетъ нагайками до полусмерти, а то совсѣмъ забиваютъ на смерть. Такимъ образомъ, витимцы въ нѣсколько дней добывали легкимъ путемъ средства, чтобы жить «по дворянски» цѣлый годъ. Такъ было до 1890 г.

*) Ссылные на пріискахъ составляютъ около 40%.

Съ этого года компани не выпускають болѣе рабочихъ въ Витимѣ, а, давъ имъ расчетъ, препровождаютъ ихъ на пароходѣ до Киренска. Что же вышло? Прекратился ли дикій разгулъ? Конечно, нѣтъ. Мѣсто это лишь перенесено болѣе на югъ.

Вотъ я и въ Витимѣ. Село это напоминаетъ настоящій уѣздный городъ. Всюду красивые дома, большіе магазины; но на всемъ печать захудалости и поблеклости минувшаго счастья. «Дворянская волость» отвыкла отъ работы. Она ничего не умѣетъ дѣлать, а источникъ дохода, пріискатель, ушелъ отъ нихъ. Наболѣе молодые и энергичные принялись за ремесло спиртоноса, благо капищъ «кабацкихъ королей» въ округѣ цѣлая уйма.

Въ Витимѣ есть даже и клубъ. Но и на немъ лежитъ та же печать захудалости, какъ на магазинахъ и трактирахъ. Я поинтересовался осмотрѣть этотъ «клубъ». Онъ помѣщается во второмъ этажѣ деревяннаго дома. Главная «зала» шаговъ 30 въ длину, но такая низкая, что высокій человѣкъ можетъ достать рукой потолокъ. Стѣны оклеены грошевыми обоями съ изображеніями пастушковъ, овечекъ и коровокъ. Вдоль стѣнъ—ряды сборныхъ стульевъ. Въ углу табличка съ надписью: «расписанье танцевъ». Тутъ и «кадрель», и «ланце» и, въ концѣ-концовъ, «русская». Къ «залу» прилегають еще четыре комнаты. Въ нихъ на полу громадныя кучи винныхъ пробокъ и смятыхъ картъ, но ни клочка газетной бумаги. Здѣсь проигрывались «хозяевами» громадныя состоянія. «Клубъ» былъ не топлень давно, потому на стѣнахъ и потолокѣ лежалъ слой инея. Если я не ошибаюсь, теперъ это зда-

ніе сгорѣло. Да и на что оно теперь въ упраздненной «дворянской волости»?

Принципъ древнихъ философовъ, что смерть одного вызываетъ къ жизни другого, оправдывается и тутъ. Гибель Витима создала благоденствіе Киренска, который въ два-три года увеличился вдвое и изъ захудалаго географическаго термина сталъ бойкимъ городкомъ.

IV

На пятнадцатый день путешествія я переѣхалъ наконецъ границу Якутской области. Считая со времени выѣзда изъ Сухарнаго, на берегу Ледовитаго океана, я ѣхалъ все по ней около 3 мѣсяцевъ и сдѣлалъ болѣе 5 тысячъ верстъ, не выѣзжая изъ района, находящагося подъ вѣдѣніемъ одного и того же губернатора. Здѣсь всегда мѣряютъ разстояніе тысячами верстъ, а время путешествія—мѣсяцами. Рѣка была уже тутъ не шире версты; но виды стали еще живописнѣе. Не доѣзжая верстъ трехсотъ до Киренска, за станціей Частые Острова, находятся знаменитыя Щеки. Рѣка сперта громадными, совершенно отвѣсными скалами около 600 футовъ вышины. Исполинскія каменные стѣны стоятъ параллельными рядами, образуя родъ гигантскихъ кулисъ. Расположеніе скалъ таково, что стѣбить выстрѣлить изъ ружья, какъ эхо устроить настоящую канонаду, такъ какъ звукъ повторяется разъ сто, съ силою пушечнаго выстрѣла. Эти «Щеки» лѣтомъ губятъ не одно судно, такъ какъ при малѣйшемъ вѣтрѣ возлѣ нихъ образуются настоящіе буруны. Стремительное

теченіе бросаетъ «павозокъ» прямо на скалы, гдѣ онъ и разбивается. Спертая отвѣсными стѣнами, вода здѣсь быстро поднимается на нѣсколько саженой при таяніи снѣговъ и такъ же быстро падаетъ.

Скоро окончательно исчезли якуты; но «русское» населеніе Киренскаго округа такое странное, что не даромъ мѣстныхъ крестьянъ прозвали «бѣлыми якутами». Нужно сознаться, что кличка не совсѣмъ несправедлива. Киренцы такъ сюсюкаютъ, пришепелявуютъ и картавятъ, что, на первыхъ порахъ, трудно догадаться, что разговоръ идетъ по-русски. Наблюдается еще такого рода странность: въ одной деревнѣ всѣ поголовно сюсюкаютъ, въ другой—картавятъ или же мѣшаютъ согласныя, въ третьей—у всѣхъ зобы и т. д. Последнее явленіе очень часто.

«Зобъ не увѣще, а краса целовѣця»,—говоритъ мѣстная пословица. Тѣмъ не менѣ несчастны тщательно прячуть свою «красу целовѣцью» въ широкихъ шарфахъ. Крестьяне объясняютъ зобатость употребленіемъ сырой ленской воды. Волей-неволей киренцы живутъ лишь исключительно «съ кнута», т. е. почтовой гоньбой. Земля здѣсь значительно хуже, чѣмъ въ Якутской области. Почва—камениста и слегка лишь покрыта тонкимъ слоемъ глины и песка. Открытыя мѣста, заросшія ельникомъ, тоже не удаются превращать въ пашни. Почва покрыта тамъ толстымъ слоемъ моха. «Пробовали выжигать этотъ мохъ, въ надеждѣ добраться до почвы, но подъ мохомъ всегда оказывался толстый слой торфа, который загорался, тлѣлъ безконечно долгое время и въ результатѣ на расчищенной

площади образовались лишь громадные ямы и бугры, а «почвы» все-таки не находилось» *). Наибо́льѣ удобныя пахатныя мѣста лежатъ близъ устья р. Черепанихи, притока Лены; но тутъ, во время водопо́лья, вода заливае́тъ пашни и оставляетъ на нихъ громадныя саженныя льдины, которыя крестьянамъ приходится дробить кайлами. Осимъ пропадаетъ чуть-ли не ежегодно. Какъ высока бываетъ вода на пашняхъ, можно видѣть изъ той же статьи г. Чмырова. «Въ 1889 г.,—говоритъ онъ,—барки и Минѣвскіе пароходы проплывали черезъ дуга и поля «на прямике», а земля такъ напиталась влагою, что только къ концу мая можно было приступить къ пахотѣ; посѣвы же хлѣбовъ могли быть закончены лишь во второй половинѣ юня». Работы на неблагода́рной нивѣ столько, что лѣтомъ ямщину правятъ мальчики, да неспособные къ крестьянскому труду зобатые уроды. Жаль смотре́тъ на этихъ несчастныхъ, когда они практически изучаютъ ленскіе «мысы», «носы», «кулиги» и знакомятся съ ямщицкими терминами: «зарачило», «отсаривай», «ближе къ водѣ», означающіе, что бичева почтовой лодки зацѣпилась за камень, что лодка сѣла на мель или же, что правящему конями, которые тащатъ бичеву, предстоитъ переправа черезъ длинную заводь. На придачу почтовая гоньба, несмотря на 1,300—1,500 руб., получаемые въ годъ крестьянами отъ казны за пару,—превращается иногда въ тяжелую барщину. Дѣло въ томъ, что крестьяне

*) П. Чмыровъ, «Земледѣліе въ приленской долинѣ Киренскаго округа», *Сибир. Сборникъ*, вып. II за 1890 г., стр. 90.

должны «гонять почту», доставлять коней для земской службы и, главное, возить поселенцевъ. Это все натуральныя повинности. Поселенцевъ возятъ взадь и впередъ. Изъ Иркутска они слѣдуютъ въ Якутскую область на поселеніе. Въ такихъ случаяхъ, ихъ сопровождаютъ казаки. Изъ Якутска въ Иркутскъ они слѣдуютъ или же на каторгу, или въ видѣ смягченія наказанія. Въ первомъ случаѣ они закованы, во второмъ — конвоируются совершенно особымъ образомъ. Приѣхали мы въ какую-то маленькую деревню, кажется, Банную. Въ то время, какъ я на станціи дожидался, пока перепрягутъ коней, — въ избу вошелъ мальчуганъ лѣтъ 11, закутанный шалью такъ, что виднѣлся лишь кончикъ покраснѣвшаго носа. Черезъ плечо у мальчика висѣла огромнѣйшая сумка изъ юфти.

— Что, паря, скажешь? — спросилъ станціонный писарь.

— Расписку давай: я тѣ двухъ поселенцевъ привезъ, — важно сказалъ мальчуганъ и досталъ изъ сумки «открытый листъ» и книжку. Это былъ «конвоиръ» и ящикъ въ одно и то же время.

— Опять варначье привезли! — крикнулъ писарь. — Все везутъ да везутъ. И гдѣ они, черту подобные, берутся? Изъ глины ихъ лѣпятъ, что-ли? Сегодня ужъ троихъ провезли!

Черезъ нѣсколько минутъ въ избу вошло еще нѣсколько крестьянъ и заспорили, кому очередь теперь возить. Я вошелъ въ ямщицкую половину, чтобы взглянуть на «варначье». Одинъ былъ горскій татаринъ, лѣтъ шестидесяти, высокаго роста, съ искривленными

ногами отъ верховой ѣзды. Достаточно было взглянуть, чтобы убѣдиться, что татаринъ находится въ послѣднемъ фазисѣ чахотки. Печальные, большіе глаза его горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Онъ каждый разъ хватался за грудь, когда заливался мучительнымъ, хриплымъ кашлемъ. Больной съ трудомъ двигался. Онъ не говорилъ почти ни слова по-русски, поэтому я не могъ ничего у него узнать. Вошелъ ямщикъ. Лицо его было озлобленное: ему была очередь везти. Онъ сердито толкнулъ ногой больного, усѣвшагося на полу, на сбруѣ, и обругалъ его. Татаринъ не понялъ, чего отъ него хотятъ, и лишь печально взглянулъ на ямщика. Это взорвало крестьянина. Онъ ударилъ кулакомъ старика, и брань посыпалась градомъ. Татаринъ поднялъ съ пола горсть сора, бросилъ себѣ на голову, затѣмъ поднялъ глаза и руки кверху и прошепталъ: «Алла! Алла!» Приступъ мучительнаго кашля, казалось, готовъ былъ разорвать его больную грудь. Въ жестѣ и въ глазахъ старика было столько трагизма, что крестьянинъ сейчасъ же замолкъ.

— Почто ты, чалпанъ косопузый, старика обижаешь!—вступились другіе ямщики.—Не видишь, больной? Онъ виноватъ, что ли?

Какая-то добрая душа бросила старику соломенную подушку; другой сунулъ ему за пазуху краюху хлѣба и нѣсколько печеныхъ картофелинъ. Самъ обидчикъ, какъ видно, старался придумать, чѣмъ бы загладить свой проступокъ. Въ это время другой поселенецъ сидѣлъ неподвижно на нарахъ, обхвативъ руками острия колѣна, торчавшія изъ прорѣхъ казенныхъ портовъ.

Онъ не спускалъ круглыхъ, какъ луковица, глазъ съ новыхъ сапогъ одного изъ ямщиковъ. Поселенцу было лѣтъ подь пятьдесятъ.

— Гарный у тебе чобітъ, москалю!—наконецъ сказалъ онъ.

— Вы полтавецъ?—спросилъ я его, обрадовавшись земляку.

Поселенецъ взглянулъ на меня, потомъ на «чобітъ», о которомъ онъ только-что сказалъ свою резолюцію, потомъ подумалъ немного и отвѣтилъ:

— Эге-жъ!

Оказалось, это—старый бродяга, уже много разъ ходившій «за границу за шаньгами» (техническое названіе у бродягъ похода въ Россію). Теперь его везли изъ села въ Верхоленскъ для какой-то справки.

— Якъ тилько ослобонять, заразь визьму торбу и знову гайда «за шаньгами». Що-жъ мени и робить? Работать я не здужаю: грудь больтъ. Тилько то и остается, шо «бродяжеской смертью» у тайгі вмерти.

Это былъ бродяга-фаталистъ, признававшій бродяжество, какъ пѣль, безъ дальнѣйшихъ задачъ. Его, какъ и громадное большинство бродягъ, ловили на самой же «границѣ», въ Пермской губерніи; но тѣмъ не менѣе, какая-то сила, противъ его воли, влекла его въ безцѣльное шатанье.

V.

Мнѣ нужно было торопиться. Быль уже конецъ марта. Весна быстро наступала. Вершины прибрежныхъ горъ обнажились. Съ горъ бѣжали ручьи. На льду появились «проталины» въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ снизу бурлили «шиверы» (пороги). Часто сани попадали въ глубокую наледь. У береговъ кое-гдѣ показались за-береги. Нужно было во что бы то ни стало добраться скорѣе до Качуги, до послѣдняго села по приленскому тракту, лежащаго на рѣкѣ. Погода была капризная: въ одинъ и тотъ же день то ослѣпительно сіяло солнце, то начиналъ лить дождь, то сыпала «путерга» *). Разъ она насъ захватила на рѣкѣ. До станціи оставалось еще верстъ десять. «Крупа» сыпала такъ густо, что не видать было ничего. Вдругъ мой возокъ остано-вился.—«Что такое?»—спросилъ я.—«Вишь, новоселы стали. Другого мѣста не нашли!» Я вылѣзъ изъ возка. Поперекъ дороги стояли крытыя рогожей сани. Отпря-женная лошадка покорно опустила голову и, казалось, покорилась участи: она не старалась даже отвернуться отъ «путерги», залѣпившей ей всю морду. У дороги, прямо на снѣгу, сидѣлъ высокій крестьянинъ, въ разорванномъ до невѣроятности полущубкѣ, въ лаптяхъ. Лицо и поза «новосела» выражали полное отчаяніе.

— Вишь, изъ голодныхъ мѣстовъ на приски идутъ! Сколько ихъ туда прошло—страсть одна. А тамъ не

*) Метель, во время которой сыплется снѣжная «крупа».

принимають російскаго человѣка: извѣстно, куды же частокочырчатуму лаптю супротивъ бродня устоять!— горделиво сказалъ ящикъ. Мѣста пошли ужь сытыя, такъ что крестьяне нѣсколько свысока относились къ «новоселамъ» изъ «голодныхъ мѣстъ».

— Си-и-доръ!—раздался больной голосъ изъ-подъ рогожнаго верха. Я заглянулъ туда. Подъ какими-то тряпкама лежали нѣсколько ребятешекъ и простоволосая женщина, очевидно, въ лихорадкѣ.

Это были первые «новоселы», которыхъ я встрѣтилъ, выгнанные изъ родной деревни, Пензенской губерніи, голодомъ. Они пробирались на пріиски, не подозрѣвая, что тамъ не принимаютъ слабосильныхъ, да на придачу еще семейныхъ. Потомъ, по дорогѣ отъ Иркутска до Томска, я встрѣчалъ цѣлыя караваны по нѣсколько разъ въ день. Это было ужь настоящее бѣгство деревни въ Сибирь, на «вольныя земли и чистыя воды»...

Усть-Куть. Отсюда начинаются уже первые признаки европейской культуры: по дикимъ горнымъ прибрежнымъ кряжамъ отъ этого села ползеть уже телеграфъ въ одну проволоку. Усть-Куть связанъ съ исторіей наиболѣе предприимчиваго и отважнаго русскаго искателя приключеній XVII в., Ерофея Павловича Хабарова. Богато одаренный природою *beavertarner*, которому было тѣсно не только въ родномъ Великомъ Устюгѣ, но и въ Енисейскѣ, куда поѣхалъ искать счастья, онъ долго жилъ и умеръ въ Усть-Кутѣ. Здѣсь онъ занимался то земледѣліемъ, то заводилъ солеварни; но мирныя занятія были ему не по душѣ. Какъ только въ 1649 г. прошелъ слухъ про невѣдомую большую рѣку на востокѣ,

про Амуръ, Хабаровъ сталъ ходатайствовать у якутскаго воеводы «позволить ему, Ерофею, идти на своемъ коштѣ, съ охочими людьми, и государевымъ счастьемъ тамошніе народы покорять и ясаки съ нихъ брать».

Въ Усть-Кутѣ былъ сформированъ почти весь тотъ отрядъ «покрученниковъ» (140 ч.), который покорилъ верхній Амуръ и побѣдилъ не только ачанъ и дучеровъ, но даже полки китайскихъ солдатъ, вооруженныхъ пушками, ружьями и «пилартами». Нѣкоторое время Хабаровъ былъ potentatomъ всего Амура. Имя его наводило ужасъ на добродушныхъ маньчуровъ и монголовъ до самаго Калгана. Но и у Хабарова былъ свой Бобадилья, какой-то «боярскій сынъ Зиновьевъ», посланный на Амуръ для слѣдствія. Онъ повезъ отважнаго авантюриста въ Москву. Оттуда хотя Хабаровъ и вернулся въ тотъ же Усть-Куть, но уже лишь въ скромной роли «государева приказчика». На Амуръ посылать его опасались, не смотря на всѣ просьбы Хабарова и посулы покорить Маньчурію *).

Сидя въ Усть-Кутѣ, Хабаровъ долженъ былъ видѣть, какъ пропадаютъ результаты его завоеваній: вскорѣ по нерчинскому трактату русскій посоль уступалъ Китаю обратно весь Амуръ.

Быстро промчались мы по «городу» Верхоленску, едва заслуживающему названіе даже села, и въ тотъ

*) Хабаровъ имѣлъ основаніе давать такія обѣщанія. Въ Китаѣ тогда происходила ломка государственнаго строя. Войска самозванца *Ли-цзи* были разбиты близъ Бей-цзина (Пекина) и въ странѣ воцарилась новая маньчурская династія Дай-Цинь, которая увела почти все регулярное войско изъ Маньчуріи въ Китай.

же день переправились по Ленѣ, не шире здѣсь 100 саженой, въ Качугу. Ледь глухо трещалъ. По немъ, во всю ширину рѣки, разлилась громадная глубокая наледь, черезъ которую меня переправили въ лодкѣ. Десятки павозковъ спѣшно строились, чтобы поспѣть и спустить ихъ при «первой водѣ». Если отъ будущей транссибирской желѣзной дороги будетъ проведена короткая питательная вѣтвь (Иркутскъ—Качуга), она соединитъ далекій Якутскъ съ остальнымъ міромъ. Хотя пароходы доходили лишь до Усть-Кута, но плоскодонныя паровыя суда могли бы подниматься гораздо выше.

Отъ Качуги лѣса исчезли окончательно. Пошла слегка волнистая, но совершенно обнаженная «Братская степь».

Странно было послѣ долгаго путешествія по краямъ, гдѣ горизонтъ скрытъ лѣсами или же хребтами, очутиться на открытой равнинѣ. Всюду вдали, въ сторонѣ отъ дороги, видѣлись разбросанные бурятскіе улусы. Они рѣзко отличаются отъ якутскихъ. Якутскій улусъ разбросанъ на громадной территоріи. Это—цѣлое колѣно, которое раздѣляется на нѣсколько клановъ (наслеговъ). Бурятскій же улусъ это—отдѣльный родъ (аймакъ). Всѣ юрты (айль) родовичей стоятъ другъ возлѣ друга и обнесены общимъ огородомъ изъ жердей. Въ сторонѣ отъ юртъ тянутся «утуги», огороженные громадныя пространства, на которыхъ зимой кормится скоть. Лѣтомъ буряты снимаютъ здѣсь великолѣпное сѣно. Но что прежде всего бросается въ глаза туристу при проѣздѣ черезъ Братскую степь,—это шкуры «ямановъ» (козловъ), вмѣстѣ съ головой и рогами, надѣтыя на

высокіе шести и выставленныя у *амловъ* (юртъ). Это— все жертвоприношенія многочисленнымъ божествамъ бурятъ.

Буряты или *братскіе*, какъ ихъ называютъ русскіе, раздѣляются на живущихъ въ Иркутской губ. (барга-буряты) и забайкальскихъ или же монголо-бурятъ. И тѣ, и другіе вышли изъ Монголіи, тѣснимые какой-то бродячей ордой «ніуча». Бурятскія легенды говорятъ, что батырь Бахакъ Ирбанъ служилъ при дворѣ Сянь-Хана, который приревновалъ его къ своей женѣ и намѣренъ былъ подвергнуть его жестокому наказанію. А Бахакъ Ирбанъ собралъ бурятъ и повелъ ихъ на сѣверъ въ страну Аганъ-паганъ-хана. Здѣсь они встрѣтились съ якутами, которыхъ вытѣснили на сѣверъ. Было это, вѣроятно, около XIII вѣка. Тогда у нихъ существовалъ еще обычай убивать стариковъ, достигшихъ 70 лѣтъ, обычай, извѣстный подъ названіемъ *ухэ-унгулхэ*, т. е. глотаніе жира.

Онъ состоялъ въ слѣдующемъ. Когда старику исполнялось 70 лѣтъ, онъ устраивалъ пиръ для всѣхъ родовичей. По окончаніи банкета, старика или старуху заставляли проглотить пучокъ жира, вырѣзанный въ видѣ длинной ленты. Нѣкоторая часть этой ленты проглатывалась благополучно, а остальная, задерживая притокъ воздуха, душила глотавшаго.

Объ исчезновеніи этого обычая буряты сложили нѣсколько легендъ. Всѣ онѣ сводятся къ тому, что старикъ, котораго сынъ пожалѣлъ убивать и пряталъ отъ родовичей въ *гопто* (ящикѣ), подаль мудрый совѣтъ сыну и спасъ его, такимъ образомъ, отъ смерти.

Всѣ убѣдились, что и старики на что-нибудь нужны и уничтожили обычай *ухэ-унгулхэ* *).

Когда русскіе явились, буряты были уже вполнѣ аборигенами края. Жестокости воеводы Перфильева заставили массу бурятъ убѣжать назадъ въ Монголію, но они должны были вскорѣ возвратиться, такъ какъ изъ огня попали въ поल्या: въ Монголіи свирѣпствоваль тогда ханъ Галданъ.

Въ настоящее время буряты раздѣляются на отдѣльные роды (аймаки), носящіе названіе древнихъ клановъ (*яань*, т. е. костей, по-бурятски). До 1886 года извѣстная группа *аймаковъ* составляла «степную Думу», во главѣ которой стоялъ наслѣдственный *тайша*. Юрисдикція его была очень обширна. Въ 1887 г. начались реформы. Степныя Думы остались лишь въ Забайкальской области. Бурятъ же Иркутской губ. раздѣлили на управы и родовыя управленія, соотвѣтствующія нашимъ волостямъ и сельскимъ правленіямъ. Родовой судъ хотя оставленъ, но объемъ его юрисдикціи значительно сокращенъ и приравненъ къ волостному крестьянскому. Покойный Щаповъ, который по матери былъ самъ бурятъ, говоритъ, что изъ всѣхъ сибирскихъ туземцевъ буряты всего лучше сохранили формы древней общины. Бѣдный бурятъ считаетъ себя въ правѣ требовать пищи и пріюта у богатаго; когда убиваютъ животное, всѣ приходятъ взять себѣ за трапе-

*) См. Хатамовъ, «Легенда о прекращеніи обычая умерщвлять стариковъ», «Извѣст. Вост.-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ.», т. XIX № 3, стр. 22—26.

зою равную долю, и хозяинъ между ними тотъ, кто послѣдній прикладывается къ яствамъ; даже желѣзные украшенія, которыя молодыя дѣвушки заплетаютъ себѣ въ волосы, берутся безъ церемоніи и безъ всякаго вознагражденія у кузнеца общины, который продаетъ свои издѣлія только постороннимъ лицамъ. Сборъ хлѣба на поляхъ производится въ пользу всѣхъ, и каждый беретъ, сколько ему надо, изъ общественнаго амбара.

Общинныя формы жизни выражаются не только въ праздникахъ бурятъ (тайлаганъ), но и въ общихъ охотахъ на звѣрей (зэгэтэ-аба), которыя еще недавно устраивались каждыя 8—12 лѣтъ. Охотой завѣдывалъ наследственный атаманъ (гална или губучи), пользовавшийся диктаторскою властью. Всѣ результаты общинной охоты дѣлились потомъ поровну между всѣми участвовавшими, какъ между взрослыми, такъ и дѣтьми*). Любопытно то, что на крайнемъ сѣверо-востокѣ, въ Колымскомъ округѣ, сохранился обычай, аналогичный бурятской зэгэтэ-аба, именно, *черезовая ловля*, о которой я говорилъ уже. При «черезовой ловлѣ» добыча тоже дѣлится между всѣми участвующими поровну, несмотря на возрастъ. Въ настоящее время обычай зэгэтэ-аба, если я не ошибаюсь, выходитъ изъ употребленія.

На Братской степи снѣга уже не было. Приплось изъ спокойныхъ саней пересѣсть въ тряскую повозку. Такъ какъ я былъ уже въ дорогѣ 19 дней, не зная другой постели, кромѣ саней, то я стремился скорѣе

*) См. «примѣчанія» на стр. 282.

попасть въ Иркутскъ. Мои интересы въ этомъ отноше-
 нии не вездѣ совпадали съ желаніями буряты-ямши-
 ковъ. У нихъ былъ какой-то праздникъ, или же просто
 имъ не хотѣлось подниматься съ постели и запрягать
 коней въ глухую полночь. На каждой станціи мнѣ
 предлагали заночевать. Приходилось быть краснорѣчи-
 вымъ, чтобы убѣдить инородца, почему хочется скорѣе
 попасть въ городъ. Трудъ этотъ немалый, если при-
 нять въ соображеніе, что я не понимаю ни слова по-
 бурятски, а инородецъ — по-русски. Напрасно толко-
 валь я ему по-русски, потомъ по-якутски (въ смутной
 надеждѣ, авось пойметъ языкъ того племени, которое
 предки его побѣдили шестьсотъ лѣтъ тому назадъ);
 буряты махаль руками и говорилъ «завтра». Въ отчая-
 нии я крикнулъ: «дамъ хорошо на водку!» Фраза эта
 была волшебной: вмигъ явились кони. Правда, повозки
 были въ разгонѣ, такъ что пришлось удовольствоваться
 «кабриолетомъ», но все-же я ликовалъ, потому что на
 другой день я долженъ былъ быть въ Иркутскѣ. Бу-
 рятскій «кабриолетъ» это нѣчто особенное. Представьте
 два громаднѣйшихъ колеса, соединенныхъ осью, на ко-
 торой прикрѣплена деревянная рѣшетка въ видѣ лѣст-
 ницы. Вотъ и весь «кабриолетъ». Трясетъ онъ ужасно.
 Каждый комъ, каждая рытвина отзываются во всемъ
 вашемъ организмѣ, какъ будто кто обрываетъ вамъ
 внутренности. Ночь была необыкновенно тихая и яс-
 ная. По всему небу протянулся «тэнгэринь-оёдолъ,
 т. е. «путь бурхановъ» (боговъ)*). Гдѣ-то далеко вдали,

*) Млечный путь.

въ какомъ-то улусѣ заливались собаки... Мой буряты задремалъ, какъ видно. По крайней мѣрѣ, лишь изрѣдка раздавался его окрикъ на коней, а потомъ онъ склонялъ голову на бокъ, и слышался странный звукъ. И я никакъ не могъ рѣшить: храпитъ ли мой ямщикъ или же напѣваетъ свой національный «ѣхоръ». При слабомъ свѣтѣ ночи выдѣлилась въ сторонѣ странная форма «Шаманской горы», святыни буряты-шаманистовъ, къ которой еще не такъ давно водили присягать инородцевъ, когда желали у нихъ выпытать какое-нибудь важное показаніе...

До начала XVIII вѣка буряты, какъ и другія тюрко-монгольскія племена, придерживались вѣры *хоро*, извѣстной у насъ подъ названіемъ *шаманизма*. Ее исповѣдуютъ, кромѣ буряты, остяки, самоѣды, юраки, якуты, ламуты, тунгусы и пр. Со вступленіемъ на престолъ династіи Дай-Цинъ, шаманизмъ былъ введенъ въ Китаѣ подъ названіемъ «тяо-шень». Олѣ тамъ не имѣлъ успѣха; но упомянуть объ этомъ важно потому, что въ 1747 г. тамъ былъ изданъ на манджурскомъ языкѣ уставъ обрядовъ шаманской религіи, являющійся единственнымъ печатнымъ катехизисомъ древней религіи монголовъ (катехизисъ этотъ есть въ англійскомъ переводѣ). Постараюсь изложить вкратцѣ сущность этой вѣры *). Міромъ управляетъ безстрастное божество.

*) О шаманизмѣ среди буряты существуютъ такія капитальныя работы, какъ Дорджи Банзарова, Потанина, Хангалова, Клеменца и др. Что касается шаманизма у якутовъ, то объ этомъ имѣются весьма цѣнныя работы гг. Приклонскаго, Сѣрошевскаго и др.

ство, «Дремлющій духъ восьмигранной вселенной» по якутской терминологіи (Анъ-ія дайдынъ-аналлахъ-иччитя-алтанъ-торосколахъ-ангарыхся-тоёнъ). Онъ не имѣетъ никакого образа. Это—не жизнь и не смерть. Точныхъ свѣдѣній о «дремлющемъ духѣ» мнѣ не могъ дать даже знаменитый шаманъ. Невольно приходитъ въ голову, что это первые смутные абрисы абстрактнаго «Брамы», котораго не можетъ еще постичь темная мысль дикаря. Собственно міромъ управляетъ Эсэгэ-маланъ-тенгри (плѣшивый отецъ) въ бурятской терминологіи или Юрюнгъ-Аи Тоёнъ Тангара въ якутской *). Его нельзя ни прогнѣвить, ни умолить, такъ какъ рѣшенія его непреложны. Обращаться, поэтому, къ нему съ жертвоприношеніями и молитвами совершенно бесполезно (остяки называютъ это божество Торэмъ, самоѣды—Нумъ, камчадалы—Кутка). Главнѣйшее божество, близко принимающее участіе въ судьбѣ человѣка, это—злой или, точнѣе, *могущественный* (древніе монголы знали лишь поступки полезные и бесполезные, но не злые или добрые) духъ. Якутское названіе его Улусъ-Ханнахъ-Улу-Тоёнъ (могущественный, все-сильный Богъ) вполнѣ показываетъ это понятіе. вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Арсынъ-Долай, родоначальникомъ «семи улусовъ злыхъ духовъ *абань*» (шулмусъ по бурятски), они насылаютъ на человѣка и на скотъ его различныя напасти и болѣзни. Вся суть религіи «хор»

*) Вотъ полный якутскій титулъ этого божества: Юрюнгъ-Аи-Тоёнъ-Тангара-Югъ Тасъ-Олбохтохъ юсъ юрюнгъ кемюсъ октялляхъ (т. е. Бѣлый богъ, сидящій на тронѣ изъ блага камня, съ тремя серебряными ступенями).

сводится къ тому, чтобы найти средства, какъ бы уми-
лостивить это грозное божество, причиняющее зло не
потому, что мститъ за дурныя дѣла, а потому, что оно
могущественно. Понятія о жизни послѣ смерти очень
своеобразны. Къ каждому человѣку приставлены двѣ
«тѣни» (кюлюкъ). У обманщиковъ ихъ три. Послѣ
смерти человѣка эти «кюлюкъ» отправляются въ «улусы
абагы». Тамъ на нихъ возлагаются иногда обязанности
конвойной команды: караулить какого-нибудь прови-
нившагося *абаты*, котораго Арсынъ Долай сажаетъ «въ
желѣзный амбаръ». Самъ же духъ человѣка превра-
щается въ странствующее существо—«ёръ», невидимое
никому, кромѣ шамана.

Въ «среднемъ мѣстѣ», т. е. на землѣ, этихъ «ёръ»
видимо-невидимо. Можно было бы сказать словами
Мильтона:

«Millions of spiritual creatures walk the earth,
Unseen, both when we wake and when we sleep.»

Эти «ёръ» являются вѣрными помощниками злыхъ
духовъ. Они забираются въ тѣло и внутренности лю-
дей и причиняютъ ревматизмы, гастрическія и нервныя
разстройства и т. д. Кромѣ «ёровъ», въ мірѣ еще много
злыхъ, т. е. могущественныхъ, божествъ, которымъ до-
ставляетъ высшее удовольствіе мучить человѣка, пор-
тить его скоть, рвать сѣти и снасти промышленниковъ
и т. д.

Умолять божества могутъ лишь люди, отмѣченные
съ самаго рожденія печатью особаго духа-покровителя—
шаманы и шаманки. Въ сборникѣ бурятскихъ сказокъ,

собранных г. Хангаловымъ, въ сказкѣ «Гургульдаинъ гурбунъ сысынъ», т. е. «Трое Гургульдаевыхъ мудрецовъ»,—шаманы говорятъ: «мы узнаемъ, что скрыто отъ всѣхъ людей; все что спрятано, мы находимъ» (бутуйэ тахимда бурхэйэ намнахимда» *).

Если среди нихъ встрѣчаются иногда сознательные обманщики, за то большинство ихъ глубоко вѣрить въ свои силы и за свои труды не беретъ много. Духи очень недовольны властью, которою пользуются надъ ними шаманы, и всячески мстятъ имъ. «Наши господа (духи) сердятся всякій разъ на насъ, и плохо намъ впоследствии приходится, но мы не можемъ оставить этого, не можемъ не шаманить»,—такъ говорилъ г. Сѣрошевскому одинъ шаманъ («Какъ и во что вѣруютъ якуты», стр. 129). Всякій шаманъ обладаетъ способностью принимать опредѣленный «звѣриный образъ» (изъ кэла) и въ такомъ видѣ рыскать по свѣту. Этотъ «звѣриный образъ» дается шаману его духомъ-покровителемъ (эмэхэгъ), который водить жреца во время мистерій по всей вселенной. Какъ происходитъ мистерія, я писалъ уже въ другихъ очеркахъ. Свѣтлымъ лучемъ въ мрачномъ взглядѣ шаманизма на враждебную природу является единственное активное доброе женское божество, дѣйствующее безъ всякихъ корыстныхъ цѣлей. Якутскій титулъ этого божества—«Воспитательница и мать-хранительница, соболѣзнующая госпожа создательница» (Итимежиляхъ-Аехситъ іямъ асынылахъ

*) «Записки В.Сиб. отд. р. геогр. Общ.» т. I, вып. I, Иркутскъ, 1889 г., стр. 104.

аисыть хатынымъ). Въ 1727 г. въ Монголію явились буддійскіе миссіонеры и обратили въ буддизмъ забайкальскихъ, бурятъ и инородцевъ Тункинской долины. Буддизмъ смѣшался со старой вѣрой. Было время, когда число буддійскихъ монастырей (дацановъ) достигало въ Забайкальской области и на югѣ Иркутской губ. нѣсколькихъ сотенъ. Теперь число ихъ ограничено. Миссіонеры ввели письменность среди бурятъ и перевели на монгольскій языкъ съ тибетскаго богослужебныя книги. Въ настоящее время одинъ изъ важнѣйшихъ монастырей это—гусиноозерскій, гдѣ живетъ и глава буддійской или ламайской вѣры въ Сибири—бандидо-хамбо-лама. Тамъ же находится громадная бібліотека на монгольскомъ и тибетскомъ языкахъ. Каждый годъ на праздникъ *Майдери* въ монастырь собирается громадное число вѣрующихъ. Богослуженіе производится съ необыкновенною помпою.

Якуты и буряты единственныя инородцы въ Сибири, которые не только не вымираютъ, но даже быстро увеличиваются въ числѣ. Бурятамъ, однако, предстоитъ болѣе свѣтлое будущее, чѣмъ ихъ давнишнимъ неприятелямъ. Это даровитое и живучее племя охотно учится и выдѣлило уже нѣсколько крупныхъ ученыхъ. Во главѣ ихъ, конечно, стоитъ гордость всѣхъ бурятъ—Дорджи Банзаровъ, который, не смотря на университетское образованіе, остался и умеръ буддистомъ и былъ похороненъ со всею помпою ламайской вѣры. Трудолюбіе, способность, національное самосознаніе бурятъ оставляютъ самое выгодное впечатлѣніе у туриста.

На двадцатый день пути я былъ въ Иркутскѣ. Я

отвыкъ отъ вполне европейскаго города, поэтому красивая Большая улица, по которой мчался я, произвела на меня поражающее впечатлѣніе. Былъ прелестный весенній день. Я чувствовалъ, что мое обвѣтренное, коричневое отъ дѣйствія погоды лицо, мой уродливый малахай и чукотская кухлянка составляютъ дикій контрастъ съ разряженной по послѣдней модѣ публикой, толпившейся по деревяннымъ троттуарамъ. На меня оглядывались и долго провожали взглядами. Я со страхомъ ожидалъ, что вотъ-вотъ мальчишки съ гикомъ помчатся за мной. Къ моему счастью, мнѣ не приходилось заѣзжать въ гостинницу, а прямо въ квартиру знакомаго. Въ моемъ костюмѣ дикаря меня, пожалуй, и не впустили бы въ гостинницу. Ахъ, вотъ наконецъ домъ, гдѣ живетъ мой знакомый! Меня увидали изъ окна и бѣгутъ навстрѣчу. Ну, скорѣе, надо сбросить азіатчину и принимать европейскій образъ!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А) Общинная охота у бурятъ *)

(Зэгэгэ-аба).

Судя по буквальному смыслу (зэгэтэ, россомаха, аба, облава), зэгэгэ-аба была вначалѣ общинной облавой на россомахъ, которымъ, быть можетъ, буряты придавали такое же значеніе, какое придаютъ имъ теперь чукчи.

Вскорѣ, однако, зэгэгэ-аба превратилась въ общинную охоту на всякаго звѣря. Она продолжалась 40 дней. На зэгэгэ-аба собирались буряты нѣсколькихъ родовъ. Мѣткіе стрѣлки, руководившіе облавами, воспѣты въ народномъ эпосѣ.

«Гурбанъ голи голгоеръ

Гурбанъ баринъ хатарлабъ».

(«Онъ былъ великій охотникъ, руководившій стрѣлками въ трехъ глубокихъ долинахъ») говорится о любимомъ бурятскомъ богатырѣ въ одной изъ героическихкихъ былинъ.

Въ зэгэтэ-аба участвовали иногда нѣсколько тысячъ человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей.

Охотой руководили нѣсколько распорядителей, «должности которыхъ, говоритъ г. Хангаловъ,—будучи сначала выборными, потомъ, можно думать, превратились въ наслѣдственныя» *). Главный распорядитель назывался *галша*. Его власть была наслѣдственная. Галшѣ безпрекословно покорялись всѣ охотники не только пока продолжалась облава. Въ числѣ главныхъ лицъ были также проводники (газарша). Отдѣльными частями зэгэтэ-аба руководили надсмотрщики (захулы).

Въ определенное время всѣ охотники сходились на известное мѣсто (*тобша*), газарши дѣлили ихъ на два отряда, выстраивали ихъ длинной цѣпью, которая вытягивалась, охватывала кольцомъ лѣсъ, затѣмъ смыкалась.

Выборные отвозили всю добычу къ *тобши*, гдѣ происходилъ раздѣлъ. Здѣсь же правили судъ надъ провинившимися охотниками. Въ видѣ наказанія ихъ лишали добычи или же переламывали надъ преступникомъ стрѣлу, что считалось величайшимъ позоромъ. Случалось, что сходились два зэгэтэ-аба; тогда дѣло часто заканчивалось кровавой схваткой, и побѣдители возвращались не только съ трофеями охоты, но и съ плѣнниками.

Во время зэгэтэ-аба молодые охотники знакомились съ дѣвушками и, съ разрѣшенія галши, заключались браки.

*) «Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. Им. Р. Геогр. Общ.», т. XIX, № 3, стр. 6.

Теперь общинныя облавы, собственно говоря, уже не имѣютъ прежняго значенія, хотя, какъ говорятъ, кое гдѣ онѣ еще сохранились. Онѣ уже не привлекаютъ, во всякомъ случаѣ, такого громаднаго числа охотниковъ, какъ когда-то. Въ этихъ облавахъ принимаютъ участіе нѣсколько родовъ, которые съ давнихъ временъ дѣлали ихъ вмѣстѣ. День сбора на облаву назначается на сугланѣ (сходкѣ). Начало облавы совпадаетъ, обыкновенно, съ новолуьемъ, такъ какъ предпринимать что-нибудь раньше у бурятъ считается грѣхомъ.

На томъ же сугланѣ, на которомъ назначается день сбора на облаву, выбираютъ также и распорядители зэгэтэ-аба: галша, газарша, захулы, лица, назначаемые для храненія и раздачи съѣстныхъ припасовъ и т. д.

При распредѣленіи добычи всѣ участвующіе получаютъ одинаковую долю. Затравленнаго волка, напр., покупаетъ одинъ изъ участвующихъ, а деньги распредѣляются потомъ между всѣми.

У бурятъ бываетъ еще весною общинная охота на козуль (хашанга), которая мало чѣмъ отличается отъ зэгэтэ-аба.

«Почти полное паденіе зэгэтэ-аба имѣло не мало-важныя послѣдствія для бурятъ,—говоритъ г. Хангаловъ.—Во время прихода русскихъ они уже не представляли изъ себя многочисленныхъ, крѣпко организованныхъ обществъ. Сравнительная рѣдкость зэгэтэ-аба не могла не ослаблять ихъ отваги и мужества,—качествъ, воспитываемыхъ въ ихъ предкахъ съ ранняго дѣтства жизнью въ лѣсахъ, борьбою со звѣрями, ино-племенниками и разными невзгодами охотничьей жизни

Этимъ, между прочимъ, объясняется легкость ихъ покоренія казаками». («Извѣстiя», стр. 23).

В) Торговля рогами изюбря.

(см. стр. 246).

Главная ярмарка бываетъ въ Гуй-хуа-ченѣ (въ Монголіи). Сюда приходятъ караваны съ рогомъ изъ Нинъ-ся (туркестанскій), изъ Калгана и Долонъ-нора (маньчжурскій и изъ Урги, Улясутая и Хобдо. Высшимъ сортомъ считается маньчжурскій рогъ; но его очень мало. Сѣверный, т. е. сибирскій средняго достоинства съ шерстью пепельнаго цвѣта; туркестанскій или нинъ-сяскій считается самымъ плохимъ.

Пара роговъ лучшаго качества (*тишоу*, по китайски) продается рублей за 600. Богатые люди въ Китаѣ даютъ въ приданое за дочерью пару роговъ, оправленныхъ въ серебро. (см. *Г. Потанинъ*, «Ярмарка изюбр. роговъ въ Гуй-хуа-ченѣ». Извѣстiя в.—з. отд. Имп. Р. Г. Общ., т. XX, № 4). Должно сознаться, что подарокъ крайне двусмысленнаго характера, на европейскій взглядъ, по крайней мѣрѣ. Изъ роговъ, какъ я говорилъ уже, китайцы готовятъ однимъ имъ извѣстнымъ способомъ возбуждающее лѣкарство.

«Въ провинціяхъ Гуанъ-тунъ (Кантонъ) и Гуанъ-си,—говоритъ г. Потанинъ,—гдѣ населеніе живетъ въ болотистыхъ сырыхъ мѣстахъ, по словамъ китайскихъ

торговцевъ рогами, женщины не могутъ обходиться безъ этого средства; ихъ организмъ разстраивается, появляются женскія болѣзни».

Въ китайскихъ аптекахъ рогъ продается въ видѣ порошка.

Въ Гуй-хуа-ченѣ, на главной ярмаркѣ, продажа роговъ изюбря обставлена многими, крайне любопытными подробностями. Тамъ существуютъ при этомъ опредѣленные обычаи (напр. аукціонъ), которымъ купецъ, какой бы онъ ни былъ національности, долженъ подчиниться.

Оптовымъ торговцамъ въ Сибири фунтъ роговъ обходится въ 8—9 р.

Уменьшеніе количества изюбрей въ лѣсахъ и большой спросъ на нихъ вызвалъ своеобразный промыселъ въ Сибири: прирученіе этихъ животныхъ. Этимъ занимаются крестьяне въ Верхнеудинскомъ округѣ, забайкальской области.

Въ настоящее время (1894 г.) въ двухъ волостяхъ Верхнеудинскаго округа насчитываютъ до 600 полудомашнихъ изюбрей, приносящихъ валового доходу около 25—30 тысячъ рублей.

Рога домашнихъ изюбрей въ продажѣ цѣнятся процентовъ на 30 дешевле «столбовыхъ», т. е. снятыхъ съ животныхъ, убитыхъ на охотѣ. Все же промыселъ этотъ крайне выгодный. Пара роговъ бываетъ вѣсомъ фунтовъ въ 60 (maximum) и стоитъ рублей 400.

Сбываются эти рога («канты») китайцамъ, которые уже съ весны задаютъ крестьянамъ товарами по 4 р. за фунтъ. Выше всего цѣнятся сочные рога съ легкимъ

нѣжнымъ пушкомъ, еще мягкіе, съ неповрежденной
кожицей; для сохраненія, рога отвариваютъ въ соле-
номъ кирпичномъ чаѣ и сушатъ ихъ потомъ въ тѣни.
Отваръ пользуется у сибиряковъ большою славою. Они
его пьютъ отъ всѣхъ болѣзней *).

---

*) См. *Н. В. Кириловъ*, «Полуодомашненные пзюбри въ Верхне-
удинскомъ округѣ». «Извѣстія», № 4. Иркутскъ, 1889 г.).

